

НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ

НЕКОРОНОВАННЫЕ КОРОЛИ

КРАСНОГО КИТАЯ

КЛАНЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ КНР

Аннотация

Эта книга — результат трёхлетней аналитической работы коллектива востоковедов. Она посвящена малоизвестным подробностям управленческой действительности Китая: его внутренней политике, лидерам, основным группировкам и властным кланам, хитросплетениям их взаимоотношений, а также главным векторам государственной стратегии.

Восточный сосед всегда вызывал у России некоторые опасения. Поэтому нам важно знать текущий баланс сил в Поднебесной, степень и характер влияния на него Запада, отношение ведущих китайских игроков к нашей стране. Представленная информация уже доказала свою ценность: прогнозы результатов выборов, напечатанные в первом издании книги в 2016 году, полностью подтвердились.

В чём сила и особенности коммунизма по-китайски? Каковы устремления военной элиты и на что опираются красная аристократия и комсомол? Всё ли так хорошо и прочно в российско-китайских отношениях? С чем связана стойкость мифа о «российской угрозе» внутри Китая? Зачем проводятся антироссийские акции на фоне заявлений о союзе с Россией? Что непременно стоит знать о Си Цзиньпине и китайской политической элите?

-
-
- [Предисловие](#)
 - [Биография нового лидера Китая: Си Цзиньпин](#)
 - [«Шэньсийская группа» в КПК — наследники Цинь Шихуана](#)
 - [Дирижёр партийной чистки Ван Цишань](#)
 - [Партия сказала: надо! Комсомол ответил: нет](#)
 - [На вершине власти: «шанхайская группа» в политике Китая](#)
 - [Клан маршала Е — хозяева Южного Китая](#)
 - [Полководец войны Ли Цзочэн:](#)
 - [Цель — Шэньжэнь: чем закончится бесконечная война за самый перспективный мегаполис Китая?](#)
 - [notes](#)

Николай Вавилов

Некоронованные короли красного Китая

Об авторе

Вавилов Николай Николаевич (1985) — выпускник Восточного факультета СПбГУ с 2006 по 2016 год проживал в пяти различных регионах Китая. Сотрудник журнала «Русская Азия», русской редакции информационного агентства «Синьхуа», создатель интернет-издания «Южный Китай». Сотрудник Комитета по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга (с 2016 года). Автор научной работы «Российско-цинские отношения (1644–1911)» (2002).

Предисловие

Уважаемый читатель, перед вами книга, которая стала плодом трёхлетнего изучения и анализа практических всех основных СМИ Китая, Гонконга, Тайваня, СМИ зарубежных китайских общин, а также англоязычных СМИ по китайской тематике. Эта работа проделывалась авторами в Китае и Гонконге, несмотря на всегда существующий риск работы в области актуальной политической тематики, усилившийся из-за событий «революции зонтиков» в Гонконге в 2013–2014 гг. Учитывая, насколько сложен предмет изучения, это лишь первое погружение в глубокую и далеко не самую прозрачную воду китайской политики, запутанную китайскую бюрократическую систему.

В книге рассмотрены основные действующие игроки китайского политического процесса последнего десятилетия. Ограниченные объёмом книги, мы оставили многие подробности, а также описание не менее важных групп и их лидеров для будущих изданий. Несмотря на то что со времени первого издания книги в сентябре 2016 года прошло два года, авторам удалось угадать с выбором ведущих политических деятелей Китая, которым в книге посвящены отдельные главы. Они получили новые назначения и играют самую активную роль в политике Китая по сей день.

Биография нового лидера Китая: Си Цзиньпин

Фигура Си Цзиньпина, нового лидера страны, уже без всякого сомнения не только центральный элемент политического процесса современного Китая, но и ключевой образ политической эпохи ближайшего десятилетия. Тем не менее, занимая осевое положение китайской политики, всё больше укрепляясь в статусе «отца нации», Си Цзиньпин остаётся «политическим Сфинксом»: характер, личность, привычки, привязанности вождя «новой революции» всё труднее разглядываются за выверенными церемониями государственного ритуала. Портрет личности лидера миллиардного Китая теперь можно составить лишь по штрихам из далёкого прошлого или малодостоверным публикациям гонконгской прессы, которая не раз становилась жертвой своего любопытства.

В ноябре 2012 года генеральным секретарём самой крупной политической организации мира — Коммунистической партии Китая — был выбран Си Цзиньпин, сын губернатора южнокитайской провинции Гуандун, полевого командира и революционера Си Чжунсюня. Начав карьеру с советника министра обороны Гэн Бяо, пройдя десятки назначений — от первого секретаря райкома глухого «китайского Нечерноземья» до первого секретаря Шанхая, Си Цзиньпин занял высший партийный пост в Китае, совместив его в марте 2013 года с государственным постом председателя КНР и главы Центрального военного совета, главного органа управления Народно-освободительной армией Китая. Согласно политической практике КНР установленной, как считается, Дэн Сяопином, новый глава Китая может сохранить этот пост до 2022 года, однако всё чаще раздаются мнения, что политическая эпоха Си Цзиньпина может продлиться куда дольше положенного срока.^[1]

Пришедший к власти в результате сложной политической борьбы Си Цзиньпин — выдвиженец мощной политической команды выходцев из китайской армии и горной северо-западной провинции Шэньси, откуда начинается известный в истории Шёлковый путь. Тяжёлая политическая борьба, которая окончилась поражением всех соперников Си Цзиньпина, продемонстрировала не только личную победу нового лидера Китая, но и новое рождение китайской армии в качестве политической силы,

утратившей этот статус после трагических событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.^[2] В новое, полное рисков и вызовов десятилетие XXI века Китай вошёл под руководством человека плоть от плоти китайской красной армии, сына полевого командира гражданской войны.

Сложный путь Си Цзиньпина к самому ответственному посту в «китайской вертикали», без сомнения, достоин отдельной и интересной, словно политический детектив, книги. Выиграв гонку за «первое место» с нынешним премьером Китая Ли Кэцяном в 2008 году и став зампреда КНР Си Цзиньпин столкнулся с острой «внутривидовой» борьбой в блоке красной аристократии прямо перед запланированным триумфом политической карьеры. Прямой вызов «шэньсийской» команде Си Цзиньпина бросил такой же выходец из красной аристократии Китая — сын министра финансов при Мао Цзэдуна Бо Силай. «Красный мэр» самого перспективного мегаполиса Китая Чунцина попытался сорвать назначение Си Цзиньпина на высший пост, судя по всему, готовивший не только аппаратный, но и военный переворот.

Секретарь горкома Чунцина Бо Силай опирался на широкую группу кланов, близких к китайским нефтяникам и органам государственной безопасности, ещё вчера союзных самому Си Цзиньпину, вышедшему из-под крыла «шанхайской группы» в КПК. Тем не менее китайская элита предпочла импульсивному левому радикалу Бо Силаю и мощным, словно тигриным, челюстям члена политбюро Чжоу Юнкана умеренную фигуру рассудительного и предельно тактичного Си Цзиньпина. Эти качества, однако, не стали помехой перед самой масштабной чисткой политического аппарата, развёрнутой новым главой страны: Бо Силай и Чжоу Юнкан были приговорены к пожизненным срокам заключения, став самыми высокопоставленными политзаключёнными со времён «культурной революции». Соперники Си Цзиньпина по выдвижению на высший пост увенчали собой будущий список из десятков членов Центрального комитета КПК, губернаторов, глав обкомов и горкомов, министров, генералов армий, ректоров крупнейших вузов, арестованных по обвинению в коррупции.

«Мечта о возрождении великой китайской нации»

Фундаментом политической риторики Си Цзиньпина является

национализм, основанный на стремлении вернуть утраченную в колониальный период национальную гордость. Ещё до официального назначения на пост председателя КНР в конце 2012 года, во время посещения выставки, посвящённой национальному унижению китайской нации от колониальных держав в XIX–XX веках, Си Цзиньпин заявил, что важнейшей задачей Китая является «великое возрождение китайской нации». В дальнейшем, после занятия поста главы государства, этот лозунг был расширен до достижения «китайской мечты о великом возрождении китайской нации».^[3] Лозунг, скорее всего, имеет отношение к риторике президента США [Барака Обамы](#), написавшего книгу «I have a dream» («У меня есть мечта»), однако впервые в Китае этот лозунг появился в работе генерала армии Лю Фумина «Китайская мечта: эпоха после США», написанной за два года до того, как будущий глава Китая озвучил его публично.

На фоне снижающейся эффективности китайской экономики и опасности социальной нестабильности «идеология мечты» призвана стимулировать мотивацию населения в условиях снижения темпов экономического роста. «Возрождение нации» не только отражает активную позицию шэньсийской проармейской группировки во внешней политике, но и концентрирует недовольство молодёжи на проблемах внешней политики, в частности на противостоянии с Японией и США.

«Китай должен оставаться красным» и избежать опыта СССР

Не секрет, что в Китае усиливается идеологический вакуум, поскольку на сцену выходит поколение 1980-х, которое не застало основателя китайской коммунистической модели — Мао Цзэдуна, чья идеологическая риторика была основана на достижении равенства, восстановлении институтов общества после длительного разрушительного периода раздробленности. Новому поколению во многом чужды идеи коммунистической справедливости: символы и герои гражданской войны для них лишь идеологические мемы, лишённые актуальной функциональности, а партия становится инструментом личного карьерного роста.

На фоне этого Си Цзиньпин активно и демонстративно предпринимает попытки оживить коммунистическую риторику —

восстановить идеалы служения обществу, а также реанимировать фигуру Мао в качестве вождя армейской элиты страны. Эта линия находит поддержку среди старых партийных кадров, имеющих политический вес, а также в армейской среде. Помимо этого, в партии ведётся внутренняя дискуссия об ошибках и причинах разрушения СССР. По информации ряда источников, Си Цзиньпин лично инициировал и поддерживает данную дискуссию, блокирующую на уровне идеологии попытки региональных элит решить проблемы «известным способом».

Трендом 2016 года стали активные усилия Си Цзиньпина по активизации марксистско-ленинской дискуссии, попытки творчески «преобразовать» марксистскую идеологию, привлекая тем самым на свою сторону красную интеллигенцию.

Последним и важнейшим штрихом к идеологической риторике Си Цзиньпина можно считать объявленную им «новую революцию», о которой генсек заявил в начале 2016 года, в канун 50-летия Великой культурной пролетарской революции в Китае, находясь с инспекционной поездкой в Чунцине.

«Определяющая роль рынка»

Несмотря на внешне заявленную цель по отстаиванию социалистических ценностей и даже верность принципам марксизма, на третьем пленуме 18-го съезда КПК команда Си Цзиньпина выдвинула ряд новых предложений по «углублению реформ», которые на практике вылились в ослабление роли государства, а в качестве центрального лозунга 3-го пленума была выдвинута противоречивая для социалистической экономики «определяющая роль рынка».

Решения 3-го пленума готовят китайские госмонополии к масштабной приватизации, которая сегодня охватывает всё новые сектора экономики и проходит под лозунгом ликвидации нерентабельных предприятий и целых отраслей. Во многом подобная «реорганизация госсобственности», возможно, является ключевым элементом всего правления Си Цзиньпина, во время которого политическая элита страны столкнётся с масштабным падением уровня жизни населения, вызванного замедлением экономического роста, и, как следствие, утратой авторитетности Компартии со всеми вытекающими отсюда политическими

последствиями.

Одним из ключевых моментов в этом процессе может стать подготовка легального перераспределения собственности госмонополий в рамках клановых региональных элит. Интересно отметить, что риторика и даже речевые обороты высшего политического руководства Китая во многом напоминают политическую риторику позднего СССР.

Опора на армию

Си Цзиньпин с молодых лет был связан с НОАК.^[4] Сразу после окончания вуза, в 1979 году, он некоторое время являлся одним из секретарей секретариата Госсовета (правительства КНР) и Центрального военного совета — высшего военного ведомства Китая. В 1982 году Си Цзиньпин стал секретарём министра обороны генерала Гэн Бяо. В 1983 году Си был избран секретарём комитета КПК уезда Чжэндин, совместив эту должность с постом первого политического комиссара Народной вооружённой милиции того же уезда. В 1988 году будущий лидер страны стал секретарём комитета КПК округа Ниндэ провинции Фуцзянь (Южный Китай) и первым секретарём военного округа Фуцзянь, то есть уже тогда находился в непосредственном подчинении Главного политического управления НОАК.

С 1995 по 2002 год Си Цзиньпин занимал посты заместителя секретаря комитета КПК и первого военного комиссара провинции Фуцзянь. Параллельно Си был председателем госкомитета мобилизации провинции Чжэцзян, первым секретарём партийного комитета Нанкинского военного округа (2002–2007), а в бытность главой горкома Шанхая занимал позицию первого секретаря Шанхайского военного гарнизона. Сегодня идеология близкой к Си Цзиньпину армейской группы сводится к достижению в стране аналогов конституционной монархии с опорой на китайскую армию и свойственный ей национализм.

Политический стиль и пиар

Речи Си Цзиньпина изобилуют народными китайскими выражениями даже в выступлениях, посвящённых международным вопросам.

Си Цзиньпин, в отличие от предыдущих деятелей на его посту, в первые годы правления проявлял невиданную открытость, демонстрируя черты своей личности, рассказывая о своих хобби, увлечениях и историях из своей жизни. На создание приятного образа направлена также активная деятельность жены Си Цзиньпина — первой леди Китая, это также небывалое доселе явление в китайской политике.

Генерал-майор НОАК, певица Пэн Лиюань (1962, на 9 лет младше супруга), уроженка Шаньдуна, народная артистка и любимица китайской публики, сопровождает своего мужа в международных турне и является признанной законодательницей китайской моды. Тем не менее с 2015–2016 года присутствие Пэн Лиюань на открытой политической сцене заметно снизилось.

Внешняя политика

Главная внешнеполитическая инициатива Си Цзиньпина — создание Экономического пояса Шёлкового пути, сердцем которого является столица провинции Шэньси — город Сиань. Идея «пояса» состоит в выстраивании прямого сухопутного коридора из Китая через Среднюю Азию, Турцию и Иран на рынки Европейского союза — в обход морского пути, контролируемого США, и возможного альтернативного пути через Россию.

В ходе реализации данного проекта показатели внешней торговли провинции Шэньси вышли на первое место по стране. В реализации такого сухопутного экономического коридора ключевыми становятся страны Средней Азии, Иран и Турция, а максимальное значение для Китая приобретает Пакистан. Реализация этой идеи практически нивелирует риски Китая, которые возникают при военно-политическом обострении ситуации в Южно-Китайском море, служащем сегодня главной артерией китайско-европейской торговли. Главным же геополитическим конкурентом Китая в этой стратегии и угрозой её безопасности становится Индия. Российский вариант «Шёлкового пути» может быть максимально реализован только при обострении ситуации как в Южно-Китайском море, так и при нестабильности на «индийском фланге».

Многokrатно посещая с инспекциями Гуандунский военный округ (Южный Китай), Си Цзиньпин выдвинул новую установку для армии — «уметь вести победоносные войны», — которая с учётом активной политики Китая в юго-восточном направлении призвана обезопасить процесс закрепления Китая в Юго-Восточной Азии и Южно-Китайском море. Главными конкурентами Китая в данном регионе выступают Япония и США, которые действуют руками Филиппин и Вьетнама. Наблюдатели отмечают назначение на посты руководителя ВМФ Китая протеже и коллеги Си Цзиньпина из Ланьжоуского военного округа (регион Шёлкового пути), а также назначение людей Си на посты в островной провинции Хайнань, которая является форпостом внешней политики Китая в Южно-Китайском море.

В рамках внешнеполитической стратегии Китая одним из ключевых элементов является формирование из России надёжного и предсказуемого тыла, который не только не мешал бы закреплению Китая в Центральной Азии, но и был бы нейтрален в грядущем противостоянии с вероятной осью из Японии, США и Индии.

Наряду с активными усилиями Си Цзиньпин продолжает укреплять форумы и международные институты, главную роль в которых играет Китай; в частности, большое значение придаётся форуму в Боао (провинции Хайнань в Южном Китае), который называют азиатским Давосом, — Совещанию по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), аналогом ОБСЕ, а также созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ) — китайского аналога МВФ. Появление подобных организаций в Азии рядом наблюдателей не без оснований было обозначено попыткой Китая создать под своим контролем альтернативную американским и европейским организациям полноценную структуру, подменяющую нынешнюю систему мировых организаций под патронажем США и блока западных стран.

Ряд аналитиков отмечают, что Китай ведёт курс на создание независимой финансовой юаневой зоны, основой которой станет не только реальный внушительный золотой запас Китая, но и укрепление позиции Китая как ведущего импортёра нефти, ряда цветных металлов, сельхозпродукции, что в совокупности создаёт предпосылки для полноценного перехода к торговле между Китаем, его ближайшим окружением, странами Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока с использованием только юаня.

Роль группы Си Цзиньпина в этой стратегии ясна не до конца, однако стратегия создания Экономического пояса Шёлкового пути (или «Один

пояс, один путь») органически дополняет идею автономизации китайского экономического организма. Важным шагом к реализации этой стратегии станут ближайшие сделки китайских нефтяных корпораций с российской «Роснефтью» и арабской Saudi Aramco.

Дата рождения и имя

В официальных биографиях лидеров, как это принято в Китае, указывается только месяц рождения — у Си Цзиньпина это июнь. В различных источниках приводятся разные даты рождения Си Цзиньпина — 1 или 15 июня. По китайскому традиционному гороскопу, которому китайцы придают большое значение, Си Цзиньпин — змея, при этом его знак года полностью совпадает со знаком года Мао Цзэдуна.

Изначальное значение фамильного иероглифа «Си» («пух на крыльях») в современном китайском означает «учиться» или «закреплять изученное», что также роднит нынешнего лидера Китая с Мао Цзэдуном, чей иероглиф «Мао» означает «пух» или «шерсть».

Си Цзиньпин подписывается полной формой иероглифа «Си», которая использовалась в Старом Китае, до реформы письменности начала 1950-х годов. Имя «Цзиньпин» переводится как «близкий к миру» или «близкий к равенству» и похоже на имя Дэн Сяопина, имя которого переводится как «малый мир», «малое равенство». Отметим, что имя второго человека в стране — премьера Ли Кэцзяна, означающее «с силой разрушать», противоположно по смысловой нагрузке имени Си Цзиньпина.

Семья

В биографии отца Си Цзиньпина — Си Чжунсюня (1913–2002), вся юность и молодость которого прошла во время бесконечной гражданской войны, охватившей Китай, стоит отметить два ключевых момента.

Си Чжунсюнь — политкомиссар Ганьсу-Нинся-Шэньсийского советского района, примыкающего к Монголии и имевшего, в отличие от подконтрольных Мао Цзэдуну районов, более тесные связи с СССР Си

Чжунсюнь — один из близких к наиболее просоветски настроенному Гао Гану, полевому командиру группы военных, которые впоследствии неоднократно подвергалась политическим репрессиям со стороны Мао Цзэдуна за их советские связи. В 1935 году Си Чжунсюнь был впервые арестован коммунистами, участвовавшими в Великом походе, то есть непосредственно людьми Мао Цзэдуна.

Гао Ган, однажды предложивший Сталину создать в Маньчжурии 17-ю советскую республику, предан в нынешнем Китае забвению. Связи Гао Гана и Си Чжунсюня изучению не подвергаются, однако в любом случае очевидно, что Си Чжунсюнь принадлежал к независимому лагерю в китайском коммунистическом движении. Согласно одной из версий, причиной второго ареста Си Чжунсюня стала публикация в 1962 году романа «Лю Чжидань» об одном из главных лидеров «шэньсийской группы», в которую входили Гао Ган и Си Чжунсюнь.

Во время «культурной революции» (1967–1976) Си Чжунсюнь содержался под арестом, а Си Цзиньпин провёл семь лет в глухой деревне провинции Шэньси. Часть из этого времени подросток отбывал в следственной камере, где следователи, судя по всему, выбивали из него показания на отца. В 1974 году после подачи более десяти заявлений в Компартию Китая Си Цзиньпин был принят в её ряды.

Вторым ключевым моментом в биографии Си Чжунсюня является его немедленное перемещение в южнокитайскую провинцию Гуандун после окончания «культурной революции» — вначале на пост второго, а затем и первого секретаря обкома провинции. Практически не вызывает сомнений, что это перемещение стало кадровым решением теневого лидера при Хуа Гофэне и Дэн Сяопине — маршала Е Цзяньина, уроженца провинции Гуандун, речь о котором пойдёт в отдельной главе. Назначение Си Чжунсюня в вотчину клана маршала Е говорит о высокой степени доверия Е Цзяньина к отцу нынешнего лидера страны.

Мать Си Цзиньпина, Ци Синь (1926), боевая подруга Си Чжунсюня во время гражданской войны, его вторая супруга, здравствует до сих пор: в Сети широко освещался визит сына к матери 10 июня 2016 года.

Си Цзиньпин — старший сын в семье Си Чжунсюня и Ци Синь. О младшем брате Си Цзиньпина — Си Юаньпине — известно лишь, что он окончил Институт иностранных языков в Лояне и связал свою судьбу с армией, после чего занялся внешнеторговой деятельностью и сегодня работает в одной из государственных структур, в этом его путь напоминает сына маршала Е Цзяньина — Е Сюаньнина. У Си Цзиньпина две сестры, которые, однако, носят фамилию матери, — Ци Цяоцяо и Ци Аньань.

Супруга Си Цзиньпина — известная на весь Китай певица и по совместительству генерал НОАК Пэн Лиюань уроженка провинции Шаньдун. Пэн Лиюань — вторая жена Си Цзиньпина. По распространённой версии, Си Цзиньпин разошёлся с первой женой Кэ Линлин, дочерью тогдашнего посла КНР в Великобритании Кэ Хуа, не только по личным причинам, но и потому, что не хотел покидать Китай ради жизни за рубежом.

У Си Цзиньпина и Пэн Лиюань есть дочь — Си Минцзэ (1992), В 2014 году Си Минцзэ окончила обучение в Гарварде и вернулась в Китай. В 2015 году Си Минцзэ и Пэн Лиюань совершили поездку в родную провинцию Си Цзиньпина — Шэньси, что стало первым появлением Си Минцзэ на публике после возвращения из США. К слову, принадлежность Пэн Лиюань к «творческому цеху» — также одно из сходств Си Цзиньпина и Мао Цзэдуна, чья последняя супруга Цзян Цин также была известной на всю страну актрисой.

Редкая для Китая фамилия Си и род Си Цзиньпина ведёт своё происхождение из района Цзиань южнокитайской провинции Цзянси, с которой у генсека сохраняются особые отношения и до сих пор. Согласно официальным версиям, род Си Цзиньпина покинул родные места в XIV веке и переместился в центральную китайскую провинцию Хэнань, район Дэнчжоу. По одной из альтернативных версий, место проживания предков Си Цзиньпина — район Шанцю («Курган династии Шан»).

Образование

Си Цзиньпин, чья фамилия означает «учиться», известен пристрастием к чтению книг и даже публицистическим талантом: во время своей губернаторской деятельности генсек регулярно публиковал статьи под псевдонимом Чжэ Синь («испытывать радость от мудрости»).

Тем не менее базовое образование у Си Цзиньпина — химическое. Поступив в 1975 году в самый элитный и по сей день вуз Китая — Университет Цинхуа, Си Цзиньпин получил специальность «основы промышленного органического синтеза». Химическому образованию генсека официальные биографии уделяют мизерное внимание, тем не менее активность Китая в агрохимии — одна из характерных черт, присущих правлению нового лидера страны.

Карьера

Си Цзиньпин провёл более 17 лет на различных постах в южнокитайской провинции Фуцзянь — противоположном берегу от «мятежного» острова Тайвань, совмещая как гражданские, так и военные партийные посты. Во время пребывания здесь на посту первого секретаря горкома порта Сямэнь у Си Цзиньпина случился неприятный инцидент, который мог бы повлиять на всю его дальнейшую карьеру. Один из почётных граждан Сямэнь, крупнейшей свободной экономической зоны Китая, оказался и самым крупным контрабандистом Китая. Преступнику удалось сбежать в Канаду, однако самому Си Цзиньпину пришлось давать разъяснения на самом верху — тогдашнему генсеку Цзян Цзэминю.

Судя по всему, неожиданная угроза обратилась в пользу Си Цзиньпина, начавшего стремительное восхождение по карьерной лестнице: пройдя губернаторство в провинции Фуцзянь, генсек занял аналогичную позицию в одной из крупнейших экспортных соседних провинций Чжэцзян, а потом, как и Цзян Цзэминь, занял позицию главы горкома Шанхая. С тех пор за Си Цзиньпином прочно закрепился статус потенциального ставленника «шанхайского» генсека Цзян Цзэминя на посту будущего главы Китая, «шанхайской группе», испытывающей мощное давление комсомола и генсека Ху Цзиньтао, требовался верный ставленник с крепкими связями в армии, однако Си Цзиньпин, судя по всему, получив в 2008 году статус второго человека в стране (зампредседателя КНР), сильно скорректировал собственные привязанности, осуществив личный план, играя на упреждение. Кто знает, возможно, иероглиф «Си», который мы часто воспринимаем в значении «учиться», стоит воспринимать в значении созвучного с ним слова «игра»?

«Шэньсийская группа» в КПК — наследники Цинь Шихуана

Современные политические группы в Китае, по общему мнению, формируются вокруг определённых этнических групп, принадлежность к которым превалирует над принадлежностью к ведомственным, классовым и любым другим видам групп и коллективов. В КНР по очевидным причинам отрицается наличие различных китайских этносов, которые подчас отличаются друг от друга по языку, менталитету, образу жизни и другим этническим характеристикам как народы в пределах одной языковой семьи.

Тем не менее в каждой из провинции КНР выделяется и самоидентифицируется как минимум одна субэтническая группа китайского этноса, которая по принципу языковых отличий и родственных связей противопоставляется другим субэтническим группам совокупного китайского этноса хань. Новый лидер Китая Си Цзиньпин является выдвигенцем и представителем политической группы уроженцев провинции Шэньси, беспрецедентно усилившей свои позиции в партийном, государственном и армейском аппарате за последние годы.

Си Цзиньпин — сын наиболее выдающегося полевого командира гражданской войны в Северо-Западном Китае, уроженца провинции Шэньси, Си Чжунсюня. Сплочённая группа уроженцев Шэньси в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК, правительстве Китая, опирающемся на фундамент армейских генералов бывшего Ланьчжоуского военного округа, формирует костяк шэньсийской группы во власти Китая, которую увенчивает фигура Си Цзиньпина.

Армия и армейские группы формируют хребет любой политической власти в Китае. Начиная с Синьхайской революции, когда «винтовки родили власть» Национальной партии Китая («Гоминьдан»), источник политической власти перемещался от армейских группировок южнокитайского Гуандуна, следуя через провинции Хунань и Хубэй при Мао Цзэду и его преемниках, далее — в Сычуань при Дэн Сяопине, и наконец стал сосредотачиваться в руках уроженцев провинции Шэньси и Шаньдун. Сегодня, впрочем, как и всегда, гражданская власть, власть государственного и партийного аппарата, лишь отражает баланс власти силовых группировок в стране.

В Постоянном комитете Политбюро ЦК Компартии Китая 2012–2017 гг. трое из семи членов политического Олимпа были связаны с провинцией Шэньси: председатель КНР Си Цзиньпин, четвёртый член Политбюро и глава Народно-политического консультативного совета Юй Чжэншэн, шестой член ПК Политбюро и глава Центральной комиссии по проверке дисциплины (орган, отвечающий за партийные чистки) Ван Цишань. Все трое, как считается, являются ставленниками «шанхайской группы» и сформировали «железный треугольник шэньсийцев» внутри более крупной группировки. Несмотря на почти полное изменение нового состава ПК Политбюро в 2017 году, присутствие в нём лидеров из Шэньси только увеличилось.

В армейском руководстве уроженцами Шэньси являются министр обороны Чан Ваньцюань, начальник штаба НОАК Фан Фэнхуэй (МЩШ), начальник Главного управления вооружений НОАК Чжан Ю-ся^[5], бывший политкомиссар флота НОАК Лю Сяоцзян (ушёл в отставку в конце 2014 года). Наиболее близкие отношения, как отмечает зарубежная китайская пресса, сложились у Си Цзиньпина и Чжан Ю-ся. Армейский «железный треугольник» формирует основу силового блока «Северо-западной группы» и считается одним из трёх основных центров в китайской армии, наряду с «Цзинаньской группой» (Шаньдун) и «Северо-восточной группой» — частях, дислоцированных в приграничных с Россией, Монголией и Северной Кореей районах.

К «шэньсийцам» относят также члена Политбюро Ли Чжаньпу^[6], сопровождающего Си Цзиньпина в большинстве международных поездок и курирующего вопросы России и Средней Азии. Своё стремительное восхождение вверх он начал с поста мэра столицы Шэньси — города Сиань. Сильная фигура в составе группы — глава Орготдела ЦК, секретарь Секретариата ЦК Чжао Лэцзи,^[7] курирующий тысячи кадровых назначений в партии. Согласно непроверенным источникам, отец Чжао был близким другом Си Чжунсюня — отца Си Цзиньпина. Говоря о Чжао Лэцзи, наблюдатели часто отмечают его сильный «шэньсийский» акцент, который иногда замечен и у «самого главного шэньсийца» страны.

Ли Чжаньпу и Чжао Лэцзи считаются доверенными лицами Си Цзиньпина и самыми вероятными кандидатами от «блока Си» в новый состав Постоянного комитета Политбюро на 19-м съезде Компартии осенью 2017 года.^[8]

Китайские исследователи, пытаясь расширить круг участников «шэньсийской группы», включают в неё и члена Политбюро,

зампредседателя китайского парламента ВСНП, главу Всекитайской федерации профсоюзов Ли Цзяньго, который возглавлял Шэньси в 1998–2007 годах, при «шанхайском» генсеке Цзян Цзэминь. Тем не менее Ли Цзяньго является уроженцем провинции Шаньдун, которую возглавлял после Шэньси. В данном случае, как и в случае с Ван Цишанем, а также с супругой Си Цзиньпина Пэн Лиюань и рядом других фигур, имеет место тесная связь между «шэньсийцами» и «шаньдунцами». Последние составляли до 40 % высшего командного состава НОАК в 1990-е годы.

Связи с «Жёлтой землёй» — так обозначают принадлежность к малопригодным для земледелия полустепям Шэньси — также имеет бывший вице-премьер Ма Кай, выросший в провинции Шэньси, бывший заместитель отдела пропаганды ЦК, редактор «Гуанмин жибао» и «Жэньмин жибао», ныне заместитель председателя Посткома «парламента» ВСНП Ван Чэнь, заместитель главы Партийной школы Хэ И-тин.

Нетрудно догадаться, что наделённый высокими коммуникативными качествами гуманитарий Си Цзиньпин выдвинут как наиболее представительная фигура группы, способная найти общий язык с представителями других групп. Важнейшую роль в его судьбе на первом этапе сыграл отец, устроив сыну брак с дочерью посла в Великобритании Кэ Хуа, который ранее работал под его руководством в Шэньси, а также сделав Си Цзиньпина секретарём министра обороны Гэн Бяо, боевого товарища Си Чжунсюня по гражданской войне.

Си Чжунсюнь, Лю Чжидань, Гао Ган, без всякой доли исторического пафоса, — символы героизма и патриотизма гражданской войны в Шэньси, настоящие лидеры партизанского движения и примеры для подражания современных воинов и командиров Западной боевой зоны, бывшего Ланьчжоуского военного округа. Авторитет предков создаёт базу для уважения сына Си Чжунсюня — Си Цзиньпина среди командиров и воинов частей НОАК.

Сегодня 11 из 36 членов Центрального военного совета КНР — высшего органа управления армией — составляют выходцы из провинции Шэньси или командиры, прослужившие там значительную часть военной карьеры. Другая треть высшего командного состава Китая принадлежит к выходцам из провинции Шаньдун.

Важным аспектом изучения любой военно-политической группировки являются её геополитические и идеологические принципы и стратегии. Если геополитическая стратегия «шэньсийцев», очевидно, заключается в выстраивании сухопутного коридора в рамках Экономического пояса Шёлкового пути который замкнул бы сухопутные транспортные узлы Европы и Азии на столице Шэньси Сиане, то идеологической и политической моделью этой группировки можно считать наследие первого императора единого Китая — Цинь Шихуана, и его аналогом в российской истории выступает образ Ивана Грозного. Политическая система, к которой по историческим причинам естественным образом склоняется группа, — легизм, или «фа-цзя», — строгое управление страной на основе законов и неотвратимость наказания, что противопоставляется конфуцианству как управлению на основе нравственных норм.

До сих пор группа шэньсийцев не имела серьёзного исторического обоснования своего лидерства в Поднебесной в виде каких-либо полноценных работ.

Однако эту лакуну стремится заполнить новый четырёхтомник «Наш Китай» Ли Лина — специалиста по военной истории и правлению Цинь Шихуана. Работа была представлена широкой публике 6 июня 2016 года.

В материалах Ли Лина предпринята попытка провести ревизию политического прошлого Поднебесной, выводя её сакральное и идеологическое начало из истории империи Цинь, центр которой располагался в современной Шэньси, мечом и беспощадными законами сковавшей разрозненные китайские государства и народы в единую китайскую империю: «В древности Поднебесной добивались из Шэньси» — такими словами увенчиваются исторические построения Ли Лина, который прозрачно намекает на родную провинцию нынешнего лидера и его политическую группу.

Работа историка была презентована в центральных вузах Пекина и Шанхая в июне 2016 года и широко освещалась в прессе, открывая, возможно, новую страницу не столько в исторической науке, сколько в современной идеологии наследников Цинь Шихуана.

В политической элите Китая идёт активный спор, какую модель развития прошлых династий должен реализовать нынешний Китай: «шанхайский путь» океанической державы Мин или военное правление континентальной династии Цин? Стоит ли следовать более «демократическим», нравственным принципам госуправления династии Хань или, может быть, прийти к балансу сил и конфедерации китайских

государств в рамках модели Троецарствия? С публикацией «Нашего Китая» голоса в поддержку модели внутренней политики и геополитики Китая раздались из гигантского древнего захоронения «терракотовой армии» Цинь Шихуана.

Сакральные истоки власти: инь-ян внутренней и внешней политики

Внешне четверокнижие историка Ли Лина носит историко-географический характер, однако центральной осью исследования являются не этнические процессы формирования китайской нации, а её мистические основания: центры зарождения единого государства и центры силы — священные пики и пределы, которыми императоры, исполняющие роль верховых жрецов, очерчивают сакральные границы Поднебесной и по данному принципу выстраивают иерархию распределения власти, а также внутреннюю и внешнюю политику страны.

Задача подобной «политической географии», которая словно разрабатывается не в новейших мозговых центрах КНР а в институте Аненербе, — найти всекитайский мистический центр зарождения китайской государственной власти и доказать историческую состоятельность данной концепции.

Согласно построениям Ли Лина, центр мистической силы китайской власти, в том числе и императорской, находится в Северо-Западном Китае, на границе провинций Шэньси, Шаньси и Хэнань, в уезде Шэнь, одноимённом провинции Шэньси, название которой и переводится как земля «к западу от Шэнь».

При этом «импульс власти», приведший к зарождению Китайского государства, возникает в гористом и пустынном северо-западном районе Китая — нынешней провинции Шэньси, родной для генерального секретаря Компартии Китая Си Цзиньпина.

В основе такого вывода — наложение пространства современного и древнего Китая на «карту Великого предела» — «Тайцзи ту», в которой пустынные и горные районы Северо-Западного и Юго-Западного Китая относятся к территории «инь» — тёмной силы, а густонаселённые районы Китая — к активной, светлой силе «ян». Границей в такой мистической географии служит, например, линия Айхунь (провинция Хэйлунцзян) — Тэнчун (провинция Юньнань), которая делит Китай на две части, в одной

из них проживает лишь 4 % китайского населения.

Центр формирования активной силы «ян» происходит из районов Шэньси, начиная круговое движение в истории и пространстве. Три государственных образования — Ся, Инь-Шан и Западная Чжоу — находятся на одной географической широте к северу от Хуанхэ, но, по мнению автора, зарождаются именно силами, пришедшими из Северо-Западного Китая.

Идея «Великого единства» как коренная идея китайского государства

Неустойчивые государственные образования, ещё не отождествляющие себя со «Срединным государством», получают окончательное формирование государственной идеи «Великого единства» в период династии Западная Чжоу, для которой пришедшая ей на смену династия Цинь была «задним двором». Ли Лин отождествляет принципы нынешнего единства пяти основных наций современного Китая с принципами единства Китая, выдвинутыми Цинь Шихуаном — первым императором единой Поднебесной, однако уже на иных, мистических основаниях: «Пять священных пиков совместно усиливают (течение силы) друг друга».

По мнению историка географии Ли Лина, великий китайский революционер Сунь Ятсен лишь реинкарнировал старые принципы Цинь Шихуана, а не изобрёл новые методы решения национального вопроса в Китае.

Доказательства наличия «источника силы», формирующего единство китайской нации, лежащего в горах Шэньси, Ли Лин находит и в истории гражданской войны Компартии Китая, начавшей своё победоносное шествие по Китаю именно с баз горных пещер в шэньсийской Яньнани, после более чем десятилетней безуспешной войны в Южном Китае.

Исторические аналогии дают читателю возможность сделать самостоятельные выводы о нынешней «династии» во главе с генеральным секретарём Си Цзиньпином. Не указывая на прямые связи между своими историческими построениями и нынешним Китаем, в своей презентации автор упоминает об участии Лю Чжиданя, соратника отца Си Цзиньпина Си Чжунсюня и зампреда КНР Гао Гана, в боевых действиях в Ганьсу-Шэньсийском пограничном районе, указывая на их прямое

содействие в важном историческом процессе созидания единого Китая.

Сакральные принципы региональной политики и геополитики

Согласно Ли Лину, мистическое пространство Китая — лишь часть большого евро-азиатского пространства, в которой Средней Азии и Ближнему Востоку, а также Северной Евразии отводится роль пассивного, генерирующего силу, тёмного и женского начала «инь», а основная масса Китая предстаёт активной, действующей, формирующей мужской силой «ян». Такое новое позиционирование фиксирует новую активную внешнеполитическую доктрину Китая на идеологическом и даже религиозном уровне сознания политической элиты Китая.

Западной доктрине внешней экспансии в труде Ли Лина противопоставляется китайская идея активного притяжения внешних народов к «центральному государству», их добровольной инкорпорации в тело «единого Китая»: «Дать пограничным народам завидовать успехам Китая и ревновать к ним, притягивая эти страны к себе».

В «геополитике Ли Лина» этнический фактор уходит на второй план, подчиняясь фактору близости к мистическому центру Поднебесной: не важно, потомком каких племён является «житель Срединного государства», важно, в каком территориальном отношении он находится к географическому центру. Более подробно доктрина раскрывается при попытке анализа национального вопроса.

Мистическая природа политической географии подчиняет сакральным принципам этнические, экономические и географические факторы, в очередной раз демонстрируя наметившийся тренд на сакрализацию институтов современной власти в КНР с целью обоснования её концентрации в руках потомственной красной элиты страны.

Сегодня сакральные принципы распределения власти активно вытесняют принципы электоральной демократии. Процесс «феодализации» политики тесно связан со сменой парадигмы экономического развития: источник благосостояния вновь концентрируется вокруг контроля над природной рентой или государственными ресурсами и всё меньше связан с

получением прибыли через увеличение производительности труда в условиях находящейся в кризисе рыночной экономики.

Основы такой сакральной географии автор находит в первом географическом труде Китая «Юй гун», который очерчивает границы центральной части Китая, или области концентрации его «мест власти», пятью священными пиками, расположенными по сторонам света, а также центральным пиком Суншань, который также находится по соседству с местом зарождения китайского государства. В свойственной для китайской картины мира эклектичной манере на систему «пяти пиков» накладывается «крест» из «пяти гор», четырёх «морей» и четырёх «водных порогов». Естественные природные объекты признаются центрами формирования сакральной силы, а император является жрецом, инициирующим импульсы власти через ритуалы в этих местах. Общее число таких объектов — 18, что совпадает с административным делением династии Цин на 18 коренных, населённых этническими китайцами провинций Китая.

Базовым членением территорий Китая с точки зрения управления этих территорий императором является система девяти областей. Структура девяти исторических областей, которые покрывают значительную часть современного Китая, также имеет циклический характер «Тайцзи ту» — известной «карты Великого предела», описывающей мир через взаимодействие тёмного и светлого начала «инь» и «ян».

Сакральный центр и национальный вопрос

Решая сложный для Китая вопрос иерархии власти центра и регионов, Ли Лин вводит традиционную для Китая схему управления Китаем и распределения власти по феодальному принципу в виде «пяти сфер подчинения» или «служб», появившуюся в династию Чжоу. Квадратный многоступенчатый зиккурат власти формируется вокруг границ «царского удела» и вводит систему властной иерархии, привязанную к степени близости или удалённости от мистического центра — места нахождения императора.

Ли Лин вводит термин «водоворот цивилизаций», который также

носит циклический и центростремительный характер. Этим термином автор постулирует существование этнической неоднородности собственно китайской, ханьской нации, что в серьёзной степени ломает выстраиваемый на протяжении последних 50–60 лет концепт единой «китайской нации», пытающийся игнорировать или нивелировать различия внутри так называемой национальности хань.

Как отмечалось, в интерпретации Ли Лина этническая принадлежность играет вторичную роль относительно близости к центру источника власти. Тем не менее Ли Лин отказывает значительной части китайского населения, самым ханьцам, в чистоте китайского происхождения.

В концепции автора к центру формирования китайской нации этнически не относятся жители западного Шаньдуна и Северо-Восточного Китая — бывший народ лай-и, «вовлечённые» в единое Срединное государство, подвергнувшись китаизации. Население пояса Янцзы провинции Аньхой и провинции Цзянсу (Шанхайский регион) — также, согласно Ли Лину, не является исконными китайцами, а принадлежит к предкам «южных племён» нань-и и племенам хуай-и. Население Сычуаньского региона относится к потомкам цянов или тангутов, население провинции Хубэй — к потомкам племён северных жунов. Всё это — вторая подчинённая мистическому центру ступень людей, прошедших процесс китаизации и вовлечённых в «силовое поле» Срединного государства. Из такого построения Ли Лина можно сделать вывод, что все эти племена получили культурное влияние центра (район Шэньси — Хэнань — Шаньси) и, соответственно, должны носить подчинённый ему характер.

Провал «шанхайской модели» и «восстания юга против севера» в конкуренции за власть в Китае

Ли Лин многократно отмечает провал попыток управления Китаем из Шанхайского региона — провал правления главы Тайпинского государства Хун Сюцюаня и главы Китайской Республики Чан Кайши, организовавших свои столицы в Нанкине. Ли Лин отмечает, что поддерживаемые тайными организациями Шанхайского региона и Южного Китая Чан Кайши и Сунь Ятсен руководствовались, по сути, принципом тайпинского восстания —

«уничтожить династию Цин и возродить династию Мин» с установлением предполагаемого центра Китая в Нанкине, однако в конечном счёте им не удалось завоевать Китай, разгромив «северян». Южный Китай и Шанхай, по мысли автора, не самый идеальный выбор для места расположения центра политической власти в Китае.

«Китайская мечта» Конфуция

В свою сакральную концепцию автор пытается включить и важный элемент китайской идеологии — Конфуция, однако на совсем новых, неожиданных основаниях. Оказывается, Конфуций видел свою основную цель не в построении государства, основанного на нравственных началах и «гуманизме», как это доказывала китайская идеология почти 20 последних лет, а стремился возродить «единый Китай» династии Чжоу.

«Всю жизнь Конфуция преследовала мечта, мечта властителя Чжоу... это и есть самая ранняя „китайская мечта“».

Так Конфуций стал невольным соучастником пропаганды идеологического мема о «великой китайской мечте возрождения китайской нации», заявленной Си Цзиньпином в октябре 2012 года.

В своих рассуждениях Ли Лин игнорирует конфуцианскую концепцию легализации власти через «мандат неба» для праведного правителя и неба как источника благодати, заменяя её, судя по всему, системой более древних культов, связанных с возвышенностями и понятием «земли».

Энергетика клана: откуда черпает свою энергию Си Цзиньпин?

У каждого политического клана в Китае есть своя мощная энергетическая база. У кланов Южного Китая — это атомная энергетика; у «комсомольцев» — самая большая гидроэлектростанция в мире «Три ущелья» на реке Янцзы, ветроэнергетика и солнечная энергетика; у разгромленного шаньсийского клана (соседняя с Шэньси провинция Шаньси) — своя угольная империя, дело которой с конца 2012 года гибнет под ударами кампании по борьбе за экологию, развёрнутой в госпрессе

Китая, а также в связи с арестами глав угольных корпораций и руководства провинции.

А откуда черпает свою энергию новый генеральный секретарь? Генеральный секретарь черпает свою энергию прямо из-под земли, центр которой представляет собой гигантский ядерный реактор. Заброшенная в Китае почти на 40 лет геотермальная энергетика в буквальном смысле воскресла с приходом к власти Си Цзиньпина. И не где-нибудь, а в древней столице династии Цинь — Сяньяне, расположенном в родной провинции нового генсека Шэньси. Сегодня город, под которым, по легендам, находится подземная загробная столица императора Цинь Шихуана, стал столицей самой экологически чистой энергетике мира.

В 2012 году в Китае было лишь три места выработки геотермальной энергии, обеспечивающих всего 28 мегаватт энергии в год. Для сравнения: гидроэлектростанция «Три ущелья» приносила Китаю в тысячу раз больше. Но спустя три года объём вырабатываемой геотермальной энергии увеличился более чем в три раза и к концу 2015 года составляет уже 100 мегаватт. Развитие геотермальной энергетике — не только возобновляемой и наиболее чистой энергетике, но и практически неуязвимой даже для ядерных ударов противника — внесено в 13-ю пятилетку развития китайской экономики в качестве одной из самых важных целей. Не стоит сомневаться, что угольная проблема будет решена не в пользу природного газа, а при сохранении власти «шэньсийской» группы в пользу «энергии Си Цзиньпина».

Обычный способ реализации любой китайской стратегии предполагает период небольших пилотных проектов с максимально быстрым развёртыванием нововведения в масштабах всей страны, этому в немалой степени будут способствовать исландские инженеры, уже многие годы работающие в Китае в аналогичных проектах.

Потенциал геотермальной энергии огромен, об этом недвусмысленно пишет главный печатный орган КПК «Жэньминь жибао»:

«Потенциал геотермальной энергии Китая можно ориентировочно приравнять к 853 млрд тонн угля, она может заменить его в качестве источника энергоресурсов. Разведка геотермальной энергии способствует реструктуризации энергопотребления, так как расход угля составляет 66 % всех потребляемых ресурсов».

Создание скважин, ведущих в глубь земли на многие километры, может занять годы, однако экологический потенциал и возобновляемость данного источника энергии, а также любовь китайцев к ведению подземных работ не оставляют никакого сомнения в стопроцентной гарантии реализации стратегии «подземной энергетики» Китая уже в ближайшие 5-10 лет.

Совсем в другом свете видится обнаружение в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, также лежащем на Шёлковом пути, огромного подземного моря. Самая главная проблема Северного Китая — отсутствие нужного количества рек для нагревания воды на станциях геотермальной энергии — может быть решена и таким нетрадиционным путём. Само море, если оно находится на глубине более 2 км, представляет собой огромную кипящую кастрюлю, воду в которую закачивать не надо.

Реализацией данной программы занимается Sinopec Star Petroleum, которая уже вложила в развитие отрасли 150 млн долларов. Китай как территория, на которую приходится 1/6 геотермальных ресурсов планеты, намерен завершить дело первого министра энергетики КНР Ли Сыгуана и увеличить выработку геотермальной энергии до 2 гигаватт. Для сравнения: в Исландии, которая в два раза меньше провинции Шэньси, геотермальной энергетикой вырабатывается 660 мегаватт, в США — 3,5 гигаватта.

Дирижёр партийной чистки Ван Цишань ^[9]

Компартия Китая, которая выросла почти до 90 млн членов, является закрытой кастой, неприкосновенной для действия правоохранительных органов, а её высшие политические органы являются «священной коровой», негласный запрет на чистки в отношении которых действовал последние 35 лет рыночных реформ в стране. Единичные случаи антикоррупционных дел никогда ранее не перерастали в масштабные антикоррупционные кампании.

Однако с приходом пятого поколения руководителей в 2012 году в политической истории Китая настала новая эпоха: число исключений из партии и последующих уголовных дел выросло с регулярных 10–20 тысяч до 180 тысяч только за последний год. По сути, в Китае происходит большая чистка, по масштабам сопоставимая с чистками Мао Цзэдуна времён появления КНР Ноты для «очистительной симфонии», заставившей застыть в ужасе значительную часть партийной и государственной элиты страны, без сомнения, являются творением рук Си Цзиньпина, а её главным дирижёром стал выходец из соседней северной провинции Шаньси Ван Цишань (1948), чьё имя Цишань переводится как «Скалистые горы».

Историк Ван Цишань

В судьбе каждого человека существует профессия, которая определяет дальнейший стиль его поведения в работе и направление мысли. Если у кого-то это спецслужба, банк или духовное училище, то профессия Ван Цишаня, сформировавшая его личность, — историк, и не просто историк, а тесно связанный с провинцией Шэньси, родиной нынешнего генсека, где они и стали лучшими друзьями. Судьба бросила Ван Цишаня в Шэньси из столицы во время «культурной революции», здесь он не только «прошёл воспитание трудом», устроившись работать в один из исторических музеев столицы провинции Сиань, но и поступил на историческое отделение

Северо-Западного университета.

Быть студентом-историком в такое «идеологическое» время, как «культурная революция», — значит получить высокую дозу идеологического заряда. Возможно, на всю жизнь.

В Шэньси Ван Цишань знакомится с дочерью будущего вице-премьера КНР Яо Илия Яо Миншань. Лихолетье после окончания «культурной революции» наш герой проводит студентом-стажёром Института новой истории Академии общественных наук Китая. С этого периода у сына талантливого инженера университета Цинхуа, чьи корни уходят в город Циндао провинции Шаньдун, который работал главным инженером Министерства строительства в начале 1950-х годов в Пекине, начинается новый этап в жизни.

Институт новой истории на тот момент становится мозговым центром, в котором сосредотачиваются исследовательские кадры, состоящие из детей потомственной военной элиты страны, как, например, сын маршала Чэнь И, дочь маршала Хэ Луна и др. В это переломное время окончания «культурной революции» и полного хаоса в Китае Ван Цишань организует группу исследователей, возраст которых едва превышает 30 лет, для изучения вопросов экономического развития страны и негативных аспектов социалистической экономики. Доклад группы исследователей был изучен на самом высшем уровне и стал трамплином для дальнейшего восхождения Ван Цишаня: группу пригласили на обсуждение к премьеру КНР Чжао Цзяну.

Куратор первого инвестбанка Китая

Несколько лет проведя в аграрной сфере, будущий борец с коррупцией занимает пост секретаря парткома Китайской сельской трастовой инвестиционной компании, где он и получает опыт для последующего создания первого инвестбанка страны — Строительного банка Китая (China Construction Bank), который сегодня входит в пятёрку крупнейших банков страны.

Ван Цишань также занимался созданием совместного предприятия с крупнейшей американской финансовой компанией «Морган Стэнли», контакты с которой у «грозы всех коррупционеров» сохраняются до сих пор. Ван Цишань, согласно ряду мнений, является протеем ряда новых

назначенцев в руководстве ведущих банков страны.

Операция «Южный Китай»

Опыт финансовой работы очень пригодился Ван Цишаню во время работы заместителем губернатора ведущей экспортной южнокитайской провинции Гуандун, которая тогда, как и сегодня, оставалась абсолютным лидером по росту ВВП и вместе с соседним Гонконгом превращалась в центр Большого Китая, затмевая Шанхай и другие районы страны.

Именно Ван Цишань проводил операцию по крупнейшему банкротству, которое назвали делом века: крах Guangdong International Trust and Investment Corp обошёлся китайским и зарубежным инвесторам в 4 млрд долларов. Ущерб от этого банкротства на фоне развернувшегося Азиатского финансового кризиса исчислялся для Южного Китая сотнями миллиардов отложенных или переправленных в другие регионы страны, в частности в Шанхай, инвестиций. Гуандун будет оправляться от этого удара долгие два десятилетия.

Закончив «финансовую чистку» в Гуандуне, Ван Цишань переместился в другую солнечную провинцию Южного Китая — Хайнань, где, однако, ему не пришлось остаться надолго.

Бесстрашный мэр Пекина

В 2002 году, когда произошла смена генсека с «шанхайского» Цзян Цзэминя на «комсомольского» Ху Цзиньтао, наш герой, не успев насладиться тропическим островом и несколько месяцев, молнией перемещается на пост мэра Пекина — холодной северной столицы страны.

Прежний мэр, Мэн Сюэлун, «пекинец», который в дальнейшем чудесным образом возглавил родную для Ван Цишаня провинцию Шаньси, был обвинён в сокрытии масштабов атипичной пневмонии и ушёл в отставку. Случай для подобной рокировки «провинившегося» чиновника — крайне редкий в истории современного Китая, что подчёркивает присутствие в комбинации внешней силы. Ею, без сомнения, является

«шанхайский генсек» Цзян Цзэминь, уже после своей отставки расставляющий верные «Шанхаю» кадры на важнейшие позиции в стране, сопротивляясь напору идущего ему на смену комсомола.

Эпидемия, напугавшая Пекин, к слову, ударила в основном по экономике Гонконга, который вновь недосчитался крупного объёма инвестиций. Новый мэр Ван Цишань провёл масштабную пиар-кампанию, бесстрашно появляясь на улицах и рынках Пекина. Жители поверили в мэра и его эффективные меры по борьбе со странной болезнью, пришедшей из южного Гонконга. На посту мэра Ван Цишань также руководил подготовкой столицы к Олимпиаде 2008 года.

Судя по всему, он был крайне эффективен, за что и занимал при генсеке Ху Цзиньтао пост вице-премьера, параллельно реализуя свой олимпийский опыт в создании грандиозной «ЭКСПО-2010» в Шанхае.

Находясь на посту заместителя главы правительства, Ван создал группу по борьбе с глобальным финансовым кризисом. Он сумел убедить США и Европу, что Китай продолжит покупать их облигации, и это сильно успокоило рынки. Американские чиновники считают, что Ван сыграл важную роль и в отказе Китая от фиксированного курса юаня в июне 2010 года, которого Америка добивалась не один год. Он продолжает встречаться с высокопоставленными чиновниками из других стран, или, как их называет сам Ван Цишань, со «старыми друзьями».

14 сентября 2008 года находящийся в Лос-Анджелесе для участия в заседании Китайско-американской совместной комиссии по коммерции и торговле Ван Цишань получил информацию от американской стороны о том, что инвестиционный банк «Леман Бразерс» на следующий день объявит о банкротстве. Осознавая, что небывалый финансовый кризис будет распространяться по всему миру, Ван Цишань немедленно проинформировал об этой новости заинтересованные финансовые ведомства страны, потребовав готовиться к худшему сценарию развития событий для обеспечения внутренней финансовой стабильности.

По признанию западных партнёров, не раз участвовавших в переговорах, общаться с Ваном непросто: у него острый язык и деспотические замашки. Одному из чиновников запомнилось, как на очередной встрече во время финансового кризиса Ван недипломатично заявил: «Все ваши упрёки не очень меня интересуют, я знаю, вы продолжите инвестировать в Китай при любом раскладе». Генри Полсон, бывший министр финансов США, вспоминал, что Ван обожает философские споры и отличается завидным чувством юмора.

В 2012 году Ван Цишань вместе со своим другом и почти земляком Си Цзиньпином вошли на политический Олимп страны — вошли в Постоянный комитет Политбюро Центрального комитета Компартии, в составе которого всего семь человек.

В составе Постоянного комитета Политбюро Си Цзиньпин, Ван Цишань и Юй Чжэншэн формируют «железный треугольник» выходцев из провинции Шэньси, однако обязанных шанхайцу Цзян Цзэминю своим нынешним положением, предполагающим, что «железный треугольник» будет направлен против конкурентной «комсомольской группы» во главе с бывшим генсеком Ху Цзиньтао и нынешним человеком номер два Ли Кэцяном.

Ван Цишань тем не менее не является ни уроженцем провинции Шэньси, ни сыном маршала и составляет наиболее слабый с точки зрения клановых связей элемент группы, который также заслужил специфическое отношение как самый главный организатор масштабной расправы над чиновниками в стране.

Непрекращающаяся чистка только набирает обороты, а недовольство многочисленных элитных групп растёт. Некоторые из исследователей, фиксируя сложное положение Ван Цишаня перед 19-м съездом, отмечают, что Ван Цишань крайне заинтересован в том, чтобы остаться в составе Политбюро вопреки формальным основаниям, ограничивающим пребывание в Политбюро по возрасту, а также несмотря на нынешнюю последнюю позицию в составе Политбюро 18-го съезда, которая не подразумевает переизбрания. Тем не менее заявление тайваньской исследовательницы Кэ Юйцянь о том, что Ван Цишань может сменить после 19-го съезда Ли Кэцяна, не только означает возможную отставку всей «комсомольской группы», что равнозначно началу первой стадии гражданской войны в Китае, но и не соответствует объёму клановой поддержки самого Ван Цишаня. Попавший во власть как протеже «шанхайца» Цзян Цзэминя, сегодня Ван Цишань не имеет за собой подобной тяжёлой артиллерии. Рассматривать Ван Цишаня как протеже набирающих силу «шаньдунцев» также достаточно трудно в виду «скромного происхождения». Да и нужен ли Си Цзиньпину в качестве премьер-министра человек, который обладает информацией по всем коррупционным делам за последние 10 лет? Глава ЦКПД никогда ранее не

занимал более высокий пост в иерархии Компартии Китая. Всё это может означать одно: «Мавр сделал своё дело — мавр должен уйти». «Железный треугольник» должен быть заменён не преданными Цзян Цзэминю людьми, а выдвинутыми из Шэньси лично Си Цзиньпином.

«Временные меры»

Сказать, что должность главы «внутренней полиции» партии специфическая, — значит не сказать ничего. Достаточно упомянуть, что, по мнению ряда западных источников, когда один из предшественников Ван Цишаня на этом посту, У Гуаньчжэн, возглавлял расследование в отношении секретаря парткома Шанхая Чэнь Ляньюя, «плату» за свой пост У внёс жизнью собственного сына.

Большая чистка — это прежде всего источник поддержки населения новым руководством страны: 53 % жителей Китая в 2012 году назвали коррупцию основной проблемой страны, за которой следовало расслоение доходов, низкий уровень медицинского обслуживания и небезопасность продуктов питания.

Только за первый год чистки (2012–2013) в ходе плодотворной работы Вана под пресс расследований попали 182 тысячи чиновников, в том числе 35 из них — уровня заместителя министра и выше, всего же до судебного разбирательства было доведено свыше 35 тысяч дел.

Ван Цишань успокаивает: антикоррупционная кампания — это только временные меры, пока страна не пришла к окончательной законности и не отрегулировала все механизмы на автоматическом уровне, в таком случае конвейер антикоррупционной борьбы заработает автоматически, и в шумных кампаниях больше не будет нужды. Система, работающая на основании закона, — в центре доктрины основного идеолога легизма династии Цинь Хань Фэйцзы и, похоже, скоро будет реализована.

В течение 2015 года в Китае арестовано более 30 чиновников уровня министра и губернатора. Количество расследований в отношении коррумпированных чиновников за последние три года снизилось вдвое, однако чистка в рядах высокопоставленных чиновников сопоставима со временами «культурной революции» и напоминает «удар по штабам».

Расследования начались в отношении главы горкома одного из крупнейших городов Китая, «южной столицы», Нанкина Ян Вэйцзэ,

заместителя главы МГБ Китая Ма Цзяня, заместителя главы муниципального собрания лежащей на Шёлковом пути провинции Ганьсу Лу Учэня, заместителя губернатора развитой приморской провинции Фуцзянь Су Шулиня, заместителя главы Совета народных представителей (муниципальное собрание провинции) этой же провинции Сюй Гана, заместителя главы НПКС (аналог общественной и торгово-промышленной палаты) приморской провинции Чжэцзяна Сы Синьяня, заместителя главы НПКС южной провинции Цзянси Сюй Айминя, главы обкома «китайского Подмосковья», провинции Хэбэй, Цзин Чуньхуа, заместителя главы муниципального собрания Синьцзян-Уйгурского автономного района Ли Чжи, заместителя главы обкома провинции Юньнань Чоу Хэ, директора Первого автомобильного завода — флагмана отечественного китайского автостроения — Сюй Цзяньи, генерального директора нефтяной госкорпорации CNPC Ляо Юньюаня главы другой нефтяной госкорпорации Sinopec Ван Тяньпу, мэра столицы Гуанси-Чжуанского района города Наньнин Юй Юаньхуэя заместителя главы Управления по делам спорта КНР Сяо Тяна, заместителя главы СНП^[10] Тибета Лэ Дакэ, заместителя главы Верховного суда КНР и главы его партийной группы Си Сяоминя, заместителя главы Управления по делам охраны окружающей среды Чжан Лицзюня заместителя главы правительства и НПКС^[11] автономного района Внутренняя Монголия Чжао Липина заместителя губернатора северо-восточной провинции Цилинь Гу Чуньли, главы Управления по безопасности на производстве Ян Дунляна арестованного в том числе и из-за инцидента с мощным взрывом в Тяньцзине, главы сталелитейной госкорпорации города Ухань Дэн Циляня. Самое последнее расследование — в отношении секретаря обкома провинции Хэбэй Чжоу Бэньшуня. В 2016 году знаковыми расследованиями стали дела против заместителей губернаторов провинции Аньхой и Цзянсу, мэров столиц регионов — городов Чэнду, Цзинань и Хэфэй.

Полный список раскрывает всю масштабность работы ЦКПД, нанёсшей удары в прямом смысле слова по всем провинциям Китая, включая руководство Пекина и Шанхая. СМИ Китая подчёркивают, что удары наносятся по коррупционерам всех видов власти и всех управлений страны, чтобы показать одно: для них не существует «островов безопасности». С 2012 года, когда новый лидер Китая объявил беспощадную войну коррупции, своих постов лишились мэры целого ряда провинциальных столиц — Синина, Гуанчжоу, Куньмина, Тайюань, Цзинань, Нанкин, Наньнин, крупного «нефтяного» города провинции

Хэйлунцзян Дацин, второго по значению города провинции Гуйчжоу Цзуньи. Своих позиций лишились 10 заместителей губернаторов, а также главы НПКСК^[12] провинций Сычуань и Гуандун и восемь заместителей глав НПКС провинций.

Особенности борьбы

Многие отмечают, что «жертвы» борьбы — это «тигры»-шестидесятники, среди которых около 20 высокопоставленных чиновников КНР, назначенных в большинстве своём на посты ещё при бывшем «комсомольском» генсеке Ху Цзиньтао. Если «культурная революция» просто уничтожала органы управления целиком, то кампания Си Цзиньпина — это операция точечных ударов по определённым центрам власти без нарушения работоспособности механизмов.

С другой стороны, недавно была растиражирована новость: чиновники в Китае напуганы настолько, что в бюджет вернулись более 100 млрд нерастраченных денег.

Не обходит чистка и армию — здесь число руководителей уровня военного округа провинции, арестованных за коррупцию, достигло 80 человек. Основная масса — это пятидесятники, или офицерские кадры, чей рост начался при генсеке Цзян Цзэмине, — на эту группу приходится 55 из арестованных, а на шестидесятников приходится 20 лиц.

Чистка ведётся невзирая ни на что: около 10 «тигров» были задержаны уже будучи на пенсии или незадолго до её начала — весьма жестокая даже для Китая мера, особенно после размеренных мирных десятилетий. Чистка ведётся по-военному и застигает коррупционеров врасплох. «Бить тигров по выходным, бить тигров на рассвете, бить тигров перед Новым годом, бить тигров глубокой ночью, на праздниках», — так описывает чистку пресса Китая. ЦКПД опубликовала новость о задержании заместителя главы Управления промышленности и коммерции Сунь Хунчжи в 6:55 утра 26 декабря 2014 года, а новость о задержании чиновников Су Шулиня и Юй Юаньхуя — в 23:30 вечера 7 октября.

Чистка охватывает не только чиновников, но и глав госпредприятий: только за 2013 год своих позиций лишились 20 руководителей ведущих предприятий страны в самых различных отраслях.

Аскеты

Ван Цишань, как и Си Цзиньпин, зарплата которого, по официальным данным, около 10 тысяч юаней (1600 долларов) — аскеты. Именно им принадлежит авторство кампании по борьбе с роскошью и расточительством, особенно за столом (а еда у китайца — ценность номер один). Около 25 тысяч человек в партии и госаппарате были обвинены в «экстравагантном образе жизни». Например, покупке на госсредства роскошных автомобилей или организации богатых похорон родственников. Отмечается, что такие случаи не рассматриваются как уголовные преступления. Люди отделяются предупреждениями, выговорами, понижением в должности или, на крайний случай, увольнением. За более серьёзные прегрешения ждёт тюрьма, в том числе пожизненное заключение. Притчей стало дело о том, как в доме одного из «угольных» чиновников провинции Шаньси обнаружили взятку на 200 млн долларов, а у отставного генерала Сюй Цайхоу взятки вывозили на 10 военных грузовиках.

Вертикаль

Если центральное правительство ослабляет свои функции, десятками передавая их региональным ведомствам, то в ЦКПД^[13] всё с точностью до наоборот: следователи практически выведены из подчинения местным партийным организациям и теперь подчиняются напрямую Вану. Аналогичные ведомства создаются и в армии — на роль главы закрытой антикоррупционной комиссии в НОАК взят сын бывшего председателя КНР Лю Шаоци, погибшего во время «культурной революции», Лю Юань. 31 января 2015 года Лю Юань покинул свой пост в китайской армии, а в марте 2016 года занял позицию в финансовом комитете китайского «парламента» ВСНП.

Чистка и разгромленные группировки 2013–2014 годов

Данные расследования гонконгской газеты South China Morning Post

Когда утром 17 сентября Ли Цян, глава горкома Компартии прибрежного города на востоке Китая — Лянюньгана, говорил заключительные слова своей антикоррупционной речи, у входа в конференц-зал появилась группа незнакомцев. Ими оказались инспекторы Центральной комиссии Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины — одного из самых влиятельных и закрытых государственных органов, «внутренней полиции» партии. Их главной задачей является охота на коррупционеров в рядах Компартии Китая. И они ждали Ли.

Ли уже готов был уйти после выступления, однако инспекторы остановили его. Уже к вечеру ЦКПД сообщила об аресте чиновника в связи с подозрением в «серьёзных дисциплинарных нарушениях» — речь шла о коррупционной деятельности и злоупотреблении служебным положением. Это был последний раз, когда Ли появился на публике...

С конца 2012 года, после значимого укрепления влияния нового главы Китая — Си Цзиньпина, было проведено около 75 тысяч подобных арестов, инициированных Комиссией по проверке дисциплины. В одном из своих первых обращений генеральный секретарь предостерёг членов Политбюро, что рост коррупции может «погубить партию и страну».

В последние два года у ЦКПД, возглавляемой выходцем из северной провинции Шаньси, членом Политбюро Ван Цишанем, было много работы. Следуя словам Си Цзиньпина и «убивая тигров и мух одновременно», где «тигры» — это крупные коррупционеры, а «мухи» — мелкие чиновники, комиссия стала одним из самых влиятельных государственных органов.

На четвёртом пленуме ЦК партии в Пекине были прослушаны отчёты ЦКПД о четырёх раскрытых коррупционных преступлениях: бывшего главного управляющего государственными предприятиями Цзян Цземиня, бывшего заместителя руководителя нефтяной корпорации China Petroleum Ван Юнчуна, заместителя главы обкома Сычуани Ли Чуньчэна и бывшего заместителя министра общественной безопасности Ли Дуншэна.

Детали ареста Чжоу Юнкана, бывшего члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и куратора всех силовых структур от партии, а также генерал-полковника Сюй Цайхоу, бывшего вице-председателя Центрального военного совета ещё окончательно не раскрыты. По данным South China Morning Post, число арестов, связанных с антикоррупционной борьбой, значительно увеличилось с начала 2014 года.

С конца 2012 года комиссия озвучила имена почти 700 чиновников, обвинённых в коррупции, ещё до окончания суда, чем поставила точку в их политических карьерах. Даже кадры самого низового уровня могли быть упомянуты в публичных отчётах ЦКПД, потеряв лицо и будучи опозоренными на всю страну, если они были как-то замешаны в деле бывшего «царя госбезопасности» Чжоу Юнкана, коим его окрестила западная пресса.

Стратегия окружения, когда удар концентрируется на политических союзниках и партнёрах по бизнесу, а далее наносится по членам семьи и по конечному объекту, помогала следователям приблизиться к «тиграм» — коррупционерам на высших постах. Идущие по следу группы комиссии, которые проверяли провинции, правительственные министерства, госпредприятия, также отмечали вопиющие случаи коррупции.

У ветерана в области изучения политики Китая из Национального университета Сингапура Бо Чжиюэ — свой взгляд на динамику антикоррупционной кампании: «Правительства низового уровня теперь соревнуются между собой в борьбе с коррупционерами. Это напоминает борьбу с правым уклоном при Мао Цзэдуне в 1956 году, когда они выполняли планы по чистке в партии». «Теперь никто не может спать спокойно», — отмечает исследователь.

Сейчас всё в неопределённости и нет чётких правил, кто должен попасть под расследование. «Проблема в том, что критерии коррупции очень высоки — по сути, каждый чиновник в Китае может попасть под эти критерии», — добавляет Бо.

«Здесь не борьба с коррупцией, здесь признаки осуждения политической позиции».

Дело Чжоу Юнкана

В июле 2014 года новостное агентство «Синьхуа» опубликовало новость о начале судебного разбирательства в отношении одного из обитателей политического Олимпа Китая — Чжоу Юнкана, постоянного члена Политбюро, куратора всех силовых ведомств страны и главы Политико-юридической комиссии Компартии Китая.

Выучившийся на нефтехимика Чжоу начал свою карьеру в нефтяном секторе, позже, в 1999 году, дорос до главы обкома одной из крупнейших

провинций Китая — Сычуани. А в 2002 году он вернулся в Пекин в качестве главы МВД и находился в Постоянном комитете Политбюро до 2012 года пять лет. Следователи искали материал в его «нефтяном» прошлом, а также в том времени, когда Чжоу был главой обкома.

«ГРУППА ЧЖОУ ЮНКАНА»

Чжоу Юнкан — член ПК Политбюро, куратор всех силовых ведомств (МВД, МГБ) от партии.

Ли Дуншэн — бывший заместитель главы МВД.

Юй Ган — заместитель главы офиса Политико-юридической комиссии КПК Тань Хун — один из крупных чиновников в МВД, глава Управления охраны Цзян Цземинь — глава Комитета по контролю и управлению государственным имуществом при центральном правительстве Китая.

Ли Хуалинь — заместитель главы нефтяной корпорации «Синопек».

Цзи Вэньлинь — глава обкома провинции Хайнань (Южный Китай).

Го Юнсян — заместитель губернатора провинции Сычуань (Юго-Западный Китай).

Ли Чуньчэн — заместитель главы обкома провинции Сычуань Ли Чунси, глава НПКС Сычуани (аналог общественной палаты в РФ).

Тань Ли — заместитель губернатора Хайнань.

Лю Хань — угольный магнат провинции Сычуань.

С 2012 года в отношении значительного числа партийных работников Сычуани — одной из набирающих экономическую мощь внутренних провинций Китая, уже велась антикоррупционная работа. Первыми впали в немилость заместитель главы МВД Ли Дуншэн и глава китайского «Госимущества» Цзян Цземинь.

По мнению Бо Чжиюэ, расследование против Чжоу Юнкана велось по схеме предыдущего расследования против Бо Силая — одиозного главы соседнего с Сычуанью города Чунцина, который бросил вызов избранию нынешнего генсека Си Цзиньпина.

Дело Сун Линя — главы корпорации «Хуажунь» (China Resources, Hong Kong), объединявшей госпредприятия в области добычи сырья, потрясло богатую углём северную провинцию Шаньси. За ним последовали аресты самых могущественных чиновников в провинции, включая Лин Чжэнцэ — брата члена ЦК КПК Лин Цзихуа, которых в дальнейшем называли главарями в «Банде Юньчэн», члены группировки которой корнями происходили из Шаньси.

«ГРУППА ЛИН ЦЗИХУА»

Лин Цзихуа — глава управления по работе с Единым фронтом при КПК (Единый фронт — союз девяти партий Китая, включая КПК, оставшийся со времён гражданской войны).

Сун Линь — глава корпорации Хуажунь (China Resources), Гонконг.

Лин Чжэнцэ — заместитель председателя провинциального НПКСК Шаньси (орган, близкий к сочетанию функций Общественной и Торгово-промышленной палат РФ, где представлены общественные и бизнес-сообщества).

Чэнь Чуанпин — бывший глава горкома столицы Шаньси, города Тайюань.

Ду Шаньсюэ — заместитель губернатора Шаньси.

Бай Юнь — глава управления работы Единого фронта при КПК по провинции Шаньси.

Не Чуной — глава обкома Шаньси.

Лин Цзихуа на протяжении многих лет занимал позицию в непосредственной близости к бывшему генеральному секретарю Ху Цзиньтао (выходец из провинции Аньхой), возглавляя Секретариат ЦК КПК, бюрократическое сердце партии. Метивший в Политбюро — «закрытый клуб» из нескольких человек, которые выносят судьбоносные для страны и партии решения, — Ли Цзихуа был «подбит на взлёте» в судьбоносном 2012 году, после того как его сын Лин Гу погиб в скандальной автокатастрофе, рассекая улицы Пекина на «Феррари» за миллион долларов с двумя полуодетыми девушками.

В 2016 году в отношении Лин Цзихуа был вынесен приговор о пожизненном заключении.

По Шаньси, одной из северных провинций, которая граничит с родиной нынешнего генсека, провинцией Шэньси, а также является родиной главы «внутренней полиции» партии ЦКПД Ван Цишаня, был

нанесён чуть ли не самый сильный удар антикоррупционной кампании: 13 членов постоянного комитета обкома провинции подпали под следствие.

ЦКПД критиковала высшее начальство Шаньси за слишком мягкую антикоррупционную кампанию. Три полицейских начальника один за другим были уволены в столице провинции Шаньси — Тайюане. В августе South China Morning Post (SCMP) писала о том, что один из самых богатых людей провинции, Чжан Синьмин, был задержан по делу Сун Лина, члена «шаньсийской банды», главы корпорации «Хуажунь», связанного с добычей угля. Уже в сентябре глава обкома Шаньси Юань Чуньцин исчез из провинции. За этим последовало заявление ещё одного члена Постоянного комитета Политбюро Лю Юньшаня, что «политическая экология в провинции нуждается в улучшении» — такие слова из уст одного из высших руководителей страны в отношении целой провинции звучат не часто.

ЮНЬНАНЬСКАЯ ВОТЧИНА

Бай Эньпэй — экс-глава обкома провинции Юньнань (Юго-Западный Китай, граница с Мьянмой, соседняя с Сычуанью провинция).

Лю Хань — угольный магнат.

Чжан Тяньсинь — экс-глава горкома Куньмина, столицы Юньнань.

Шэнь Пэйпин — бывший заместитель губернатора Юньнань.

Ван Тяньжао — директор Первой народной больницы Юньнани.

Когда «сычуаньский тигр» Чжоу Юнкан стал главой обкома Сычуани в 2001 году, ещё один выходец из инженерной среды — Бай Эньпэй — начал свою десятилетнюю карьеру в соседней Юньнани в качестве партийного секретаря.

Стратегия Бая заключалась в превращении граничащей с Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом Юньнани в торговый мост со странами Юго-Восточной Азии. Тем не менее инфраструктурные проекты застопорились из-за бесконечных земельных конфликтов на местах.

Спустя пару лет после того, как Бай вышел в отставку в 2011 году, в Сычуани был арестован бизнесмен Лю Хань — деловой партнёр старшего сына Чжоу Юнкана, с которым Бай был на короткой ноге. Дело угольного магната Лю Ханя связали с помогающим ему Баем.

Лю Хань и другие бизнесмены были названы триадой — организованной преступной группировкой — и приговорены к смертной казни.

В августе Бай попал под следствие. Преемник Бая — Цинь — был вынужден уйти в отставку, не проработав в должности и трёх лет.

«БАНДА ЦЗЯНСИ»

Су Жун — заместитель председателя НПКСК провинции Цзянси (Юго-Восточный Китай).

Юй Лифан — супруга Су Жуна.

Чэнь Аньжун — заместитель главы СНП Юньнани (региональный парламент).

Чжао Чжунюнь — заместитель главы обкома Цзянси.

Яо Мугэнь — заместитель губернатора Цзянси.

Чжоу Цзяньхуа — глава постоянного комитета СНП района Синьуй.

В 2013 году Чжоу Цзяньхуа, чиновник низового уровня в провинции Цзянси, попал в сферу внимания следователей из ЦКПД из-за причастности к незаконным земельным сделкам, однако в них оказалась замешана и жена ключевой влиятельной фигуры Компартии — Су Жуна.

Су был главой обкома внутриконтинентальной провинции Цзянси с 2007 по 2013 годы. Однако следователи получили нулевой результат при попытке развить дело Чжоу Цзяньхуа, и они начали следствие против Яо Мугэня — заместителя губернатора провинции и ключевого союзника Су Жуна, которого они задержали в июне 2013 года. Донос Чжоу Цзяньхуа, однако, не спас его от смертного приговора, который был приведён в действие в 2015 году.

«ГРУППА ВАНЬ ЦИНЛЯНА» В ГУАНЧЖОУ

Вань Цинлян — бывший глава горкома Гуанчжоу, столицы провинции Гуандун.

Чэнь Хунпин — бывший глава горкома Цзеяна, города в провинции Гуандун.

Лю Шэньф — заместитель главы горкома Цзеяна.

Ло Оу — заместитель главы постоянного комитета народного правительства Гуандуна.

Цао Цзяньляо — вице-мэр Гуанчжоу.

Ян Яньвэнь — глава райкома Хуаду, пригорода Гуанчжоу.

Ли Цзюньфу — глава управления земельными ресурсами и жилищной администрации Гуанчжоу.

Экономика провинции Гуандун, что в Южном Китае (если рассматривать её отдельно от Китая, она будет считаться 15-й крупнейшей экономикой в мире), почувствовала на себе самый сильный удар антикоррупционной кампании — об этом свидетельствуют данные ЦКПД. Спустя год были арестованы также два заместителя губернатора провинции Гуандун.

Расследования не обошли и скандалы вокруг целой индустрии торговли телом в гуандунском городе Дунгуань, который считается столицей китайской проституции, а также вокруг чиновников, которые пользовались многочисленными паспортами для оформления покупки недвижимости. В октябре 2015 года провинциальные власти заявили, что будут увольнять или тормозить карьеру тех чиновников, чьи близкие родственники проживают за рубежом — для них даже появился термин «голые чиновники».

В июне 2014 года на фоне небывалых по масштабам протестов в Гонконге ЦКПД начала расследование в отношении восходящей политической звезды — молодого главы горкома партии Гуанчжоу — Вань Цинляна, для которого, как и для многих его предшественников, пост секретаря горкома в третьем по величине городе Китая мог стать площадкой для повышения до должности главы провинции.

Вань Цинляна подвело его прошлое и его подчинённый — Чэнь Хунпин, который занял место Вань Цинляна на посту секретаря горкома Цзэяна. Именно «работа» с Чэнь Хунпином позволила выйти на главу Гуанчжоу.

СЕКРЕТНОЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В КИТАЙСКОЙ АРМИИ

Сюй Цайхоу — генерал-полковник, заместитель председателя Центрального военного совета КНР — органа, управляющего всеми вооружёнными силами Китая.

Гу Цзюньиань — заместитель главы транспортного управления НОАК (армия Китая).

Ян Цзиньшань — бывший заместитель командующего Чэндуским военным округом (Сычуань).

В июне 2013 года Политбюро, состав которого генерал Сюй покинул годом ранее, лишило его членства в партии в связи с обвинением в

коррупции. В конце октября Военная прокуратура объявила, что больной раком генерал предстанет перед судом за взяточничество, что по сути является беспрецедентным в 87-летней истории НОАК.

Расследование в отношении генерала Сюй Цайхоу началось с его подчинённого — главы главного транспортного управления НОАК, генерал-лейтенанта Гу Цзюньпаня, который также был отстранён от работы по подозрению во взяточничестве: данные о его огромном личном и семейном состоянии были опубликованы в гуанчжоуской газете «Цайсинь». Надо отметить, что в НОАК существует своя структура по проверке дисциплины, однако данные её расследований не оглашаются.

В октябре 2014 года на 4-м пленуме партии было анонсировано, что генерал-лейтенант Ян Цзиньшань, заместитель командующего Чэндуским военным округом, попал под следствие из-за серьёзного нарушения партийной дисциплины и лишён членства в партии.

Таковы итоги лишь первого этапа антикоррупционных чисток — 2013–2014 годов.

В 2015 году чистка охватила не только высшее руководство всех без исключения регионов Китая, но и значительно распространилась на армию, сферу образования и культуры, накрыла весь нефтегазовый сектор, затронула значительную часть всех крупнейших госкорпораций страны.

В 2016 году чистка и отставки впервые затронули финансовый сектор Китая, переживший крупнейший обвал фондовых бирж в истории современного Китая, а также центр финансового мира Китая — город Шанхай.

Острая фаза чисток, наступления на коррумпированные кадры, оставшиеся со времён деятельности предыдущих генсеков, встречает всё большее сопротивление «по мере усиления классовой борьбы» и приобретает иные, не аппаратные формы сопротивления.

Партия сказала: надо! Комсомол ответил: нет

Забывтое в России слово «комсомол» в Китае значит ещё очень много. Выходцы из комсомола не только занимают высшие государственные посты, но и образуют охватывающую практически весь Китай сеть руководителей. Кто входит в состав группы «комсомольцев», какова их идеология и как разворачивается противостояние между «новой элитой», возникшей из кузниц кадров комсомольских организаций и потомственной военной элитой страны?

Сегодня в западной и гонконгской прессе принято рассуждать о том, что Си Цзиньпин проводит масштабную чистку и сосредотачивает в своих руках абсолютную власть. Тем не менее достаточно взглянуть на состав правительства Китая — Госсовета КНР, которое возглавляет бывший первый секретарь Коммунистического союза молодёжи Китая Ли Кэцян чтобы понять, что реальные рычаги власти, способные повлиять на развитие страны, сосредоточены вовсе не в руках нового Мао. Несмотря на то что во главе Китая уже более трёх лет находится новый лидер, в правительстве остаются прежние лица, занимающие свои позиции ещё со времён бывшего генсека Ху Цзиньтао, также в своё время возглавлявшего китайский комсомол.

Министерство контроля, Министерство гражданской администрации, Министерство юстиции, Министерство земельных и природных ресурсов, Министерство жилья, городского и сельского строительства, Министерство транспорта, Министерство сельского хозяйства, Министерство культуры, Управление по контролю качества, Управление энергетики, Управление по делам спорта — позиции в этих важнейших для развития страны ведомствах долгие годы прочно занимают выходцы из региональных и центральных структур китайского комсомола, не говоря уже о значительном числе руководителей китайских регионов: руководители таких ведущих регионов страны, как Шанхай, Чунцин, Гуандун,

Хэйлунцзян, также пришли на высшие посты из кабинетов комсомольских руководителей.

Помимо мощного блока в правительстве и регионах, выходцы из комсомола занимают позиции заместителя председателя КНР (Ли Юаньчао), главы Высшей партийной школы и члена Постоянного комитета Политбюро (Лю Юньнань), главы Верховного народного суда КНР (Чжоу Цян) и две вице-премьерские позиции в стране (Ван Ян и Лю Юаньдун).
[\[14\]](#)

Обвинения в «сосредоточении абсолютной власти» — отголосок ударов, которые наносят антикоррупционные чистки, прежде всего по ведущим деятелям комсомольского движения: большинство из руководителей, попавших под пресс расследований, получили свои посты при предыдущем генсеке Ху Цзиньтао. Одними из самых крупных политических группировок, разгромленных в первые же годы чисток, стали «шаньсийская банда» (не путать с провинцией Шэньси) выходца из комсомола Лин Цзихуа, которого называют правой рукой Ху Цзиньтао, а также «Гуанчжоуское дело» мэра столицы южнокитайской провинции Гуандун города Гуанчжоу — «комсомольца» Вань Цинляна. Не стоит также забывать, что шквал обвинений от старейшин партии в 2014 году обрушился не только на ныне отбывающего пожизненный срок члена Политбюро Чжоу Юнкана, но и на бессменного при Ху Цзиньтао члена Политбюро нынешнего состава, выходца из комсомола Внутренней Монголии Лю Юньшаня.

От гражданской войны до Тяньаньмэнь

В отличие от России, где молодёжное коммунистическое движение появилось лишь после революции 1917 года, в Китае Союз «социалистической» и «коммунистической» молодёжи появился одновременно и, если считать формально, даже раньше самой Коммунистической партии Китая. Как в Коммунистическую партию, так и в комсомол (а тогда по сути — бесформенное объединение националистической молодёжи) жизнь вдохнул первый генеральный секретарь Компартии Китая — анхоец Чэнь Дусю (настоящее имя Чэнь Тунцин). Именно его журнал «Новая молодость» (аналог большевистской «Искры»), который он активно издавал после обучения в Японии,

стоявший на антицинских, националистических и социалистических позициях, принёс марксистскому движению Китая первую известность и был по сути «коллективным агитатором и организатором», ставшим идеологическим ядром социалистически настроенной молодёжи.

«Новая молодость» (1915) стала вторым издательским проектом Чэнь после «Национального ежедневника» (1903). От широкой темы китайского национализма Чэнь быстро и естественно переходит к эксплуатации более конкретных идей региональных субэтнических сообществ и с успехом издаёт «Аньхойский вестник». Тогда, как и сейчас, в фундаменте любых социалистических идей в Китае лежали националистические и субэтнические корни той или иной региональной китайской общности.

Формальным создателем Социалистического союза молодёжи считается чжэцзянец Юй Сюсун, который работал над комсомолом вместе с организаторами движения «4 мая», прежде всего с Чэнь Дусю.

Первая политическая активность Чэнь Дусю — создание «Аньхойского патриотического союза» — совпала с мощной агитацией большевиков в России, накануне и во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Не стоит забывать, что между царской Россией и императорским Китаем тогда действовал секретный антияпонский союз, и деятельность партий в России и Китае фактически подрывала государственный строй в двух воюющих против Японии странах. Войну против России и её союзника цинского Китая Япония выиграла, и деятельность Чэнь Дусю заметно сбавила свои обороты, если не сказать, что вовсе сошла на нет. Тем не менее растущие аппетиты Японии относительно Китая после окончания Первой мировой войны (1914–1918), которую Страна восходящего солнца выиграла в союзе с Великобританией, не радовали одного из крупных заокеанских игроков.

Комсомольское движение в Китае появилось по сути 4 мая 1919 года, и связано это с националистическим подъёмом, заставившим правительство Китая отказаться от передачи территорий провинции Шаньдун под контроль японского императора. Ведущую роль в забастовках сыграли не столько представители образованной интеллигенции, сколько рабочие и почти все лавочники Шанхая — мелкие и крупные, которые тогда и сейчас составляют мощную опору национальной идеологии комсомола.

4 мая сегодня считается главным днём комсомольского движения в Китае. Одним из ведущих основных организаторов движения «4 мая» и организатором подрыва режима пекинского правительства и массовых волнений в Шанхае стал не кто иной, как Чэнь Дусю. Своеобразным

преддверием к массовым молодёжным акциям, способным свалить любой режим, стала должность декана филологического факультета Пекинского университета, которую Чэнь занял в 1917 году.

В 1907 и 1914 годах Чэнь посетил Японию, где, в частности, прошёл обучение в Университете Васэда. В 1914 году он впервые публиковался под псевдонимом Дусю («Уникальная изящность») с очередной националистической статьёй «Патриотизм и самосознание».

К концу 1920-х годов в созданной Чэнь Дусю Компартии Китая происходит смена источника финансирования — партия устанавливает прочные связи с движением Коминтерна, а Чэнь теряет свою позицию генерального секретаря (1927) одновременно с изгнанием Троцкого из СССР. С последним Чэнь Дусю входит в полноценный политический союз и в 1931 году образует параллельную Компартию из троцкистских групп Китая, которая, однако, не просуществовала сколь-нибудь долго. После начала войны с Японией Чэнь освобождается из тюрьмы, в которой просидел при националистическом правительстве Китая пять лет.

Союз социалистической молодёжи (таким было первоначальное название политической организации) на долгие годы уходит в тень, однако остаётся независимой от Компартии Китая политической организацией. Необходимо отметить, что активную роль во время «культурной революции» также сыграли выходцы из молодёжной среды, поддерживаемые ведомствами МВД и выходцами из «географического ядра» комсомола — провинций по течению реки Янцзы, в частности Хубэй. Не исключено, что значительное ядро нынешних «комсомольцев» тесно связано с кампанией по высылке городской молодёжи в сельские районы: в этих группах могли смешаться все — и те, кто участвовал в расправах над «врагами народа», и те, кто был их жертвами, однако сегодня эту тему принято обходить молчанием. Второе рождение комсомол получает после конца «культурной революции»: в 1989 году отряды демократически настроенной молодёжи вновь выходят на улицы... Аньхоя, Шанхая и Пекина.

Представители молодёжи в университетах страны попробовали сыграть ва-банк — на улицы центральных городов вышли протестующие толпы студентов с требованием свободы и демократических прав. Организованное студенчество, обладающее поддержкой населения, превратилось в грозную силу, поддерживающую генерального секретаря Ху Яобана (ВАПР) в прошлом первого секретаря комсомола, а также «либерального» премьера Чжао Цзяня.

Когда протестующие заняли центральную площадь страны —

Тяньаньмэнь, борьба внутри партии вышла из-под контроля, в ход пошли военные-демонстрации заблокировавших город молодёжных групп были подавлены. С тех пор между красной военной аристократией и «комсомольцами» в Китае сложился некий баланс и не менее сильные чувства взаимного отрицания. Упоминания об этих событиях, несущие печать глубокого раскола в партии, табуированы в Китае и сейчас. До недавнего времени цензурировались и воспоминания о Ху Яобане, однако с прошлого года они были разрешены цензорами, также выходцами из комсомола, прежде всего с подачи члена ПК Политбюро Лю Юньшаня. С событий на площади Тяньаньмэнь, после которых потерял свою власть Ху Яобан, в Китае также был введён институт сменяемых наследников.

Силовая акция, предпринятая военными, встревожила партийную элиту, которая практически сразу за событиями на Тяньаньмэнь, 26 июня 1989 года выбрала нового генерального секретаря — бывшего главу горкома Шанхая Цзян Цзэминя. В марте 1993 года Цзян Цзэминь также получает и высший государственный пост в стране, окончательно отстранив военных от власти в Китае.

Как утверждается, власть «шанхайцу» передаётся от Дэн Сяопина с определённым условием — передать её через 10 лет представителям комсомола или Ху Цзиньтао, который с поста главы комсомола перед событиями на Тяньаньмэнь был удалён на пост губернатора беднейшей провинции Гуйчжоу, а затем на пост главы обкома Тибета. Такой легендой, во всяком случае, объясняется возврат с 2000-х годов на ведущие позиции во власти представителей либерального крыла политической элиты Китая, активно поддерживаемой Демократической партией США. В 2002 году пост генерального секретаря Компартии занял бывший первый секретарь комсомола Ху Цзиньтао.

Идеология будущего Китая: опора на армию или на комсомол?

Народно-освободительная армия Китая — институт, который лежит в основе современного китайского государства. Китайская красная армия появилась гораздо раньше КНР, а Мао Цзэдун и Дэн Сяопин — прежде всего полевые командиры, сплотившие под своим лидерством вооружённые отряды и сумевшие благодаря политической прозорливости основать жизнеспособное китайское государство. До рыночных реформ

вся экономика Китая была тотально милитаризована и подчинена единому армейскому ритму жизни. Армия оставалась реальным источником власти режима в стране.

Если мы говорим о группировке «принцев», или потомственной красной аристократии в стране, мы описываем не просто влиятельные наследственные политические фигуры, у которых есть прочные связи с китайскими корпорациями, но мы подразумеваем и их основной источник авторитета — армию, которая в критический момент выступит гарантом сохранения власти. Отсюда идеологические шаги «принцев» по реставрации китайских императорских традиций или попытка создать идеологию национализма экспансионистского толка.

Новый лозунг «Армия, способная выигрывать в конфликтах», возрождение военно-революционных традиций времён Мао Цзэдуна, частые встречи с ветеранами НОАК, создание из них мозгового центра принятия решений — всё это реверансы в сторону гаранта авторитета красной аристократии — красной армии. Вопрос, вяжется ли Китай в «маленькую, но победоносную войну» ради сохранения и упрочнения военной элиты, стоит на повестке дня. Ответ на него дадут развитие экономической ситуации в Китае и продолжающиеся масштабные чистки партийного и государственного аппарата.

«Комсомольцы» черпают власть, авторитет и поддержку в широких народных массах городской интеллигенции. Китай всё чаще напоминает Рим, где патрициям и их легионам противостояли народные трибуны. Тяньаньмэнь стала репетицией силы толпы, силы недовольных горожан и крестьянства, жаждущих обновления и быстрого социального лифта. Сегодня в таком социальном лифте всё больше нуждаются представители армии, отодвинутые на вторые роли после событий на Тяньаньмэнь.

Урбанизация — миграция и оседание в городской черте десятков миллионов крестьян — один из основных инструментов расширения влияния комсомола. Процесс урбанизации курирует непосредственно премьер Ли Кэцян. Вторым инструментом расширения влияния «комсомольцев» является помощь бедным слоям населения. В Китае ещё проживает 300 млн человек, живущих на три доллара в день. Заботу о них взяли на себя именно «комсомольцы», хотя и за эту «электоральную группу» ведётся острая борьба между Си Цзиньпином и Ли Кэцяном.

Если красная аристократия опирается на закрытую касту избранных — китайскую армию и касту кадровых работников государственных корпораций, то «комсомольцы» опираются на огромные массы деревенских жителей и около 200 млн мигрантов, а также на наиболее

активную университетскую молодёжь. Влияние «комсомольцев» в армии очень ограничено: «самый главный комсомолец» Ху Цзиньтао занял место главы армии лишь два года спустя после избрания на должность генсека.

Как бы странно это ни звучало в эпоху политехнологий, но решение о том, каким путём пойдёт Китай в будущем, принимается именно населением Китая. Если Китай выберет стратегию создания из страны осаждённой крепости и примет доктрину противостояния с Японией, Индией и США в борьбе за лидерство в Азии, то победа окажется за красной аристократией и военной элитой. Если народ Китая потребует всеобщих выборов и всеобщих равных возможностей, на коне окажутся «комсомолы».

Родом из Аньхой

Костяк группы «комсомольцев», которых по-китайски называют «туань пай», происходит из провинции Аньхой, находящейся в поясе среднего течения реки Янцзы. Случайностей в политике не бывает: именно Аньхой является региональной базой «комсомольцев», а её региональным ядром являются аньхойцы — отсюда корнями Ху Цзиньтао, Ли Кэцян, вице-премьер Ван Ян. Именно в Аньхое произошли первые студенческие волнения, которые потом переросли в события на Тяньаньмэнь.

Символ «комсомольцев» — Ху Яобан, в комсомоле с 1929 года, возглавлял организацию с 1952 по 1966 годы, тогда она называлась Новодемократический союз молодёжи) — из соседней провинции Хунань, а молодые лидеры, которых прочат в будущее поколение членов Политбюро, Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцай, — выходцы из провинции Хубэй. Таким образом, ядро «комсомольцев» — это люди из одного регионального кластера, который Ли Кэцян обозначил как «пояс реки Янцзы». Этот термин появился через год после появления «Экономического пояса Шёлкового пути», обозначенного лидером «принцев» Си Цзиньпином.

У «комсомольцев» есть и «северный фланг» — провинции Шаньси и Внутренняя Монголия, оттуда происходят член Политбюро Лю Юньпань, а также арестованный бывший глава «Единого фронта» (коалиция партий в

Китае) — Лин Цзихуа. Там же долго работал Ху Чуньхуа — нынешний глава Гуандуна.

Сильна у «комсомольцев» группа Пекинского университета — именно там ковался их экономический блок во главе с Ли Кэцяном. Группу «комсомольцев» в Пекинском университете и Университете Цинхуа создавал ещё один человек по фамилии Ху — Ху Цили, бывший глава комсомола и глава Китайской федерации молодёжи. Сейчас уже пожилой Ху возглавляет фонд Сунь Цинлин — вдовы первого президента Китая, южного китайца Сунь Ятсена.

До какого-то времени «комсомольцы-аньхойцы» руководили и новостным агентством «Синьхуа», пока его до 31 декабря 2014 года возглавлял аньхоец Ли Цунцзюнь, затем пост был передан «шанхайцу» Цай Минчжао. Кузницей кадров для комсомола остаются, помимо Пекинского университета, Народный университет в Пекине, а также в значительной мере основанный на деньги США самый престижный и старый вуз в Китае — Университет Цинхуа.

«Не вливают вино молодое в мехи старые»

Обновление крови в политике и дальнейшая трансформация режима в КНР очень созвучна с событиями в Гонконге (Южный Китай) — именно его чаще всего и сами гонконгцы, и западные эксперты рассматривают как площадку первых демократических выборов в стране, которые случатся в Гонконге уже 2017 году (кстати, на этот же год приходится и 19-й съезд КПК, где обозначится новое поколение лидеров).

Наверное, не является совпадением, что «комсомольца» Ху Чуньхуа, главу обкома соседнего с Гонконгом Гуандуна (до 2018) столь похожего на молодого Горбачёва, сами «комсомольцы» пророчат в преемники Си Цзиньпина, такая информация появилась неожиданным образом в год избрания нового лидера страны. Вероятно, в комсомоле его планируют сделать и первым выборным президентом страны. Впрочем, это лишь домыслы или информационный вброс вполне очевидной направленности и для конкретных адресатов.^[15]

Вторым фактом, связывающим «молодёжь» Китая и Гонконга, является фигура Джошуа Вонга — юного лидера гонконгских протестов, который проходит обучение в Китайском университете Гонконга. Данный

вуз не только поставщик самых активных демонстрантов на улицы южнокитайского острова, но и активный член Гонконгской студенческой федерации, тесно связанной со структурами континентального комсомола.

Сейчас к «комсомольцам» относят секретарей обкомов Хунани, Цзянсу, Гуандуна, Чунцина, Гуйчжоу, Аньхой, Шэньси, Хэбэй, Цзилинь и Хэйлунцзяна — практически все провинции из этого списка находятся в «поясе Янцзы», а теми, что выходят за его пределы, руководят уроженцы из этого же региона, кроме губернатора северной провинции Цзилинь, который является этническим монголом. Немаловажным фактором для российско-китайских отношений является то, что приграничные провинции Хэйлунцзян и Цзилинь находятся под крылом комсомола. К марту 2013 года в 31 провинции Китая должности глав обкомов и губернаторов занимали 25 выходцев из комсомола — о такой статистике, по крайней мере, заявляли западные и гонконгские политологи. Можно утверждать, что «комсомольцы» практически полностью контролировали административные и хозяйственные структуры Китая к моменту прихода к власти в партии Си Цзиньпина.

Самыми перспективными из состава «комсомольцев» называют главу обкома Гуандуна — Ху Чуньхуа, главу обкома Чунцина и бывшего министра сельского хозяйства — Сунь Чжэнцзя, ^[16] а также главу Верховного суда Китая — Чжоу Цяна. Именно они, по общему мнению, имеют больше всего шансов войти в состав Постоянного комитета следующего Политбюро уже осенью 2017 года, если в балансе политических группировок не произойдёт существенного сдвига.

Кабинет премьера Ли Кэцзяна

В 2016 году из 25 министров кабинета нового премьера Ли Кэцзяна семеро имеют комсомольское прошлое. Министерство контроля, Министерство гражданской администрации, Министерство юстиции, Министерство транспорта, Министерство земельных ресурсов, Министерство сельского хозяйства, Министерство культуры контролируются «комсомольцами». Последние три министерства — непосредственными бывшими подчинёнными Ли Кэцзяна.

В ПК Политбюро 2012–2017 годах основными фигурами-«комсомольцами» являются Ли Кэцян и Лю Юньшань, кроме

них в Политбюро — заместитель председателя КНР Ли Юаньчао, вице-премьер Лю Яньдун, глава отдела пропаганды Лю Цибao и губернатор Гуандуна Ху Чуньхуа. Впрочем, партийный аппарат ЦК всё больше стал напоминать формальный и даже отмирающий орган при тотальном засилье группы «комсомольцев» в правительстве и на местах.

«Комсомольская группа» и партийная чистка

С приходом к власти Си Цзиньпина в Китае развернулась невиданная по масштабам борьба с коррупцией. Некогда основное требование «комсомольцев» к партийной номенклатуре стали, похоже, использовать и против них. В самом начале антикоррупционной кампании в её центре стояла фигура Чжоу Юнкана — «нефтяника» и «силовика», одного из протеже «шанхайского» генсека Цзян Цзэминя, однако сумевшего, судя по всему, сколотить свою регионально-ведомственную группу с центром в Сычуаньском регионе (Сычуань и город центрального подчинения Чунцин).

Однако многие забывают, что «всекитайская чистка» началась также и с гневных требований старых революционеров отстранить от власти «комсомольца» Лю Юньшаня — нынешнего члена Политбюро, более 10 лет заведующего пропагандой, а теперь являющегося главой партийной школы, занимающегося «духовным строительством». После ареста члена Политбюро Чжоу Юнкана ничьё будущее в Китае не гарантировано, а по мере приближения к 19-му съезду накал борьбы только растёт.

Как уже говорилось выше, власть «комсомольцев» коренится во влиянии на широкие массы: центральное телевидение, пропаганда — вот одни из основных инструментов этой группы. Сейчас, когда под арестом находится Лин Цзихуа — приближённый Ху Цзиньтао, всё меньше остаётся людей, которые сомневаются, что острие чисток направлено на кадры «комсомольцев», успевших осесть во власти за десятилетие правления предыдущего генсека.

В 2015 году одним из скандалов, связанных с «комсомольцами» на телевидении, хорошо вскрывающем противоречия между армейской и комсомольской элитой, является публикация личного видео известного телеведущего Би Фуцзяня, который в частной обстановке скабрёзным образом перепевает военную песню гражданской войны. Это видео стоило

Би Фуцзяню карьеры, а среди сотрудников китайского телевидения и СМИ с тех пор распространился негласный формуляр, запрещающий обсуждать политику за столом и в частных беседах вообще, равно как и записывать что-то подобное на видео.

Би Фуцзянь, китайский комик и известный телеведущий популярных шоу, тесно связан с центральным телевидением и имеет комсомольское прошлое ещё со времён службы в частях НОАК в провинции Ляонин в Северо-Восточном Китае.

Многие ли обращали внимание, что названия антикоррупционных кампаний: «борьба с тиграми и мухами», «охота на лис» — связаны с созвучными слогами «ху» (по-китайски и тигры, и лисицы передаются одним слогом «ху») в разных тонах. Совпадение это или нет, но почти все выдающиеся лидеры комсомола носят фамилию Ху: Ху Цзиньтао, Ху Яобан, Ху Цили, Ху Чуньхуа. Игра на созвучиях — один из основных литературных приёмов в китайском языке. Возможно, другим совпадением будет созвучие слова, использованного для обозначения мухи, — «цан», и фамилии лидера «шанхайцев» — Цзян Цзэминя.

Сегодня за красной военной аристократией — армия и партийный аппарат, а за «комсомольцами» — влияние на широкие народные массы, впрочем исчезающее под воздействием экономического кризиса, и полный контроль над экономическим блоком в правительстве, а также поддержка глав целого ряда регионов Китая. На чьей стороне больше сил?

Вежливая революция: день, когда в Китае может быть введено военное положение

В марте 2017 года, после очередных «Двух сессий» — одновременного заседания китайского «парламента» Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая — и отсутствия ясных черт будущей 13-й пятилетки развития экономики Китая стало очевидно, что политические силы в Компартии Китая утрачивают способность к достижению компромисса.

Это, в частности, подтверждается и откладыванием ключевого совещания по финансовым вопросам, а также появлением собственной экономической концепции Си Цзиньпина «Реформы предложения»^[17]

которая полностью противоречит прежнему экономическому курсу правительства Ли Кэцяна по кредитной накачке спроса.

Вслед за значительными кадровыми перестановками в военной системе Китая, чередой отставок в финансовом блоке группа членов партии обнажила трудно скрываемый внутривластный конфликт и потребовала отставки Си Цзиньпина прямо во время сессии парламента и совещательного органа НПКСК.

Письмо «преданных членов партии» было опубликовано прямо во время «Двух сессий» в одном из партийных изданий Синьцзян-Уйгурского автономного района. Одновременно с этим письмом в одной из отчётных статей с полей «Двух сессий» госинформационного агентства «Синьхуа» была допущена «опечатка»: Си Цзиньпин был назван последним генеральным секретарём Компартии Китая.

Тем не менее «группа Си Цзиньпина» демонстрирует не только политическую выдержку, но и решительный настрой в год 50-летия «культурной революции»: после введения клятв на верность коренному лидеру страны в апреле 2016 года Си Цзиньпин был назначен на должность оперативного командующего армией, получив в своё распоряжение прямые военные функции управления войсками.

С 3 по 4 мая 2016 года в Пекине завершилась подготовка групп специальных контролёров для каждого военного округа, которые лично от имени главы партии и армии будут решать вопросы кадровых чисток и контроля работы командования военных округов. Подобная акция является беспрецедентным решением. Напряжение от чисток ощущается по косвенным признакам уже сейчас: к середине августа покончили с собой три генерала НОАК, один из которых, генерал Чэнь Цзе, принял смертельную дозу снотворного в гостинице в Шэньчжэне, дополнив и без того пугающий список покончивших в южнокитайском мегаполисе с собой высокопоставленных руководителей. Как сообщается, генерал южного театра боевых действий свёл счёты с жизнью прямо перед очередным назначением.

Факты свидетельствуют о решимости группы Си Цзиньпина довести борьбу с политическими оппонентами до логического завершения и привести своих назначенцев на ведущие политические посты внутри нового Политбюро уже в рамках 6-го пленума ЦК КПК, проведение которого по времени совпало с выборами президента США: он состоялся в октябре-ноябре 2016 года. Непредсказуемость результатов американской предвыборной гонки, на которую в значительной степени ориентируются

политические оппоненты Си Цзиньпина, толкает стороны на решительные действия и попытки опередить решения противника. На беспрецедентную по степени напряжённости внутриполитическую ситуацию в стране, выпавшую на октябрь-ноябрь 2016 года, повлияло решение МВФ по принятию или непринятию юаня в состав корзины валют SDR, которое финансовые власти Китая уже, как ни странно, объявили как свершившийся факт, а также решение ФРС США по изменению ключевой ставки, которое может спровоцировать очередной обвал рынков КНР. Масла в огонь добавляет попытка военного переворота в Турции, шокировавшая политическую элиту КНР. При этом последние действия Си Цзиньпина свидетельствуют о переходе управления армией на ручной контроль с целью возможного использования этого инструмента в политической борьбе. По мере приближавшихся выборов президента США в ноябре 2016 года вероятность использования силовых методов возросла. Однако непосредственный силовой сценарий, который не только не исключён, но и активно подготавливался в стране к концу 2016 года, ^[18] будет зависеть от готовности оппонентов принять бой. Напомним, что оппонентов Си Цзиньпина на 18-м съезде удалось устранить от политической борьбы практически бесшумно под вежливое молчание китайской армии.

«Культурная революция» 2.0

В 2016 году в Китае сложилась ситуация, близкая к периоду «культурной революции» 1960-70-х годов.

Как и в конце 1950-х годов, крах политики большого скачка, а по сути ориентации Китая на внутренний рынок приводит к социально-политической дестабилизации: декларируемый высокий рост ВВП с 2008 года фактически стал итогом безудержной эмиссии денежной массы и инвестирования в многочисленные инфраструктурные проекты, которые так и не привели к смене источника основной прибыли для китайской экономики, а им по-прежнему остаются экспортная выручка и инвестиции. Стоит экспорту упасть на значительную величину (а он уже начал сокращаться), как за падением экспортного сектора начнёт стремительно обваливаться вся остальная экономика Китая.

Как и в преддверии «культурной революции», в политической системе

Китая сложился блок, ориентирующийся на поддержку метрополии (тогда СССР, сегодня США), сейчас это «комсомольцы» во главе с премьером Ли Кэцзяном и «шанхайские» финансисты. Противостоит ему силовой блок потомственной военной элиты во главе с Си Цзиньпином (тогда Мао Цзэдуном), ориентированный на национальные, изоляционистские силы внутри страны.

Внутри этих сил существуют сложные и запутанные отношения между менее крупными кланами, которые кристаллизуются в две противостоящие силы.

Важными отличиями нынешней ситуации и 1960-х годов являются методы политической борьбы: Си Цзиньпин полностью полагается на армию и, как кажется, активно устраняет оппозиционных руководителей в бывших Гуанчжоуском и Нанкинском ВО, а также в партии, в то время как Мао Цзэдун боролся с армейской и партийной оппозицией, опираясь на молодёжные национально-патриотические организации хунвейбинов и отдельных белых ворон в армии и поддержку МВД, сегодня союзного комсомолу.

«Культурная революция» 1960-х годов с её массовыми молодёжными погромами, публичными казнями, дезорганизацией общественной жизни и экономики сегодня проходит в иной форме «новой революции»: массовые чистки партийного аппарата и ведомств общественной и государственной безопасности при негласной поддержке армии как полная противоположность событиям 1960-х годов и как близкая аналогия с вертикально организованными репрессиями конца 1930-х годов в СССР.

В обзоре «Южного Китая», посвящённом прогнозам на 2016 год, на основании фактов расформирования Нанкинского ВО, устранения ряда ведущих членов финансового блока страны, факта начала первой для партийных кадров Китая проверки родственников руководителей горкома Шанхая, а также замещения части позиции из группы комсомола был сделан прогноз о мирном «разделе шанхайского имущества» между группой Си Цзиньпина и проамериканским блоком «комсомольцев», или бескровном распределении активов финансового блока, полностью сосредоточенного в руках выходцев из Шанхая, утративших политическую власть.

Тем не менее события развивались по самому негативному для Китая сценарию обострения противостояния, чему в немалой степени способствовала сдержанная политика финансовых властей США, повлиявшая на стабилизацию финансового рынка Китая, а также положение загнанной в угол «шанхайской группы», добровольно сдавшей

часть позиций комсомолу. Напор красной военной аристократии, подготавливающей чистки в финансовом блоке, сыграл против группы Си Цзиньпина, заставив его оппонентов пойти на крайние меры и объединиться.

Группа Си, таким образом, получив формальное первенство на политической арене, совершила классическую политическую ошибку: избыточным давлением на оппонентов вызвала их естественное объединение, не оставив им иного выбора.

Об объединении двух групп свидетельствуют участвовавшие сообщения прессы о более чем 14 лет назад покинувшем пост генсека Цзян Цзэминя, появляющиеся в центральной газете комсомола China Youth Daily, а также беспрецедентные совместные заявления членов «шанхайского» Политбюро и «комсомольцев» о борьбе с коррупцией.

В совместных заявлениях о борьбе с коррупцией участвует глава ЦКПД во время первой половины правления комсомольского генсека Ху Цзиньтао — У Гуаньчжэн, выпускник Университета Цинхуа, сотрудник партийных структур провинции Хубэй (пояс Янцзы). Бывший партийный цербер номер 1, при котором начали политическую карьеру большинство чиновников, арестованных при Си Цзиньпине, отложив каллиграфию и наставления о профессии чиновника, вдруг спустя девять лет после завершения своей политической карьеры призывает к борьбе с коррупцией.

Компанию У Гуаньчжэну составил другой член Политбюро при Цзян Цзэминя Ли Чанчунь, которого злые языки называли «цепным псом» Цзян Цзэминя в конкурирующей с Шанхаем южнокитайской провинции Гуандун, а также глава ЦКПД Хэ Гоцян, в своё время напарник будущего генсека Си Цзиньпина по работе в руководстве провинции Фуцзянь, знающий все нюансы этого периода жизни генсека. Статью с антикоррупционными признаниями увенчивает рассказ знаменитого премьера времён Цзян Цзэминя — Чжу Жунцзи. Никто из данной группы в данной публикации ни разу не заявил о поддержке нынешнего курса и деятельности главы ЦКПД Ван Цишаня.

«Комсомольцы» и «шанхайцы» появились вместе и в другой публикации южнокитайских СМИ. Так, о частых выездах за границу говорят в отношении главы Синьцзяна Чжан Чуньсяня,^[19] главы Чунцина «комсомольца» Сунь Чжэнцзя^[20] и главы горкома Шанхая Хань Чжэне, все трое — потенциальные члены в Политбюро. У всех троих общий конфликт с Си Цзиньпином. Напомним также, что Шанхай, Гуандун и Синьцзян-Уйгурский район — первые районы КНР, где с 2016 года вводится проверка

имущества родственников региональных руководителей.

Всё это свидетельствует о готовности группы перейти к использованию неконвенциональных методов борьбы, в частности информации, связанной с работой Си Цзиньпина в «шанхайский» период его карьеры: в период «Двух сессий» в Гонконге готовилась к изданию книга «Си Цзиньпин и его спутницы», которой, однако, не суждено было выйти в свет. Издателей в Таиланде и Гонконге вывезли в КНР, где они дали признательные показания в ряде совершённых преступлений, часть из них в лучших традициях самокритики времён «культурной революции» по центральному китайскому телевидению.

На стороне Си не так уж и много партийных работников. При этом в самой армии, главной опоре Си, царит всеобщий скепсис относительно необходимости Компартии Китая: достаточно вспомнить, что на одной из партийных конференций военными деятелями необходимость марксизма как идеологии Китая была подвергнута сомнению.

На верность Си Цзиньпину в качестве нового «коренного лидера», как бы странно это ни звучало, присягнула лишь четвертая часть руководителей страны. В поддержке Си Цзиньпину отказывают даже медиа, которые допускают досадные «оплошности», называя Си «последним лидером», да и просто выводят из употребления наименование «Папа Си», культ которого раскручивался последние два года.

Всё это происходило в канун 4 мая — дня патриотического движения молодёжи Китая, комсомольской организации, — основного оппонента Си Цзиньпина.

Глава Китая, отрезанный от влияния на медиа, финансовый сектор и экономику, остаётся один на один с единственно верной силой — армией, что во многом повышает вероятность негативного развития событий.

Чистки, превращающиеся в бесконечную внутрипартийную войну, непредсказуемость результатов выборов в США, критическое положение всех трёх противоборствующих в Китае групп создают обстановку непредсказуемого поведения, когда на действия политических оппонентов будет влиять случай или какое-либо событие.

Не исключено, что ситуацию обостряют сами «шанхайские» оппоненты Си Цзиньпина, планирующие повторение событий Тяньаньмэни. Напомним, что в результате столкновений 1989 года с политической арены одновременно ушли и «комсомольцы», и армия, оставив Шанхаю роль объединяющего посредника и право на политическую власть. Региональные элиты также могут стать бенефициарами разрушения крупных политических групп, борющихся за

власть в масштабах всей страны.

На отчаянные действия по типу провокационных писем, изданий и «опечаток» оппонентов влияет не только желание оказать давление на коренного лидера, но и серьёзные проблемы внутреннего характера в организации.

Кризис комсомольской организации

Одним из важнейших признаков кризиса комсомольской организации называют масштабное сокращение бюджета структуры. В мае 2016 года бюджет комсомола был урезан вдвое — с 624 до 306 млн юаней. В связи с таким беспрецедентным сокращением бюджета комсомол полностью отказался от программ поддержки издательской деятельности, работы за рубежом, работы в области правовой защиты молодёжи, части крупных социальных программ. С осени 2016 года прекратят свою работу и учебные заведения — кузницы руководящих кадров комсомола.

Ни комсомол, ни политические аналитики не дают оценки причин сокращения бюджета, однако высказывая лишь предположение, что сокращение доходов связано с политической борьбой.

Тем не менее самый грубый подсчёт доходов комсомола от сборов с членов политической организации даёт сумму в размере от 1 млрд. юаней, что в три раза больше бюджета комсомола за 2016 год.

Сегодня в комсомоле, который по числу членов сравнялся с Компартией Китая, около 50 % участников — студенты, выплачивающие 0,1 юаня в месяц, свыше 35 % — крестьяне и рабочие, которые платят 0,5–1 % от зарплаты в месяц при средней зарплате в Китае около 3 тысяч юаней, и около 10 % — работники торговли, предприниматели, городская интеллигенция, служащие, которые вносят свыше 30 юаней в месяц.

Непрозрачность бюджета комсомола, отсутствие официальных комментариев позволяет сделать предположение, что доходы комсомола либо перенаправляются на низовом уровне и идут на иные цели, не указанные в бюджете центральной организации (например, перед событиями на Тяньаньмэнь, в марте 1989 года был создан Фонд развития молодёжи, который в дальнейшем смог аккумулировать суммы, сопоставимые с годовым бюджетом комсомола), либо комсомол испытывает масштабное сокращение объёмов членских взносов. В пользу

последнего свидетельствует первое сокращение членов комсомола за длительную историю с момента событий 1989 года: с 88,2 млн (число «комсомольцев» превысило число членов партии) до 87,46 млн человек в 2015 году. Необходимо учитывать, что на практике могут реализовываться одновременно два варианта.

До 2016 года объём бюджета комсомола оставался на устойчивом уровне — в размере 500–600 млн юаней. Если учесть факт выхода из комсомола (и частичного перехода в партию) около 700 тысяч человек, а также сокращение комсомольских сборов вдвое, то с большой долей уверенности можно предположить, что до половины членов комсомола — в значительной степени обеспеченные городские жители — предприняли действия по фактическому отказу от членства в организации. Подобное явление напоминает события позднего СССР, когда существенное количество рядовых членов КПСС прекратило выплаты партийных взносов за полгода до формального упразднения организации. По косвенным признакам можно сделать вывод, что аналогичные проблемы, однако неизвестного масштаба, существуют и в самой Компартии Китая.

Кризис идеологии и поворот к национализму

Немногочисленные комментарии к данному событию указывают не только на возможность политической борьбы и давление на членов комсомола со стороны органов Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК, но и на слабеющую поддержку либерально-демократических идей комсомола в молодёжной среде. Проще говоря, комсомол столкнулся с кризисом идеологии и утраты доверия его членов.

В условиях идеологического кризиса группа «комсомольцев», таким образом, оказалась в ситуации утраты реального влияния на массы населения и реальной политической поддержки, которая позволила бы реконструировать события 1989 года, когда комсомольские организации заняли ряд центральных районов крупнейших городов Китая и требовали смены руководства Компартии, спровоцировав известное на весь мир подавление протестов частями НОАК.

Тем не менее комсомол активно ищет способ реанимировать поддержку масс: одновременно с опубликованием бюджета и цифр о сокращении числа членов комсомола, на 4 мая — как считается, день

появления молодёжного патриотического движения — был выпущен военно-патриотический ролик на тему борьбы с иностранной агрессией. Иностранная агрессия и боевые действия, сплывающие героев ролика, ведутся на заснеженных территориях. Кадры ролика, который просмотрели миллионы зрителей, взяты из сверхпопулярного политического мультсериала, в котором значительная часть времени уделена отношениям Китая со своим северным соседом. Для точности изложения важно подчеркнуть, что кадры относятся к серии о войне в Северной Корее, однако в самом клипе авторы избежали упоминания о конкретном враге, дав зрителю самостоятельно идентифицировать «снежный фронт» с одним из соседей Китая. Возможно, что какая-то доля зрителей действительно подумали, что речь идёт о КНДР.

Идеологический разворот «правого уклона» в КПК в сторону национализма требует отдельного исследования, однако уже сейчас по ряду предварительных данных очевидно, что комсомольский национализм выстраивается по антироссийской линии, но избегает антияпонской и антиамериканской риторики.

«Оборотни в погонах» и Тяньаньмэнь 2.0

Тем не менее у китайского комсомола есть и своя силовая структура — прежде всего это полиция, у которой, однако, по совпадению в 2016 году начались проблемы, и именно в Пекине. Недавний инцидент с пропажей Лэй Яна — пекинца, которого, судя по всему, убили полицейские, вывел дискуссию об оборотнях в погонах на всекитайский уровень. Параллельно с этой дискуссией проходит впервые за многие годы всеобщая проверка паспортов, силами миграционных служб МВД ужесточается миграционный режим — прежде всего со странами Средней Азии и России, в визах отказывают обладателям «сирийской» или «турецкой печати» в паспорте.

Существует вероятность, что инцидент с убийством Лэй Яна приведёт к расследованию в отношении главы полиции Пекина Ван Сяохуна, который на заре своей карьеры в течение пяти лет был главой полицейской комсомольской ячейки, будучи на службе в одном из региональных подразделений страны.

Ван Сяохун — не только начальник полиции Пекина, но и его вице-

мэр, отвечающий за район Дунчэн — место расположения Тяньаньмэнь, китайского «Кремля» — резиденции Чжуннаньхай, Госсовета КНР парламента Китая, Министерства общественной безопасности, Министерства государственной безопасности и других важнейших ведомств страны.

Существует два полярных сценария развития ситуации с погибшим пекинцем: Ван Сяохун уходит с поста и оставляет центральный район столицы своим оппонентам; Ван Сяохун не уходит, и молодёжь Пекина следует примеру Гонконга. В том, что у второго сценария есть заинтересованные лица, судя по объёму накачки общественного мнения в Китае, сомневаться не стоит. Помимо инцидента с Лэй Яном, аналогичные случаи произошли по всему Китаю и удостоились внимания на самом высоком уровне. Другим признаком кампании против МВД может служить появление разоблачений «отличников» службы и почётных полицейских в августе 2016 года.

Ситуация в Китае обостряется с каждым днём — претензии к правительству продолжают расти, и связаны они с ожиданием рисков от повышения ставок ФРС — каждое такое повышение вызывает массовый отток капитала из страны и очередной обвал фондового рынка, закрывать «дыры» которого приходится в том числе и из средств пенсионного фонда. Китайский фондовый рынок — это непосредственные накопления среднего класса, в недрах которого зреет недовольство правительством под руководством комсомола. Виток напряжения произойдёт в преддверии очередного заседания ФРС по вопросам повышения процентной ставки, которая, однако, сохраняется на прежнем уровне и во многом именно из-за ситуации в Китае — дестабилизация в экономическом блоке (или, если быть точным, среди «комсомольцев» и «шанхайцев») приведёт к полной утрате влияния США на ситуацию в Китае.

Но если возмущённая молодёжь всё же выйдет на улицы, как она вышла из-за высокой инфляции весной-летом 1989 года и потребовала отставки правительства, кто остановит гнев, обращённый на опорочившую себя полицию и спасёт страну?

Единственной такой силой остаётся Вооружённая полиция НОАК. Последствия таких изменений в китайской политике трудно предугадать. Силовой исход борьбы может повлиять на исход президентской гонки в США — победа армии теми или иными средствами в Китае приблизит победу республиканцев, активно эксплуатирующих «китайскую угрозу» в своей политической риторике.

Раскол в группе Си и роль России в укреплении её авторитета

При всей слабости и обилии проблем в блоке Ли Кэцяна и его группы «комсомольцев» определённое напряжение, связанное, вероятно, с будущими событиями, существует и в самом ближайшем окружении Си Цзиньпина. Вакантных мест в будущем составе Политбюро не так много, при этом и глава ЦКПД, организатор чисток Ван Цишань, и кадровый менеджер Си Цзиньпина, глава администрации ЦК Ли Чжаньшу, судя по всему, также пытаются обеспечить себе места в будущем Политбюро.

Большинство наблюдателей отмечают, что формирование Политбюро идёт с учётом возрастного ценза, число членов Политбюро будет стабильным, что имело под собой основания в любой другой, стабильной и не критической ситуации. Тем не менее существует большая вероятность, что место Ван Цишаня может занять Ли Чжаньшу. Косвенным признаком такого серьёзного противостояния служит внезапно появившаяся на портале ЦКПД статья «Тысячи согласных не заменят одного честного чиновника», которая, судя по всему, и является ответом главного «партийного полицейского» на стратегию Ли Чжаньшу о приведении «согласных» членов обкомов к клятве на верность Си Цзиньпину. Если такой раскол действительно имеет место быть, то он может стать опасным препятствием на пути реализации общей стратегии в группе. Возможный раскол может проходить между «шэньскийским» и «шаньдунским» крылом группы, что может свидетельствовать о более серьёзном кризисе.

На политическую карьеру и авторитет китайских политиков влияют их международные связи. Китайские политики, в том числе и главы обкомов, совершают регулярные встречи с политическими деятелями за рубежом. Несмотря на часто оправданный скепсис критиков российско-китайского сближения, авторитет связей с Россией, которые тянутся у семьи Си Цзиньпина ещё со времён Сталина, может стать ключевым в сложной политической обстановке, разворачивающейся в современном Китае.

По мере обострения политической борьбы связи России и Китая, в частности группы Си Цзиньпина и российского президента, будут только нарастать. Роль поддержки со стороны России лидерству Си Цзиньпина очевидна для внутренних китайских наблюдателей, и именно желанием подорвать авторитет Си Цзиньпина внутри Китая в свою очередь отчасти обусловлены негативные публикации о России в оппозиционных Си

Цзиньпину СМИ. Для китайского общественного сознания, не оперирующего фактами и статистикой, Россия остаётся мощным северным государством, с которым, в частности, связан и стойкий миф о «российской угрозе».

Агония чёрного дракона:

почему Китай проводит антироссийские акции

на фоне заявлений о союзе с Россией?

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году между Китаем и Россией выстраиваются беспрецедентные по характеру взаимодействия и глубине отношения: в 2014 году банки Китая стали крупнейшими кредиторами российских финансовых структур, Китай стал крупнейшим инвестором в российскую экономику, а также самым большим рынком для российских углеводородов, контакты в военной сфере приобретают очертания антиамериканского блока. Стыкуется не только бюрократическая система, но и идеологические векторы двух стран.

Тем не менее традиционное для российского общества тлеющее недоверие к Китаю подогревается идущими вразрез с официальной позицией Пекина антироссийскими акциями руководства приграничной с Россией провинцией Хэйлунцзян.

20 мая 2015 года, в годовщину подписания Айгунского договора между царской Россией и императорским Китаем, район города Хэйхэ (соседнего с Благовещенском) Айхуэй (название с 1956 года) был переименован в историческое название Айхунь, что должно было стать «свидетельством исторической боли», причинённой Россией, отторгнувшей от империи Цин районы нынешней Амурской области и Хабаровского края.

5 ноября 2015 года руководство провинции пошло на открытую информационную провокацию, разместив в местной партийной газете заметку о передаче Россией Китаю 5 км² территории, которая на деле не соответствовала действительности. В реальности пограничным отметкам были приданы названия, а демаркация границы произошла более 15 лет назад. Тем не менее заметка, ретранслированная прямо в издание

Правительства КНР China Daily, стала настоящим праздником националистов и ура-патриотов, создав первый в истории правления Си Цзиньпина прецедент антироссийской риторики, не считая усечённой трансляции российского парада в День Победы по китайскому телевидению. В заметке была использована формулировка о «начале возврата утраченных территорий». Акция совпала по времени с появлением в Южно-Китайском море флота ВМС США.

В марте 2016 года в Айхуньский был также переименован аэропорт приграничного с Россией города Хэйхэ — центра российско-китайских приграничных связей, где уже введено свободное хождение российской валюты. На этот раз официальная формулировка была связана с возвращением к 400-летним традициям в названиях китайских топонимов, связанным со славным прошлым маньчжурской династии Цин. Тем не менее Айхунь не был переименован в первоначальное название — город Хэйлунцзян-чэн («город реки Чёрного дракона»), которое использовалось во время вторжения армии императора Канси в районы российских крепостей, получив унижительное и провокативное для китайского народа название Айхунь времён потери территорий в середине XIX века.

Последнее и самое резонансное действие властей провинции было связано с введением в 18 пограничных с Россией городах разрешения на рождение троих детей — это уникальный для всей территории Китая шаг. Кроме провинции Хэйлунцзян, ни одна другая пограничная провинция КНР на данный момент не получила разрешения на введение новых лимитов на рождение детей.

С точки зрения российского наблюдателя результатом этого шага может стать появление на огромном участке границы с Россией, на котором проживает около 10 млн человек, ещё более густонаселённого района. Однако этот шаг, без сомнения носящий и информационно-пропагандистский характер, на практике может иметь более сложные и неоднозначные причины и последствия.

Разворот потоков миграции

Несмотря на расхожее утверждение, что население трёх пограничных с Россией провинций Китая больше, чем всё население России, в реальности до 90 % границы с Россией приходится на далеко не самую

густонаселённую провинцию Хэйлунцзян. В непосредственной пограничной полосе с Россией проживают около 10 млн человек, при этом число граждан РФ китайской национальности составляет лишь около 20 тысяч человек. Эти факты до недавнего времени свидетельствовали об абсолютной беспочвенности страхов китайской миграционной волны, навязываемых общественному мнению в течение последних 20 лет.

Провинция Хэйлунцзян, население которой составляет 38,5 млн человек (2013), судя по всему, приближается к нулевому росту населения: за три года, с 2010-го по 2013-й, население выросло здесь примерно на 400 тысяч человек, при этом темпы роста сократились вдвое по сравнению с 2000–2010 годами. Население провинции примерно в три раза меньше населения южнокитайского экспортного гиганта провинции Гуандун (107 млн человек) при приблизительно одинаковой территории. Реальный бум роста населения провинции пришёлся на времена правления Мао Цзэдуна: после конца гражданской войны с 1947 по 1982 годы население провинции выросло с 2,8 до 32 млн человек, или более чем в 11 раз, что и дало основание рассуждать о возможности неконтролируемой китайской миграции в соседние районы СССР.

Тем не менее экономическое развитие южных и центральных провинций Китая, начавшееся с 1982 года, позволило развернуть потоки миграции из холодной северной провинции в прибрежные зоны страны: сегодня диаспоры провинции Хэйлунцзян занимают прочное положение в приграничной с Северной Кореей провинцией Ляонин, в Пекине, Тяньцзине, Шаньдуне и особое место на южнокитайском острове Хайнань. Таковыми были основные демографические тренды в северокаитайской провинции с 1982 по 2012 годы.

Согласно официальным данным Хэйлунцзянского отделения Академии общественных наук Китая, за последние 30 лет из провинции Хэйлунцзян выехало наибольшее число внутренних мигрантов: за последние 20 лет число мигрантов, уехавших из провинции, выросло в три раза и достигло 3,22 млн. Наибольшее число мигрантов выехало в соседнюю, более южную провинцию Ляонин, провинцию Шаньдун, города Пекин и Тяньцзинь, а также провинцию, окружающую Пекин, Хэбэй. При этом число сезонных мигрантов, которые находятся за пределами провинции более полугода в году, составляет 5,3 млн человек (14,1 % населения региона), в некоторых городах число сезонных мигрантов достигает почти 20 %.

Однако сегодня, когда экономика Китая вошла в стадию стагнации, в демографической ситуации Хэйлунцзяна может появиться новый,

противоположный тренд — реэмиграция, прежде всего мужского населения, из развитых районов Северного Китая — Пекина и Тяньцзиня, и в ещё большей степени из провинции Ляонин, чья экономическая ситуация оставляет желать лучшего. По данным за 1-е полугодие 2016 года, Ляонин стал первой китайской провинцией, чья экономика сократилась впервые за 35 лет китайского экономического чуда.

Первым опасный сигнал замедления экономики подал Шанхай — впервые за фиксируемую историю города его население сократилось на доли процента. Аналогичные тренды, а также начало замедления экономики демонстрируют и самые крупные реципиенты миграции из Северного Китая — города Пекин и Тяньцзинь, что свидетельствует об остановке миграции из Северного Китая на юг и о потенциальном начале обратных процессов возвращения трудовых мигрантов, которые во многом уже затронули Южный Китай, ощутивший отток трудовых мигрантов, возвратившихся в центральные провинции.

Вторым опасным трендом, который может усугубить сложную социальную обстановку, является замедление экономики провинции Хэйлунцзян, попавшей в зону риска по целому ряду причин.

Самая плохая экономическая ситуация в стране

Согласно официальной статистике, показатель безработицы в провинции составляет около 5 %, что примерно равно среднему показателю городской безработицы по стране (4,05 % на 2015 год), однако согласно опросам, данные которых были опубликованы в «Голубой книге экономики Хэйлунцзяна», вопросы поиска работы и безработицы волнуют до 12 % граждан. Вопрос с поиском работы является вторым по остроте социальным вопросом после проблем с медицинским обслуживанием.

Причиной проблем безработицы является критическое замедление роста экономики Хэйлунцзяна, начавшееся в 2013–2014 годах: рост ВВП провинции сократился с 12,7 % в 2010 году до 5,1 % в 1-м полугодии 2015 года — хуже только показатели соседних провинций Северного и Северо-Восточного Китая: Ляонина, Цзилиня и угледобывающей Шаньси. Заставляет обратить на себя внимание и абсолютное число безработных — по официальным данным, их в провинции 787 тысяч человек. Для сравнения: население Амурской области составляет 805 тысяч человек.

Экономика провинции структурно напоминает российскую: главными донорами провинции являются предприятия нефтехимического комплекса на базе Дацинского нефтяного месторождения, крупнейшие в Китае угольные предприятия в приграничном с Россией городе Шуанъя-шань, Первая машиностроительная корпорация Китая, изготавливающая оборудование для сталелитейного комплекса, ведущая в стране по объёмам сельхозпроизводства Хэйлунцзянская сельскохозяйственная корпорация, а также Харбинская авиастроительная корпорация.

Экономическая конъюнктура и структурные реформы китайской экономики ударили практически по всем основным отраслям провинции, по крупнейшим госпредприятиям, в которых занято до 42 % населения: падение цен на нефть сократило ВВП города Дацин почти на 30 % в 2015 году, попытки отказа от угля в китайской энергетике привели угольные предприятия страны к близкому банкротству крупнейших предприятий в Шуанъя-шань, кризис в сталелитейной отрасли вывел Первую машиностроительную корпорацию из числа самых прибыльных предприятий провинции.

Тяжёлая экономическая ситуация в провинции без перспектив на улучшение грозит самыми острыми формами социальных протестов, которые уже стали реальностью: в начале марта 2016 года в забастовке угольщиков приняли участие несколько десятков тысяч горняков, требующих не выплаченную за несколько месяцев зарплату и выдвигающих прямые обвинения в адрес руководства провинции.

Ситуация осложняется резким падением российско-китайской торговли, которая в буквальном смысле кормила несколько миллионов человек в районах Хэйхэ, Суйфэньхэ, Муданьцзяна: на долю провинции Хэйлунцзян приходится до трети российско-китайской торговли — по сути, вся торговля с Дальним Востоком и Сибирью.

Негативная ситуация в российско-китайской торговле усугубляется для хэйлунцзянского бизнеса началом стимулирования российского сельскохозяйственного экспорта в провинцию в связи с девальвацией российской валюты.

Другим важным фактором в экономике региона является политика центрального правительства, призывающая Хэйлунцзян расширять инвестиции в Россию: в 2014 году регион инвестировал в Россию 1,48 млрд долларов, что на 56 % больше, чем было в 2013 году. За первые восемь месяцев 2015 года общая сумма инвестиций провинции Хэйлунцзян в Россию составила 2,56 млрд долларов, что на 278 % больше, чем в прошлом году. И хотя эти данные российских СМИ в значительной

мере разнятся с официальной китайской статистикой по общим объёмам инвестирования, однако они носят характер очевидной попытки центра стимулировать развитие российско-китайских связей на фоне сложной экономической ситуации в регионе. Такая политика вызывает негативную оценку у значительного числа китайских комментаторов. Впрочем, не только у них.

Партия сказала: надо! Комсомол ответил: нет

Антироссийские акции, мотивированные желанием выпустить пар недовольства через нагнетание националистических настроений среди рабочих слоёв и разорившихся мелких и средних торговцев, имеют и более глубокую политическую подоплёку. Сегодня кадровый состав руководства провинции — от первого секретаря до всех заместителей губернаторов региона — состоит из группы политических оппонентов Си Цзиньпина, так называемой группы «комсомольцев» — радикальных реформаторов либерального толка, ориентированных на тесное сотрудничество с Демократической партией США и крупными неэнергетическими американскими корпорациями, и как следствие, являющимися естественными союзниками в геополитической игре США по расчленению российско-китайского блока в его нынешнем виде.

Нынешний губернатор провинции Лу Хао — звезда «комсомольской группы» первой величины. До прихода на позицию главы региона он занимал позицию первого секретаря Коммунистического союза молодёжи Китая — этот же пост занимал бывший генсек Ху Цзиньтао, нынешний премьер Ли Кэцян, нынешний глава провинции Гуандун Ху Чуньхуа.

С комсомолом связана большая часть партийного и административного руководства региона: третий человек в руководстве, глава комиссии по проверке дисциплины Хуан Цзяньшэн, глава отдела пропаганды, который отвечает в том числе и за контроль над прессой и публикациями, Чжан Сяолян, глава оргбюро провинции Ян Нэй. Глава полиции провинции Сунь Юнбо — выходец из полицейских структур центра «комсомольской группы», провинции Аньхой. Абсолютно все высшие административные посты в провинции занимают представители местной элиты, связанные с оборонным или металлургическим комплексом, без вкраплений даже из соседних провинций.

То же относится и к первому секретарю провинции Ван Сянькуэю (как считается, человеку из группы Цзэн Цинхуа — правой руке шанхайского генсека Цзян Цзэминя), отношения с которым у Си Цзиньпина трудно назвать простыми. Важно отметить, что решения по переименованию городов, а также особая демографическая политика требуют обязательного одобрения местного Законодательного собрания, которое с 2013 года возглавляет Ван Сянькуэй.

Кибергубернатор

Всё это говорит и о важности работы в Хэйлунцзяне для «комсомольской группы», которая одной рукой обрушивает экономику угольной отрасли и сталелитейной промышленности, а другой — развязывает кампанию по ревизии агрессивного прошлого цинского императорского двора в Северо-Восточном Китае. Лу Хао, судя по его предыдущей позиции, один из основных кандидатов в Политбюро созыва 2017 года, ^[21] выборы в которое прошли уже в конце октября 2016 года, в рамках 6-го пленума 18-го созыва ЦК КПК.

В отличие от правой руки Си Цзиньпина — также бывшего губернатора Хэйлунцзяна Ли Чжаньшу, инициатора российско-китайского союза, Лу Хао по сути является символом антироссийской позиции в руководстве «комсомольской группы», а возможно, претендует в будущем на подобные «лавры» в масштабах всей страны. Судя по ряду антироссийских акций и заявлений в прокомсомольской прессе, можно сделать вывод, что в случае вступления Лу Хао на пост в Политбюро, не говоря уже о занятии позиции премьера страны, вектор антияпонской пропаганды Китая может смениться на ярко выраженный антироссийский, со всеми элементами оголтелой риторики, которая сегодня практикуется деятелями провинции Хэйлунцзян.

Лу Хао — очень необычная политическая фигура новой формации. «Трижды молодой» Лу Хао, как его величают в биографических статьях, был самым молодым вице-мэром Пекина (35 лет), самым молодым Первым секретарём комсомола (41 год) и самым молодым губернатором (46 лет). Резкий политический взлёт Лу Хао сопровождался его работой в «силиконовой долине» Пекина — районе Чжунгуаньцунь: Лу Хао возглавлял вначале научно-технический парк «Чжунгуаньцунь», а потом и

район Пекина Хайдянь, в котором он расположен, вплоть до перехода на позицию самого молодого вице-мэра.

В 2007 году молодой вице-мэр столицы прошёл курсы в группе оборонных стратегических исследований Университета министерства обороны КНР после чего и был отправлен на комсомольский, а потом и на российский фронт работ.

Факторы возникновения миграционного кризиса

Как уже отмечалось выше, угроза массовой китайской миграции сильно преувеличена, что стало в том числе и результатом отсутствия адекватных исследований, за исключением работы Виля Гельбраса конца 1990-х годов, а также отсутствия веры в точность российской статистики: например, при официальных данных о 20 тысячах граждан России китайского происхождения официальные лица Еврейской АО отмечают, что до 80 % сельхозугодий региона нелегально, через подставных лиц, уже контролируется китайцами из соседней провинции Хэйлунцзян, и это данные только из одного приграничного региона России.

Тем не менее в связи с ухудшением экономической ситуации как в самой провинции Хэйлунцзян, так и в местах проживания мигрантов из провинции, в других регионах Китая, возникает ситуация потенциального роста социальной нестабильности. Судя по ряду политических, исторических и в большей степени экономических факторов, такое развитие ситуации может стать причиной социально-политических явлений негативного характера в пограничных с Россией районах. Факторами роста такой нестабильности будет прежде всего дальнейшее падение цен на нефть, сокращение рабочих мест в угольной и сталелитейной промышленности, рост российского экспорта нефти и сельхозпродукции в провинцию Хэйлунцзян, а также ухудшение ситуации в следующих китайских регионах: провинции Ляонин (граница с Северной Кореей), провинции Шаньдун, провинции Хайнань, городах центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь и провинции Хэбэй.

Сегодняшнее решение властей провинции о разрешении на рождение третьего ребёнка, которое вовсе не гарантирует демографический бум, может быть продиктовано также и задачей повысить привлекательность регионов для внутренних инвесторов, в том числе и в области

инфраструктурного строительства, а также перевести потоки реэмиграции из южных районов провинции, в том числе столицы — Харбина, в северные части региона. Тем не менее специфичное не только в масштабах провинции, но и для всей страны решение, которое никак не комментируется местными властями и СМИ, оставляет широкий простор для спекуляций и тревожных прогнозов.

Китайский премьер Ли Кэцян^[22]

НЕСТАБИЛЬНЫЙ ГОД ОВЦЫ — «ГОД СУДЬБЫ»

17 июля 2015 года премьеру Госсовета КНР Ли Кэцяну исполнилось 60 лет. Второй человек в компартии и государстве родился в 1955 году — год Овцы. Этот год по традиционным китайским представлениям должен быть для премьера Ли «годом судьбы», который в суеверном Китае считается опасным для жизни человека. Какое место Ли Кэцян занимает в китайской иерархии и какие опасности подстерегали его в непростом 2015 году?

Обладателям западного мышления не понять, что даже если сам премьер, уроженец не самой развитой провинции Аньхой, отказался от тысячелетних предрассудков в пользу «научного развития» и вовсе не суеверен, то очень и очень многие в Китае замерли в ожидании «падения котировок» и проблем второго человека в стране, а возможно, и крутых поворотов в его карьере. Это фактор психологический, и он воздействует и на премьера, и на его группу в партии, и, конечно же, на его конкурентов.

Вы не верите в гороскопы? Это характеризует вас как здравомыслящего человека. Однако в среде китайцев господствует совсем иное отношение к магии даты рождения. «Рациональные и нерелигиозные» китайцы очень трепетно относятся и к магии чисел, и к геомантии фэншуй, и к магии имени.

Год Овцы считается в Китае несчастливym, об этом красноречиво свидетельствует статистика родов за 2014 год, на который пришёлся очередной бум рождаемости: пары старались родить ребёнка в уходящий год Лошади, до наступления года Овцы. Дети, рождённые в год Овцы (или Козы), считаются неудачливыми и, как говорят, могут навлечь пожар в доме.

Примем это как данность: в гороскопы китайцы верят, они следуют предписаниям календарей о несчастливых днях для открытия компании, для бракосочетания, для деловых встреч, не пишут в официальных биографиях политиков даты рождения. И очень боятся так называемого года судьбы — года зодиакального животного, в который они родились. На Западе люди ждут в этот год особых радостных событий: «Это же мой год, мне должно повезти!», однако вся китайская традиция говорит об обратном: год судьбы опасен и таит в себе непредвиденные изменения.

Си Цзиньпин, глава Китая, партнёр Ли Кэцзяна по «тандему», родился в год Змеи. Его год судьбы был в 2013 году, и он чуть не закончился для Си Цзиньпина потерей власти. Однако враги Си — глава горкома Чунцина Бо Силай и его покровитель куратор силовиков Чжоу Юнкан — проиграли партийную борьбу и оказались арестованы. К слову, Чжоу родился в год Лошади, и его официальный арест, первый арест члена Политбюро в новейшую историю, произошёл именно в 2014 году — в год Лошади.

Глупо было бы доказывать на этих примерах правдивость гороскопов, но важно одно: общественное мнение подвержено их влиянию, и гороскоп оказывает психологическое воздействие.

Партийная борьба: «комсомольцы» против красной аристократии

В Китае два основных действующих лица — председатель КНР генсек Си Цзиньпин и премьер правительства Ли Кэцян. Многие не раз обращали внимание на поразительное различие в именах первых лиц страны: Си Цзиньпин, дружелюбное имя которого означает «близкий к миру или равенству», противопоставляется Ли Кэцяну, чьё имя значит «мощно разрушать». Однако антагонизм двух лидеров страны выражается не только в именах, но и в тех силах, которые они представляют. Си Цзиньпин считается представителем потомственной партийной аристократии, его отец окончил свою карьеру на посту главы ныне процветающей южнокитайской провинции Гуандун, а Ли, чей отец был секретарём райкома в Аньхое, вступил в партию в 1976 году — в конце «культурной революции», в большую политику он попал во время политического водоворота, когда члены китайского комсомола начали формировать новую, реформистскую силу в партии.

Сказать, что «принцы» — это некая золотая молодёжь, а

«комсомольцы» — это дети рабочих и крестьян и противостояние между ними есть противостояние верхов и низов, — значит не сказать ничего. Руками крестьянских сыновей — красных стражей — старая гвардия подвергалась травле: именно «комсомольцы» заняли посты старой элиты, оказавшейся в крестьянском поле, тюрьме, эмиграции, ссылке. Си Цзиньпин провёл долгие годы в глухой деревне в провинции Шэньси; Дэн Сяопин, чьего сына убили, — в ссылке в Южном Китае; Ван Цишань, организатор нынешней тотальной чистки в партии, провёл годы своей молодости сосланным в крестьянскую коммуну; отец генерал-лейтенанта Лю Юаня, председатель КНР Лю Шаоци умер в тюрьме. Эта тема борьбы старой гвардии и «комсомольцев» табуирована в Китае до сих пор, и степень её запретности отражает существующий накал внутреннего противостояния группировок.

С другой стороны, ошибочно было бы представлять вождей комсомола некими народными трибунами от земли — как правило, руководителями здесь являются выходцы из мелкого и среднего бизнеса: например, отец Ху Цзиньтао — владелец чайного бизнеса, а отец Ли Кэцзяна — региональный чиновник средней руки. Только из этих двух примеров можно сделать вывод, что «комсомольцы» — это вовсе не «выходцы из низов», а представители региональных элит, стремящихся взять «суверенитет, сколько смогут проглотить», а также лоббисты среднего и крупного бизнеса.

Протеже Ху Цзиньтао

В 1983–1985 годах Ли Кэцян занимал должность руководителя департамента Коммунистического союза молодёжи Китая по делам учебных заведений. В 1985–1993 годах Ли Кэцян — член Секретариата Центрального комитета Коммунистического союза молодёжи Китая, заместитель председателя Всекитайской федерации молодёжи.

Ли Кэцян — ставленник «комсомольской группы» бывшего генсека и земляка Ху Цзиньтао. Аньхойская группировка «комсомольцев» помогла прийти к власти могущественной «шанхайской группе» Цзян Цзэминя в 1989 году. События на Тяньаньмэни, которые привели к уходу от власти сычуаньской группы Дэн Сяопина, а также положили начало расцвета экономики Шанхайского региона, начались вовсе не в столице, а в

Аньхойском политехническом университете, продолжились в Шанхае и уже потом распространились на всю страну, докатившись до Пекина. Впрочем, союз «аньхойцев» и «шанхайцев» длился недолго, и уже в середине 2000-х годов между ними обозначился серьёзный раскол, выразившийся в антикоррупционном деле против главы горкома Шанхая и члена Политбюро Чэнь Лянюй в 2006 году, в середине «срока» Ху Цзиньтао. Судя по всему, этот процесс стал спусковым механизмом, заставившим «шанхайцев» вывести на арену представителей военной элиты, которые должны были сыграть роль защитного механизма от «комсомольского беспредела». Впрочем, судя по итогу, у армии были свои планы на будущее.

Важнейшее из искусств

Многие политические кампании в КНР начинались с театральных выступлений, вот и экранизированный роман китайского диссидента «Тотем Волка» вышел в прокат прямо в первый день года Овцы — 19 февраля 2015 года. Роман дождался экранизации четыре года и попал на большой экран именно в 2015-м.

«Культурная революция». Внутренняя Монголия. Волков, истинных хозяев степей, уничтожают вместе с их детёнышами в угоду размножению овец. «Благородная месть» волков не заставляет себя ждать: умные и организованные волки губят табуны лошадей и беспощадно уничтожают овец. Для стороннего наблюдателя — обычный, местами даже скучный экшен на фоне дикой природы, хоррор-версия «Энимал плэнет». Но только не для китайцев, которые во всём видят символы. «Мы не должны уничтожать волков, после них размножатся грызуны!» — глаголет монгольскую мудрость старейшина в юрте. Фильм и то, что его экранизировали именно в год Овцы, выглядит как чёрная метка нынешнему премьеру, а также «овце» Ван Яну и выходцу из Внутренней Монголии Лю Юньшаню.

Овца — к пожару в доме

В силу исторического опыта самое сильное китаеведение не в России или Европе, а в Японии. Японцы, обладающие всё же иным сознанием, но живущие в рамках китайских культурных кодов, разбираются в Китае лучше всего. Японское издание The Diplomat сообщает, что в бытность губернаторства Ли Кэцяна в колыбели китайской цивилизации — провинции Хэнань — трижды происходили крупные пожары. Издание намекает: приметы не врут.

Сама дурная слава овцы пошла со времён императрицы Цы Си, которая тоже родилась в год Овцы. На её правление пришёлся упадок и конец империи Цин, которую, к слову, воспринимали в Южном Китае как власть северных варваров над истинно китайским югом. Занимая формально второе положение в государстве, она была реальным правителем империи.

Кстати, в бытность своего губернаторства в Хэнани, что на «китайской Волге» — Хуанхэ, премьер Ли всё время занимал должность главы штаба по борьбе с наводнениями. «Вода» и дальше сопровождала Ли по пути к власти — до сих пор он занимает должность куратора группы по перебросу вод рек юга на север, а также строительства крупнейшего гидроузла в мире — «Санься» («Три ущелья»). «Научное развитие» (лозунг протее Ли Кэцяна — Ху Цзиньтао) и суеверия — отличительная черта современного Китая.

Эпидемия ВИЧ

В вину Ли Кэцяну вменяют эпидемию СПИДа, которая развернулась в сельских районах Хэнани. На его фоне другой китайский лидер, ныне член Политбюро Ван Цишань, второй человек (а может, и первый?) в команде Си Цзиньпина, запомнился эффективной и яркой борьбой с эпидемией птичьего гриппа в столице Поднебесной в то же самое время, в 2002 году. Широко освещаемая (особенно в 2013 году) эпидемия «птичьего гриппа», а также [вирус Эбола](#) стали новыми угрозами Ли Кэцяну: не повторится ли его негативный опыт в рамках страны?

На данный момент шумиха вокруг этих заболеваний затихла, но она может вспыхнуть вновь.

Ляонин

Если Си Цзиньпин совершил прыжок в Политбюро с должности секретаря горкома Шанхая, то Ли Кэцян сделал это из кресла главы северной провинции Ляонин, где он провёл несколько лет.

Прибрежная провинция считается экономически и социально развитой и находится в непосредственной близости от столицы — Пекина. Однако место в Политбюро, как указывает ряд изданий, будущему премьеру обеспечил являющийся на протяжении уже 25 лет его боссом по комсомольской линии, а тогда ещё генсек Ху Цзиньтао. И опять немного о символах: название провинции связано с рекой Ляо. Чтобы никаких пожаров...

Сегодня, однако, Ляонин превратился в очевидного аутсайдера экономической гонки в стране.

Всекитайский экономист — лоббист внутренних провинций

В отличие от Си Цзиньпина, чья специальность — марксизм-ленинизм, Ли — доктор экономических наук (и юрист по первому образованию). Ли считается апологетом начавшейся ещё при его протееже Ху Цзиньтао политики поворота Китая от экспорта к внутреннему потреблению. Свои способности по восстановлению потенциала «старых индустриальных баз» он опробовал в Ляонине — возможно, там его опыт стал отправной точкой для восстановления производства во внутренних провинциях страны.

Мировой кризис, сворачивание внешних рынков стали поводом для принятия решения стимулировать потребление внутри Китая, и это решение дало бы мощнейшие преимущества для внутренних провинций страны, в том числе и для родины премьера — Аньхой. При экспортной модели у этих провинций не было бы никаких шансов на развитие, они могли только служить сомнительным источником трудовых и других ресурсов для приморских экспортных центров.

Ощутимым результатом этой политики был бы вклад внутреннего потребления в ВВП страны выше 50 %, однако и спустя семь лет после

старта «разворота вовнутрь» этот показатель не достигнут.

Однако именно экспорт, как и прежде, является двигателем экономики и даёт основной вклад в прибыль, которая далее расходуется на внутреннее потребление. Поддержка государства, за счёт которого росли вложения во внутренние районы страны, лишь привела к бесконечному росту внутреннего долга КНР, который также покрывается за счёт экспортной сферы. На уровне цифр эту политику можно было наблюдать в укреплении юаня, который с 2008 года зафиксировался на курсе с 8,6 юаня за доллар до 6,2 юаня за доллар, что было выгодно для импортёров и невыгодно для приморских экспортёров и их политических групп.

Уже в конце 2014 года произошло первое значительное колебание юаня к доллару — в декабре он впервые за сутки ослаб на 0,1 юаня за доллар, что свидетельствовало о возможной обратной коррекции курса в пользу экспортёров. Их вклад в рост ВВП упал до нуля, в то же самое время внутреннее потребление всё ещё не стало приносить ожидаемый вклад. Китай так не стал тем центром притяжения мировых финансовых кругов, каким сейчас служит США.

«Новая норма»

Ситуация, которую в Китае по-русски окрестили причудливым лозунгом Си Цзиньпина «Новая норма» — (синь чантай). что полностью соответствует советскому пропагандистскому штампу «новая обстановка», означает затяжной этап замедления темпов экономического роста на время масштабной перестройки народного хозяйства с низкой добавленной стоимостью в экономику развитых стран на основе технологий и высокого потребления. «Новая норма» — по-русски значит «затянуть пояса». Отрасли, которые тянут экономику вниз, потребуются ликвидировать в том или ином виде — куда трудоустраивать людей, кому отдавать ношу избыточных мощностей в строительстве и инфраструктуре? Все эти задачи предстоит решать именно Ли Кэцян — и именно в той степени, в которой он сможет с ними справиться, будет сохранена за «комсомольцами-аньхойцами» и «шанхайцами» власть в стране.

Для локомотива экономического развития Китая — приморских провинций Северного Китая, Шанхайского региона и Южного Китая — это означает дополнительную нагрузку по обеспечению «плохих долгов»

центрального правительства, нагрузку по поддержке экономик центральных регионов.

Опасность здесь заключается в том, что находящаяся у власти в стране влиятельная «шанхайская группа» имеет полный спектр представителей в аппарате, а у Южного Китая он практически отсутствует — любой аналитик сделает прогноз: всякая неудача нынешней политики центральных властей будет использована в Южном Китае с целью восстановить баланс сил. Чем провальнее политика центра, тем более реальным становится совершенно иной политический расклад в стране.

Недаром мастер улаживания этнических конфликтов и будущий «преемник» от «комсомольцев» Ху Чуньхуа назначен «смотрящим» Гуандуна. Экспорт этой провинции — это четверть ВВП Китая, у Гуандуна есть выход в море, развитая портовая инфраструктура, соседний прозападный Гонконг, история потрясших весь Китай мятежей. Многие в Южном Китае говорят, что драка — это последняя мера, прежде южане очень долго пытаются договариваться, однако их бунт поистине страшен и беспощаден. Далеко за примерами ходить не надо: «мягкие южане» стали инициаторами самой крупной гражданской войны последних 200 лет в мире — Тайпинского восстания, унёсшего жизни 60 млн человек (сопоставимо со всеми жертвами Первой и Второй мировых войн в Европе).

В манифестах восставших было написано: «Не допустим надругательства северных дьяволов над Китаем». Северные дьяволы — это маньчжуры и китайцы Пекина... Южнокитайская проблема — ещё одна трудность в связке «комсомольцев» Ли Кэцзяна и нынешнего губернатора Гуандуна Ху Чуньхуа, ставленников Ху Цзиньтао. Именно с падения блока Сычуань — Гуандун началось возвышение связки кланов Аньхой — Шанхай.

Си Цзиньпин, к слову, представляющий шэньсийскую группировку в стране, как бы ни показалось странным, также является представителем группы экспортёров: его идеи «Экономического пояса Шёлкового пути» сделали внутреннюю провинцию Шэньси идеальным примером экспортёра внутренних регионов Китая. Подавление сычуаньской группы во главе с Бо Силаем и Чжоу Юнканом замкнуло внутренние провинции Китая (Сычуань, Хунань и другие) на транспортном коридоре Сиань — Европа, в котором ключевую роль играют позиции России, Ирана и Турции.

Приватизация

Перестройку народного хозяйства невозможно осуществить без ликвидации отсталых отраслей, прежде всего в строительном и инфраструктурном секторе.

Выбор Ли в качестве главного приватизатора всей страны не случаен. Научные изыскания будущего премьера проходили под руководством «выдающегося экономиста Китая» Ли И-нина, «апологета приватизации госсобственности» и «мистера Фондовый рынок» — это прозвище он получил за агитацию к открытию в Китае фондовых рынков (первые биржи появились в Шанхае и Шэньчжэне в 1990-е годы). Именно Ли И-нин, уроженец провинции Цзянсу, находящейся рядом с Шанхаем, подготовил теоретическую базу «определяющей роли рынка в развитии Китая». В Пекинском университете, в котором учился и будущий глава обкома Гуандуна Ху Чуньхуа, профессор Ли также подготовил Ли Юаньчао, зампреда КНР, замену Си Цзиньпину, если тот не сможет выполнять свои обязанности...

Во время «культурной революции» «правый уклонист» профессор Ли И-нин был «сослан в деревню» на шесть лет, после того попал под кампанию борьбы с «правым уклоном» Мао Цзэдуна. Правый уклон — это то, что сейчас называют либерализмом и определяющей ролью рынка.

Вторая леди страны — Мэн Хун

Интереснее биографии Ли Кэцзяна — только биография его супруги Чэн Хун. Она ведёт своё происхождение из провинции Шаньдун, так же как и первая леди страны — Пэн Лиюань, и так же как и Пэн, она тесно связана с китайской армией. С будущим мужем она познакомилась в уже не раз упоминавшемся Пекинском университете. Чэн Хун окончила Военный институт иностранных языков города Лояна в провинции Хэнань, одного из центров ВПК Китая (этот же институт закончил брат Си Цзиньпина — Си Юаньпин), а также имеет степень доктора наук в области литературы Академии общественных наук Китая. Предположительно, её «боевой» язык — английский.

Чэн из комсомольской семьи: её отец Чэн Цзиньжуэй был вторым секретарём комсомола провинции Хэнань, в которой довелось работать Ли Кэцян. Сейчас Чэн Хун — преподаватель в одном из вузов Пекина.

Цян гэ — «мощный»

В последнее время в оборот китайской прессы было введено панибратское обращение к премьеру — «Брат мощный» (цянь гэ). Оно появилось перед «Двойным собранием» («лянь хуэй») и, возможно, станет рядом с прозвищем главного в КНР Си Цзиньпина — Папка Си (Си Дада). Такое обращение появилось в относительно свободном южнокитайском издании «Феникс». От названия веет иронией и даже сарказмом: сможет ли «мощный» решить надвигающиеся проблемы? Надо отметить, что прозвище Мощный не приклеилась к Ли Кэцяну, чего нельзя сказать о прозвище Папка Си, которое стало живым мемом и осело в различных песнях и текстах.

«Двойное собрание» — это ежегодные одновременные сессии Всекитайского собрания народных представителей: китайского центрального парламента и Народного политического консультативного совета Китая — аналога Общественной палаты и Палаты промышленников и предпринимателей в России. На этих сессиях обычно принимаются важнейшие законы и делаются важные программные заявления.

Сессии для Ли Кэцяна были сложными: перед всей страной и миром он отдувался за снижающиеся темпы роста благосостояния страны. На пресс-конференциях он выглядел не очень уверенно, заняв оборонительную позицию перед журналистами... Год судьбы — надо быть аккуратней.

Пояс Янцзы

Ещё одна линия водораздела между Си и Ли — это новые «пояса экономического развития». Не успел Си Цзиньпин озвучить инициативу создания Экономического Шёлкового пути (а также Морского Шёлкового

пути XXI века — для Южного Китая), как премьер робко ввёл в оборот экономический пояс реки Янцзы, который объединяет провинции вдоль реки Янцзы с последующим выходом в море в районе Шанхая.

Уже сейчас в Китае очевидно сложились политико-экономические кластеры, за которыми стоят свои политические силы: пояс Шёлкового пути со столицей в Сиани (Си Цзиньпин), пояс реки Янцзы (Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхой), «треугольник Янцзы» — Шанхайский регион, «треугольник Чжуцзяна» — Южный Китай, треугольник Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй. За каждым из этих кластеров не только стоит собственный китайский субэтнос, практически полностью автономная экономика, но и вековая история существования в форме независимых государств.

Антитабачная кампания

«Дружеские» связи лидеров «тандема» не исчерпываются принадлежностью к разным экономическим и клановым группировкам. Для многих в Китае была непонятна антитабачная кампания 2014 года, в которой активно участвовала супруга Си Цзиньпина — Пэн Лиюань. В кампании даже задействовали Билла Гейтса (продукция «Майкрософт» активно покупается в Китае, а поисковик Bing чуть ли не единственный разрешённый западный поисковик в Китае), который покрасовался в футболке «Нет пассивному курению» с первой леди страны.

Секрет оказался на поверхности: заместитель главы табачной монополии China Tobacco оказался младшим братом Ли Кэцяна — Ли Кэмином. 11 февраля 2015 года, по сообщению «Синьхуа», он потерял свой пост вице-президента компании, которая даёт бюджету Китая 7-10 % дохода — в 2013 году этот показатель составил 177 млрд долларов. Похоже, позиции клана начали опускаться вниз. В первой половине 2016 года был арестован замгубернатора провинции Аньхой Ян Чжэньчао, также выходец из табачной индустрии страны. Каков предел этого падения?

Урбанизация

Одним из ключевых проектов, за которые отвечает Ли, является урбанизация всей страны. Главная проблема всех времён для Китая — это аграрное перенаселение: «избыточная» часть жителей перебирается из деревни в город, а когда экономика начинает буксовать, «лишние» массы пополняют базу социальной нестабильности. Кончается это регулярными крестьянскими войнами и, как следствие, новыми династиями. Только официальных династий в Китае зафиксировано 24, крестьянских войн ещё больше. Большинство в Китае сейчас склонны считать, что коммунистическая династия — «долгая», это значит, что ей отмерено ещё как минимум лет семьдесят. Однако многие забывают, что у «долгих» династий посередине всегда есть «провал» с захватом столицы и крупными войнами. Так было, например, во времена династии Тан...

При Ли Кэцзяне страна впервые преодолела важный показатель урбанизации — теперь в Китае более 50 % населения проживает в городах. Однако ряд мер правительства всё же вызывает сомнения: в частности, для увеличения численности городского населения были расширены площади городских округов, а деревни преобразованы в поселения городского типа. Сказать, что такие «прирезки» и «переименования» делают сельское население вовлечённым в экономику города — видимо, не совсем верно. Необъективно было бы также сказать, что урбанизации в Китае нет — она есть и идёт грандиозными темпами, но трудоустройство селян не может идти быстрее, чем развивается экономика страны.

Вопрос урбанизации всё реже поднимается в госпрессе — это тревожный сигнал, что проблемы растут, а их решение откладывается. По оценкам некоторых экспертов, для стабильного развития Китая стране надо ежегодно трудоустраивать до 10 млн китайцев, что гарантируется не менее чем пятипроцентным ростом экономики в год. Рост ВВП в Китае всё ещё выше 7 %, однако в последнее время этот рост происходил в результате масштабной эмиссии и государственного кредитования — рост фактически «кормили» из госказны и резервов былых лет «экономического чуда».

Многие считали, что 2015 год станет моментом истины для Китая и реальное падение роста уже будет невозможно скрыть никакими вливаниями. Отвечать за всё будет, естественно, Ли Кэцян и аньхойско-шанхайская группа. Какие меры она может противопоставить масштабному кризису экономики, тщательно скрываемому за громкими заявлениями?

Ползучая федерализация

Практически сразу после официального вступления в должность премьера страны, в марте 2013 года, Ли Кэцян заявил о сокращении полномочий центра в пользу регионов. Формально это было обозначено как передача 1700 функций центра «обществу» и «рынку».

Учитывая, что единые общество и рынок существуют только в фантазиях пропагандистов, а сам Китай имеет очень чёткую региональную систему кланов, ничем иным как децентрализацией или регионализацией этот шаг Ли Кэцяна не объяснить. Процесс передачи функций ускоряется, регионы, которые в Китае отличаются между собой, как страны Европы, получают всё больше функций, растёт сила региональных корпораций и общественных структур. Любопытным сигналом стали, например, и широкие кампании по распространению использования диалектов в провинциях Китая. К кантонскому диалекту, приравненному к литературной норме «путунхуа» и используемому в официальной коммуникации, могут добавиться новые диалекты китайского языка.

Братья и сёстры

Совсем недавно по окончании «Двух собраний» премьер Ли заявил о возможных серьёзных изменениях в политике «одна семья — один ребёнок», которая запрещала большинству рядовых китайцев иметь второго ребёнка.

Это козырная карта в сложный для власти период: когда экономика идёт на спад, нужно иметь резервы, которые могли бы успокоить общество. Кстати, у самого Ли Кэцяна три брата: Ли Кэпин, Ли Кэмин, Ли Кэхэ — и две сестры: Ли Сяоцин и Ли Кэчжэнь. Хороший повод дать место справедливости и позволить китайцам рожать хотя бы двух детей... Тем не менее вопреки необоснованным страхам, к буму рождаемости нововведение не приведёт: только незначительный процент пар в Китае, уже имеющих одного ребёнка, согласился на рождение второго. Реальной проблемой для Китая становится демографический кризис: старение населения и огромное количество детей трудовых мигрантов, выросших

без родителей, уехавших на заработки.

Первый или второй?

Имена преемников на места Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао определялись ещё за пять лет до их официального избрания на эти должности, однако до самого конца в партии оставалось интрига: кто же займёт кресло генсека партии — «ума, чести и совести эпохи», а кто займёт функциональную должность главы правительства.

В результате партийной борьбы, компромиссов и договорённостей страну возглавил на тот момент подконтрольный Цзян Цзэминю глава шэньсийской армейской группы Си Цзиньпин, а власть над аппаратом правительства досталась протеже Ху Цзиньтао — Ли Кэцян. Партийная борьба и дальнейшая масштабная чистка партии, в которой группа Си играла роль беспристрастного арбитра, сделала из генсека не фланговую, а центральную фигуру в Китае, в котором нынешние властные группировки не могут остановить рецессию.

«Гуандунский пирог» вице-преьера Ван Яна^[23]

Ван Ян — член команды группы молодых реформаторов из китайского комсомола, бывший губернатор самой богатой провинции Китая — Гуандун, а ныне — Председатель Народного политического консультативного совета Китая. Гостя Петербургского форума от китайской стороны часто называют самым радикальным рыночным реформатором в партии.

Ван Ян чьё имя переводится как «океан», а фамилия означает «водная ширь», пользовался популярностью в прибрежном Южном Китае. Политик — не коренной южанин, а выходец из провинции Аньхой, разделённой рекой Янцзы. Бывший генсек Ху Цзиньтао, нынешние премьер Китая Ли Кэцян и губернатор Гуандуна Ху Чуньхуа — земляки Ван Яна. Все они представляют во власти ядро группы «комсомольцев» — реформистского крыла в политике Поднебесной.

Имя Ван Яна созвучно и с именем самого известного реформатора-либерала Китая Чжао Цзяна — символом целого поколения молодых активистов и политиков, стремящихся во власть с середины 1980-х годов. Ван Яна и Ли Чжаньшу, который является идеологом китайско-российского взаимодействия, называют потенциальными членами Постоянного комитета Политбюро после XIX съезда партии в 2017 году. Постком Политбюро — вершина политической власти в КНР.

Гуандунская модель «большого пирога»

Ван Ян — популярный в Гуандуне политик, с его именем связывают расширение связей богатейшей провинции Китая со странами Юго-Восточной Азии и Африки, на которые провинция опирается сейчас, во время кризиса на рынках Европы и США, а также популярный термин «гуандунская модель».

«Мы должны сделать упор на благосостоянии людей, но нам нужно сосредоточиться на экономике, если мы хотим испечь большой пирог. Другими словами, мы сосредоточимся на создании большого пирога, а не на его делёжке», — заявил Ван Ян в начале своего пятилетнего губернаторства в Гуандуне, противопоставив себя красному мэру Чунцина, ныне опальному Бо Силаю. Последний не только занимался вопросами «правильного распределения» собственности предприятий и завоёвывал симпатии населения через раздачу квартир и снижение арендной платы — Бо Силай прославился также борьбой с криминальными ОПГ, расцвет которых злые языки связывали с его предшественником на посту мэра — Ван Яном.

Протест — оружие демократии?

Знаковым для Ван Яна и для его будущей популярности на Западе стал инцидент в уезде Укань (сентябрь 2011), относящемся к району Шаньтоу. Разгневанные нечестной продажей земли, крестьяне не остановились на привычных для них протестах. Впервые со времён гражданской войны они

выбрали 107 представителей для выборов местного главы райкома. Вольница сместила предыдущего начальника, занимавшего эту должность 47 лет, и избрала новым партийным лидером вожака протестующих.

За событиями в селе в Южном Китае, почти всё население которого (85 %, или 6500 человек) участвовало в протестах, следили не только представители из американского посольства, но и лица из обкома, не препятствуя их действиям. Впоследствии организации протестующих были названы незаконными. «Уканьская модель» была названа на Западе прообразом будущей китайской демократии, к которой стремится группа комсомола.

В 2016 году, уже в бытность руководителем провинции «комсомольца» Ху Чуньхуа, выбранного старосту деревни задержали за взятки: в госпрессе сообщили, что борец за демократию взял откат за установку резиновых дорожек в одну из местных школ. Арест вызвал массовые протесты в населённом пункте, которые не прекращаются до сих пор. Деревня окружена частями Вооружённой народной полиции. Наряду с волнениями в Укани в ряде населённых пунктов Гуандуна летом 2016 года произошли погромы и столкновения с полицией, вызванные строительством ряда промышленных объектов.

В 2014 году появились слухи, что именно Ван Ян, который уже был вице-премьером, решил проблему протестов в пограничном с Гуандуном Гонконге.

При Ван Яне в Гуандуне расцвели НКО и другие общественные институты, чиновник приобрёл славу «защитника демократии» и даже... борца с центром. Во время массовых банкротств, связанных с кризисом 2008 года, Ван Ян оказывал негласное сопротивление директивам Пекина поддерживать те или иные предприятия, указывая на то, что в рыночных условиях нет смысла поддерживать нерентабельные производства. Но Ван Ян не только не потерял свой губернаторский пост, но и стал известным в США политиком, лестные характеристики и явное отличие которого от «бесформенных партийных вождей» стали подмечать все западные СМИ.

Либеральный Ван Ян — главный переговорщик с США

Сравнительное позиционирование — приём, описанный гением рекламы Элом Райсом, — главное оружие Ван Яна. В отличие от

большинства нынешних китайских политиков, «сын простого рабочего» (злые языки утверждают обратное: сын директора пищевой компании) Ван Ян — радикальный реформист и покровитель демократических свобод, борец с «традиционной моделью развития». И наконец Ван Ян не подкрашивает волосы, как все члены руководства Китая от главы райкома и выше. На его висках легко угадывается седина, бросающая либеральный вызов единообразному и молодящемуся партаппарату.

Всё это даёт бесконечное количество очков Ван Яну в переговорах с американцами — политик отвечает за экономическое взаимодействие Китая и США, на товарооборот которых приходится более полутриллиона долларов, а также основные инвестиции в экономику Поднебесной.

Ван Ян позволяет себе остроумные шутки в отношении американо-китайских отношений: «Я не думаю, что нам не надо разводиться, как Руперту Мердоку и Энди Дэн, это будет слишком дорого». Или чего только стоит шутка Ван Яна о его переговорах с главой Минфина США Джэйкобом Лью: «Я обеспокоен разрешением гей-браков в США, но не думаю, что у нас с Джэйкобом есть такие намерения».

Ван Ян крайне симпатичен американцам, и их кредит доверия — это капитал либерального члена ЦК КПК.

Ссора с кланом Е

Ван обладает абсолютной поддержкой его земляка, бывшего генсека Ху Цзиньтао, — именно это позволило ему войти в члены Политбюро, практически перескочив через вхождение в Центральный комитет КПК. Такая абсолютная поддержка комсомола сыграла с ним злую шутку. Отмечают, что в 2012 году в Постком Политбюро Ван Ян не попал именно из-за пренебрежения к местной корпоративной элите — влиятельному в Гуандуне семейству маршала Е Цзяньина, который освобождал Гуандун от Гоминьдана ещё во время гражданской войны.

Пренебрежение интересами семьи Е, а также борьбой со старой элитой, характерной для всех «комсомольцев», сыграло свою роль в будущей карьере политика, который предпочёл остаться на занятой позиции: «Необходимо только, чтобы все партийные и госорганы на всех уровнях власти могли представлять коренные интересы широких народных масс, а не представлять интересы маленьких групп, только тогда наши

реформы смогут сделать решительный шаг вперёд».

«Инновации, инвестиции, интеллект»

Ван Ян — безусловный идеолог рыночных реформ и «определяющей роли рынка» в развитии Китая. При нём Гуандун начал разворот к экономике с повышенной добавленной стоимостью, в частности большое внимание было уделено развитию Шэньчжэня как техноцентра провинции и Китая. «Гуандунская модель» также подразумевала привлечение широких инвестиций с Запада, а не опору на внутренний рост и ресурсы внутреннего потребления Китая.

Ван Ян также является главой комиссии по защите интеллектуальной собственности в стране, деятельность которой вылилась в создание специальных судов по интеллектуальной собственности в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу — столице провинции Гуандун.

Семья Ван Яна

Ван Ян остался без отца в 17 лет и бросил учёбу ради того, чтобы помочь матери прокормить семью, в которой было ещё двое детей. Супруга Ван Яна также из его родного города Сучжоу (Аньхой), что не так часто встречается в биографиях политических лидеров Поднебесной. Семья воспитала дочь, которая, по сообщениям ряда источников, работает в крупном европейском инвестиционном банке в Гонконге.

Несмотря на борьбу с «принцами», как утверждается, зять Ван Яна — внук знаменитого «шанхайского» военного Чжан Айпин, родственные связи которого идут к нынешнему «шанхайскому» члену ПК Политбюро Юй Чжэншэну, чья жена является дочкой легендарного генерала. Зять Вана Николас Чжан получил образование в США, долгое время работал аналитиком Фонда Сороса в Гонконге. Сейчас 30-летний Чжан является основателем собственной коммерческой структуры.

Ван Ян родился в год Овцы, и для него, как и для премьера Ли Кэцзяна, по китайским поверьям, 2015 год являлся годом судьбы. Крайне суеверные

китайцы считают, что в этот год нельзя предпринимать ничего рискованного, так как это может быть опасным для жизни и здоровья. Кроме того, сама овца на севере от Янцзы считается животным, не приносящим удачу: «Овца к пожару в доме» — гласит китайская поговорка.

Ван Ян и Россия

Среди китайских лидеров существует маленькое соревнование по уровню рейтинга на международных площадках, и помощь государствам, попавшим в затруднительное положение, является одним из эффективных методов для его поднятия. Россия — не исключение. В своё время и Си Цзиньпин, и глава МИДа Ван И, и сам Ван Ян заявляли об «ошибочности санкций» в отношении России. На встрече с Дмитрием Рогозиным в Сочи в 2013 году Ван Ян особо отметил «жизнеспособность России».

Впрочем, внутри Китая, около 300 млн населения которого живёт на меньше чем 2 доллара в день, разного рода внешняя помощь рассматривается очень критично. Кроме этого, для того чтобы Ван Ян отказался от американского рейтинга и предстоящей в ноябре процедуры вхождения юаня в состав валют МВФ в пользу России, должно произойти какое-то чудо, над которым стоит поломать голову российским политикам в преддверии Петербургского экономического форума.

Наряду с Ван Яном в 2015 году Россию одновременно посетили бывший глава обкома конкурирующей с Гуандуном провинции Фуцзянь Чжан Гаоли и член Посткома Политбюро Чжан Дэцзян (нанёс визит в Татарстан).

Шансы на успех: станет ли Ху Чуньхуа будущим главой Китая?^[24]

До планируемых выборов нового генсека ещё долгие годы, однако в КНР развернулась нешуточная по масштабам политическая борьба, результатом которой может стать срыв планов могущественных группировок. Массовая кампания председателя КНР Си Цзиньпина по

борьбе с коррупцией значительно изменила соотношение сил в высшем политическом эшелоне. До её начала одним из основных претендентов на пост председателя КНР был выходец из провинции Хубэй Ху Чуньхуа — «преемника» негласно назначили Си Цзиньпина чуть ли не сразу после его избрания на пост, но в последние два года эксперты всё чаще и чаще высказывают сомнения в том, что Ху Чуньхуа достигнет политического Олимпа. Во многом их сомнения связаны с биографией политика.

Талантливый парень из народа

Ху Чуньхуа родился в автономном районе Уфэнь провинции Хубэй, лежащей на реке Янцзы в центре Китая, в семье простого крестьянина в 1963 году. К 16 годам ему удалось окончить школу, перескочив через несколько классов, а во время сдачи государственных экзаменов он получил лучший результат в провинции и поступил на филологический факультет Пекинского университета, который, кстати, заканчивал и нынешний премьер Китая — Ли Кэцян, тоже уроженец «пояса реки Янцзы».

Блестящее образование и крестьянское происхождение открывали перед 20-летним Ху многие двери; говорят, ему даже предложили хлебное место в Пекине. Однако Ху Чуньхуа отказался и попросил отправить его в отделение комсомола в глухой и отсталый Тибет.

23 года в Тибете

Это нестандартное на первый взгляд решение во многом было продиктовано рядом объективных обстоятельств. Во-первых, 20-летний выпускник Пекинского университета вряд ли мог кого-то удивить в столице, в то время как на окраинах его ценность значительно возрастала. Во-вторых, в этот период китайское руководство в Тибете остро нуждалось в кадрах, да и объём планируемых работ также впечатлял: строительство железных дорог и жилплощадей, стимулирование иммиграции в регион этнических китайцев, налаживание связей между китайским

правительством и местным населением.

Тибет стал для Ху второй родиной. Он провёл там 23 года, выучил тибетский язык. За это время он прошёл путь от редактора газеты «Сицзан жибао» и руководителя государственного отеля в Лхасе до заместителя секретаря провинции.

Одним из важнейших событий в жизни политика стало назначение будущего председателя КНР Ху Цзиньтао на должность партийного секретаря региона. Через четыре месяца после этого в Лхасе произошло крупное столкновение между борцами за независимость и правоохранительными органами. Ключевую роль в урегулировании этого конфликта сыграл именно Ху Чуньхуа. Тут пригодились знания и тибетского языка, и местных обычаев. Именно его посредничество помогло довольно быстро и безболезненно стабилизировать ситуацию. Интересный момент: когда Ху Цзиньтао заболел горной болезнью и вынужден был на некоторое время вернуться в Пекин, именно Ху Чуньхуа встречался с местным населением от его имени.

Маленький Ху

С этого момента продвижение однофамильца будущего генсека Ху Чуньхуа по линии комсомола, «вотчине» Ху Цзиньтао, значительно ускорилось, а в прессе за ним закрепилось прозвище Маленький Ху (которое намекало на протекцию Большого Ху — Ху Цзиньтао).

С 1997 по 2008 годы он был в числе руководящего состава комсомола, который к тому моменту стал своеобразным кадровым резервом для высшего руководства; именно из состава комсомола выдвинулся Ли Кэцян — второй человек в современном Китае.

В марте 2008 года Ху Чуньхуа стал губернатором Хэбэй — не очень богатой провинции, окружающей столицу Пекин с трёх сторон. Однако его первое назначение было весьма неудачным в связи с разразившимся скандалом из-за молочного порошка, в результате употребления которого более 50 тысяч младенцев получили инвалидность. Ху удалось выйти сухим из воды, и уже через год он получил повышение и был назначен руководить не менее сложной, чем Тибет, Внутренней Монголией.

Разрешение этнических и социальных противоречий — это конёк Ху Чуньхуа. В отличие от своих предшественников, которые гнались за экономическими показателями, Ху заявил, что основной его целью является сглаживание социальных противоречий и развитие экономически отсталых частей региона. Это стремление к гармонии совпадает с лозунгом его протеже Ху Цзиньтао о построении гармоничного общества: именно при Ху Цзиньтао в состав КПК начали принимать крупных предпринимателей, что помогло оставить КПК на плаву в резко усилившейся власти бизнеса в стране.

В этот период Внутреннюю Монголию сотрясали крупнейшие за последние 20 лет социальные волнения, однако вместе с переговорами и мерами по сокращению социального неравенства правоохрательными органами было проведено несколько крупномасштабных операций, а также для местного населения на некоторое время закрыли доступ к социальным сетям. Сочетание жёстких мер с мерами по устранению самих причин беспорядков снискало Ху Чуньхуа славу умелого руководителя, который чётко следует линии партии, но при этом решает накопившиеся проблемы.

Именно благодаря этому в ноябре 2012 года на 18-м съезде КПК он стал одним из самых молодых членов Политбюро, а в декабре был назначен партсекретарём провинции Гуандун (Южный Китай) — самой экономически развитой провинции Китая. Эти назначения трактовались многими политологами как знак того, что именно Ху Чуньхуа станет председателем КНР в 2022 году. Однако руководство одной из самых богатых провинций в стране стало для него непростой задачей. Большая антикоррупционная кампания, которую начал Си Цзиньпин, нанесла самый сильный удар именно по Гуанудуну — провинции, которая, к слову, также является и самой отличной от других в культурно-языковом плане, её населяют китайцы-кантонцы, проживающие и в соседнем, ставшем беспокойным Гонконге.

Атмосферу значительно ухудшил и новостной сюжет, запущенный прямо перед китайским Новым годом, когда телевизор смотрели почти все жители страны.

В нём рассказывалось о процветании проституции и наркоторговли в регионе Дунгуань. Вследствие расследования были сняты с должностей заместитель мэра города и глава местного отделения полиции. В

результате антикоррупционной деятельности со своего поста был смещён партийный секретарь Гуанчжоу в 2014 году — Вань Цинлян. Сам Ху Чуньхуа также принимает активное участие в партийной чистке, так в администрации Гуанчжоу было уволено более 800 чиновников, родственники и семьи которых проживали за границей.

Политическая карьера и стиль управления Ху Чуньхуа во многом совпадают с представителями поколения 1960-х: редкое общение с прессой и чёткое следование линии партии. Как представитель «комсомольцев», он стал одним из ключевых фигур среди протеже Ху Цзиньтао, которые остались у власти после его ухода с должности главы государства. Изначально именно эта преемственность и была залогом его успешного пути к должности председателя.

Однако в связи с тем, что в антикоррупционной кампании пострадали именно политические противники Си Цзиньпина, этот фактор на сей раз может сыграть против Ху Чуньхуа. Очевидно, что Ху Чуньхуа принадлежит к группировке, идейно противостоящей старой гвардии, или «принцам», к которым относится Си Цзиньпин. И чем более прочными становятся позиции нынешнего председателя КНР, тем больше вызывают сомнений прогнозы о том, что именно ставленник Ху Цзиньтао, Ху Чуньхуа, станет лидером шестого поколения руководителей Китая.

Однако изменения политической конъюнктуры не умаляют и достоинств этого политика, которому удалось стабилизировать ситуацию в двух беспокойных регионах на окраине страны. В условиях ухудшающейся внешнеполитической и экономической ситуации правительству КНР будет нужен такой дальновидный и аккуратный руководитель. Гуандун, сердце Южного Китая, возможно, станет новой площадкой для мастера решения этнических конфликтов.

«Комсомолец» Сунь Чжэнцай — будущий премьер-министр Китая^[25]

Шаньдунец Сунь Чжэнцай — один из двух самых молодых членов Политбюро и самый молодой министр в истории КНР к тому же он доктор сельскохозяйственных наук. Всё это является идеальным сочетанием для премьер-министра КНР. Во всяком случае, об этом уже неоднократно говорили в западных СМИ.

Нынешнему поколению лидеров — Си Цзиньпину и Ли Кэцян, не

успели они занять свои должности, «назначили» преемников: главной Китая должен стать Ху Чуньхуа, ныне губернатор процветающего Гуандуна (Южный Китай), а премьером — герой нашей книги, Сунь Чжэнцай, возглавляющий город-провинцию Чунцин, самый перспективный регион Китая.

Будущее Сунь Чжэнцай, члена «комсомольской группы» бывшего генсека Ху Цзиньтао, в качестве премьера зависит от его успехов на губернаторской должности. Надо признать, это далеко не самое простое место работы, учитывая, что его предшественник Бо Силай сейчас отбывает пожизненное наказание в тюрьме.

Беззаботное прошлое

Сунь Чжэнцай относится к шестому поколению китайских чиновников, которое традиционно считается более открытым, либеральным и прагматичным. В отличие от своих предшественников, которые застали «культурную революцию» или даже гражданскую войну, их юность прошла во время реформ и открытости Дэн Сяопина. Как и многие представители шестого поколения руководителей КНР, он учился в Лондоне, где изучал сельское хозяйство. Они более открыты к новым веяниям, однако на них оказали влияние и события на площади Тяньаньмэнь, когда либеральное студенчество было подавлено силой госаппарата и армией.

В первую очередь представители этого поколения чиновников чаще всего ассоциируются с группировкой «комсомольцев», к ним принадлежат два самых молодых члена Политбюро: Сунь Чжэнцай и Ху Чуньхуа. Их отличительными чертами является скромный образ жизни и приверженность к своему делу, своей специальности. Таких чиновников обычно называют технократами, и именно такой стиль управления импонирует бывшему председателю КНР Ху Цзиньтао.

Сунь Чжэнцай родился в 1963 году в провинции Шаньдун. В 1980 году он поступил в Сельскохозяйственный институт в провинции Шаньдун, в 1984 году — поступил в Пекинскую академию сельского хозяйства и лесоводства. Сельское хозяйство стало ключевым направлением в его карьере и сыграло в его жизни такую же роль, как Тибет в жизни второго представителя шестого поколения в Политбюро Ху Чуньхуа.

С 1987 по 1997 год он проработал в академических исследовательских институтах, где совмещал занятия наукой с административными функциями. В итоге в 1997 году он получил звание доктора сельскохозяйственных наук.

К 1998 году Сунь Чжэнцай стал одним из ведущих специалистов по сельскому хозяйству в Китае. К началу 2000-х именно такие специалисты и были нужны стране. Быстрый рост городов и прибрежных регионов стал причиной социального расслоения населения Китая и всё возрастающего разрыва как между богатыми и бедными, так и между городом и деревней. Всё это явилось причиной возрастающего социального напряжения, и решение этих вопросов станет частью программы будущего председателя КНР Ху Цзиньтао, которая вылилась в принцип: «строительство гармоничного общества». Стимулирование роста сельской местности и сокращение разрыва между городом и деревней — ключевой пункт этой программы.

Однако доктор Сунь ещё не обладал достаточным опытом для того, чтобы занимать руководящие должности. Речь прежде всего шла об административной работе. С 1997 года он работал в руководстве района Шуньи в Пекине. Вместе с практической подготовкой в Пекинском горкоме Сунь проходил обучение в Центральной партийной школе. Сначала он прошёл годовой курс для молодых чиновников, затем три года изучал юриспруденцию. А в 2006 году прослушал курс лекций для чиновников провинциального и министерского уровня.

Самый молодой министр в Китае

Наконец, в 2006 году в возрасте 43 лет Сунь Чжэнцай занял пост министра сельского хозяйства и всячески поощрял экономическое развитие сельскохозяйственных регионов. Однако в 2009 году, когда он покинул министерское кресло, публично признал, что, несмотря на все усилия со стороны правительства, в это время разрыв между городом и деревней продолжал увеличиваться.

Губернаторство в Цилине и дружба с Северной Кореей

В 2009 году его назначили главой провинции Цзилинь (Северо-Восточный Китай). За четыре года ему удалось поднять ВВП провинции до уровня 1 трлн юаней (168,5 млрд долларов). И это было достигнуто в первую очередь с помощью развития сельскохозяйственных районов (до 20 % в год при средних темпах роста в провинции 15 % в год). Вторым успешным направлением развития было развитие отношений с Корейским полуостровом. Кроме традиционно близких отношений с Северной Кореей (за время его руководства северокорейский лидер посетил Цзилинь три раза), Сунь также начал налаживать экономическое сотрудничество с Южной Кореей.

Губернаторство в Чунцине

Сунь Чжэнцзя назначили на должность смещённого Бо Силая, который, как утверждается, бросил вызов Си Цзиньпину. Однако его назначению предшествовало назначение на эту должность Чжан Дэцзяна, нынешнего члена Политбюро, также связанного с Северо-Восточным Китаем. Интересно, что в то время как Сунь был министром сельского хозяйства, Бо Силай занимал пост министра торговли. В 2007 году они даже написали совместное письмо в ВТО, чтобы снизить тарифы для развивающихся стран на сельскохозяйственную продукцию.

Назначение Суня на этот пост стало для него непростой задачей: сначала ряд чиновников были смещены в результате следствия по делу Бо Силая, а затем этот богатый регион стал одной из главных целей антикоррупционных чисток администрации Си Цзиньпина.

Несмотря на своё крестьянское происхождение, Сунь Чжэнцай имеет хорошие связи среди старшего поколения китайского руководства. Служба в Пекинском горкоме — важный период в жизни Суня: в это время ему удалось не только быстро вырасти в городской администрации, но и выучиться в партийной школе. Есть мнение, что причина этого — покровительство столичного мэра, «комсомольца» Цзя Циньлиня.

Вместе с тем в его становлении в качестве министра сельского хозяйства сыграл важную роль другой видный «комсомолец» — бывший премьер-министр КНР Вэнь Цзябао. Ходят слухи, что Сунь помогал с ведением бизнеса его жене Чжан Бэйли, и это взаимосвязано. Тот факт,

что, несмотря на небольшое количество «комсомольцев», в высших эшелонах партии Суню удалось добиться позиции в Политбюро, уже говорит о многом.

Именно Сунь Чжэнцаю вместе с Ху Чуньхуа предстоит представлять поколение шестидесятников в 2022 году, и до 2012 года его политические перспективы можно было бы назвать безоблачными. Если ему удастся пройти незапятнанным через антикоррупционные чистки и другие массовые кампании Си Цзиньпина, он вполне может стать вице-премьером, который будет курировать сельское хозяйство, уже после 19-го съезда в 2017 году, а может, и будущим премьер-министром КНР.

Последние изменения в аппарате правительства и в региональном руководстве Китая

Крупные перестановки в среднем руководящем звене партийного, государственного и армейского аппарата в Китае в регулярном режиме происходят в последнюю декаду декабря и конце июля и приурочены к первому дню нового года или к 1 августа — дню образования НОАК. Ещё одним важным периодом назначений считается преддверие 1 июля — дня образования Компартии Китая.

И перед 1 июля 2016 года в госаппарате Китая произошли крупные перестановки.

Самым обсуждаемым кадровым изменением в рамках смены руководства стало назначение главы информационного надзора Китая Лу Вэй^[26] на позицию главы малой руководящей группы ЦК по вопросам интернет-безопасности и информатизации в 2013 году.

Лу Вэй, уроженец провинции Аньхой, сделавший карьеру в ИА Синьхуа при генсеках Цзян Цзэми и Ху Цзиньтао, пока сохраняет позицию замглавы отдела пропаганды ЦК КПК. Сегодня его дальнейшая карьера, судя по всему, заморожена, впрочем, как и его бывшего непосредственного начальника, ныне члена Политбюро Лю Юньшаня. А вместе с ними и проекты по разблокированию «Гугла» и «Фейсбука» на территории КНР.

Позицию интернет-контролёра всекитайского значения занял шанхаец Сюй Линь, всю жизнь проработавший в Шанхае, начав с позиции главы комсомольской организации одного из его пригородов. С 2007 года — член

ПК горкома Шанхая, начальник отдела пропаганды горкома, с 2015-го — замглавы администрации по контролю за Интернетом — государственным «аватаром» партийной структуры, с июня 2016-го — её начальник и глава малой группы по интернет-безопасности ЦК.

КАДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОБКОМАХ

В юго-восточной провинции Цзянси, имеющей стратегические запасы редкоземельных металлов, а также политическое влияние на соседнюю провинцию Хунань и провинцию Шанхайского региона Цзянсу, назначен новый первый секретарь обкома. Новый первый секретарь Цзянси — Лу Синьшэ, уроженец провинции Шаньдун, гидролог по образованию, всю жизнь проработал в Министерстве земельных и природных ресурсов КНР, в 2009 году занял пост замминистра Минресурсов, с 2010 года — второй секретарь провинции Ганьсу (Северо-Западный Китай), с 2011 года введён в обком Цзянси — занимает позиции исполняющего обязанности губернатора и второго секретаря обкома. С июня 2016 года назначен губернатором и первым секретарём обкома, что является нетипичным для органов власти КНР, подразумевающих разделение партийного и государственного руководства между двумя чиновниками. Не исключено, что чиновник, обладающий такой поддержкой, — вероятный будущий министр природных и земельных ресурсов КНР.

Его предшественник Цян Вэй занял место в китайском парламенте, став замначальника Комитета внутренних дел и юстиции ВСНП. Цян Вэй, прошедший службу в частях ВМС в провинции Фуцзянь, занимал позицию главы комсомольской организации Пекина, второго секретаря горкома КПК Пекина, с 2007 года — первый секретарь пограничной с Тибетом провинции Цинхай, с 2013 года — первый секретарь провинции Цзянси. Судя по всему, политическую карьеру Цян Вэй можно считать завершённой.

На пост главы провинции Цинхай в Западном Китае назначен ещё один уроженец провинции Шаньдун — Ван Гошэн. После работы в районных организациях родной провинции последовательно занимал позиции второго секретаря провинции Цзянсу, второго секретаря и губернатора провинции Хубэй. С 2016 года — первый секретарь провинции Цинхай. Важно отметить, что первой поездкой Си Цзиньпина после августовского отдыха стал инспекционный визит в Цинхай.

Предшественник Ван Гошэна — Ло Хуэйнин — уроженец провинции Аньхой, корнями из провинции Чжэцзян Шанхайского региона, в 2004 году

занимал позицию главы отдела пропаганды провинции и второго секретаря провинции Аньхой до 2003 года. С 2003 года — второй секретарь Цинхая, с 2013 года — первый секретарь провинции Цинхай. Ло Хуйэнин перемещён на позицию первого секретаря провинции Шаньси.

ЮЖНЫЙ КИТАЙ

С позиции секретаря партийной группы правительства провинции Гуандун смещена Сюй Пинхуа — это уже третий бывший глава комсомольской организации провинции, кто, по выражению китайской прессы, «ломает копья» при попытке сделать карьеру в провинции Гуандун, где первым секретарём является один из ведущих комсомольских лидеров Китая — Ху Чуньхуа. Сюй — третий подряд по счёту лидер комсомольской организации провинциального уровня, в отношении которой, как предполагается, ведётся расследование. Ранее аналогичные позиции главы обкома комсомола Гуандуна занимал ныне отбывающий пожизненное заключение Вань Цинлян, а также глава обкома комсомола района Внутренняя Монголия Пань И-ян.

ЭНЕРГЕТИКА

Значительные перестановки в июле 2016 года произошли также в Управлении по делам энергетики КНР и в ряде электроэнергетических госкорпораций Китая, в том числе в корпорации «Южные электросети» и гуандунской корпорации «Юэдянь». Главной «Южных электросетей» стал уроженец провинции Шаньдун Ли Цинкуэй, который в своё время занимал позицию директора электростанции в Хэцзэ, родном городе супруги председателя КНР Си Цзиньпина — Пэн Лиюань. До назначения на позицию директора «Южных электросетей» Ли занимал должность директора корпорации «Хуадянь» — одной из пяти крупнейших электроэнергетических корпораций Китая.

ШАНХАЙСКИЙ РЕГИОН — ЧЖЭЦЗЯНСКАЯ ГРУППИРОВКА

На пост первого секретаря провинции Цзянсу, важнейшей экспортной провинции Шанхайского региона, назначен Ли Цян, его предшественник Ло Чжицзюнь, закончил работу на посту первого секретаря в связи с достижением предельного возраста. В провинции, которая дала значительное число кадров для «шанхайской группы» в КПК, в том числе

генсека Цзянцзэминя, произошла почти полная смена руководства: ранее с должности замгубернатора был отстранён Ли Юньфэн, тесно связанный с зампредседателя КНР Ли Юаньчао. Исполняющим обязанности губернатора провинции Чжэцзян назначен выходец из комсомола, провинции Аньхой, бывший мэр столицы провинции, а также второй секретарь Синьцзян-Уйгурского автономного района Чэ Цзюнь, который совмещает позицию с должностью второго секретаря обкома Чжэцзяна.

Новый первый секретарь провинции Цзянсу Ли Цян — уроженец провинции Чжэцзян и её губернатор, всю свою жизнь проработавший в провинции. Чжэцзян — основной конкурент выходцам провинции Цзянсу за контроль над Шанхайским регионом, или треугольником устья реки Янцзы, а также конкурент экспортным компаниям южнокитайского Гуандуна.

До назначения генеральным секретарём КПК Си Цзиньпин также возглавлял партийную организацию Чжэцзяна, а после занятия им должности главы государства ряд наблюдателей стали говорить о формировании сильной «чжэцзянской группы» в КПК, в том числе в лице нынешнего губернатора Гуйчжоу — Чэнь Миньэра, мэра северокитайского порта Тяньцзинь Хуан Синго, репутация которого была сильно испорчена из-за взрыва в районе Биньхай, губернатора северной провинции Цзилинь этнического монгола Баинь Чаолу, мэра Шанхая Хань Чжэна, вице-мэра Шанхая Ян Сюна, губернатора Хунани Ду Цзяхао, губернатора Гуандуна Чжу Сяоданя, бывшего мэра Чунцина Хуан Цифаня, а также нынешнего члена Политбюро Юй Чжэншэна. Такая концентрация власти в руках выходцев из Чжэцзяна создаёт серьёзные предпосылки для выдвижения части данных лиц на посты в будущем составе Постоянного комитета ЦК КПК. Важно отметить, что две трети указанных лиц также причисляются, как это часто бывает, и к другим группам — в частности, «шанхайской» и «комсомольской». Тем не менее известный гонконгский политолог Вилли Лам утверждает о формировании особой группы уроженцев экспортной провинции Чжэцзян из вышеуказанных и других лиц.

Ло Чжицзюнь, предшественник нового первого секретаря Цзянсу Ли Цяна, — выходец из китайского комсомола, сделавший свою карьеру на различных постах в центральном издании китайского комсомола «Молодёжной газете». Удаление из провинции Цзянсу замгубернатора Ли Юньфэна, а также Ло Чжицзюня окончательно фиксирует утрату контроля над провинцией со стороны «комсомольской группы» и дальнейшее ослабление её влияния на региональную политику Китая.

Второй назначенец, новый губернатор северокитайской угольной

провинции Шаньси, бывший первый секретарь удалённой, пограничной с Тибетом провинции Цинхай — Ло Хуэйнин, также корнями из провинции Чжэцзян, однако карьеру сделал в «географическом сердце» комсомольского движения — провинции Аньхой. Политические элиты провинций Аньхой и Шаньси также имеют тесные исторические связи ещё с конца XIX века, сохранившиеся до сих пор. Предшественник нового первого секретаря провинции Шаньси Ван Жулинь, выходец из комсомольских структур провинции Цзилинь, сохранил должность главы заксобрания провинции.

В результате последних региональных перестановок значительно пошатнулись позиции «комсомольской группы» в региональных структурах КНР, на которых во многом строилась кадровая политическая стратегия группы в КПК. Комсомольские руководители утратили позиции в провинциях Цзянси, Цзянсу и частично ослабили позицию в Шаньси, поделившись влиянием с «чжэцзянской группой», которая наряду с выходцами из Шаньдун значительно нарастила присутствие на региональном уровне власти в Китае. С другой стороны, назначение аньхойца и комсомльца Чэ Цзюня на пост губернатора провинции Чжэцзян указывает на попытку правительства Ли Кэцяна контролировать амбиции вероятных членов «чжэцзянской группы».

Новые руководители провинции Цинхай и Цзянси — выходцы из Шаньдун, при этом контроль над центром добычи редкоземельных металлов, провинцией Цзянси, сосредоточился в руках одного человека: посты первого секретаря и губернатора провинции, которые обычно разделяются между двумя людьми, занял Лу Синьшэ. К выходцам из провинции Шаньдун в китайской элите относятся супруга Си Цзиньпина Пэн Лиюань, координатор масштабной чистки в партии член ПК Политбюро Ван Цишань, первый секретарь горкома Шэньчжэня Ма Синжуэй и целый ряд других руководителей в центральных и региональных структурах, а также значительная часть руководства китайской армией.

Чжэцзян и Шаньдун не являются конкурентами на мировых экспортных рынках, что способствует их кооперации на политической арене, из которой они совместно выдавливают уроженцев провинции Цзянсу, «шанхайскую группу» и «комсомольскую группу» в КПК.

Усиление региональных группировок происходит на фоне ослабления организаций компартии и комсомола, о чём свидетельствует резкий рост массовой неуплаты членских взносов в обеих организациях.

Китай разделён на 23 провинции, 5 автономных национальных районов, 4 города центрального подчинения. В составе КНР два особых административных района — Гонконг и Аомэнь. Средняя численность населения китайской провинции — 45–65 млн человек, что соответствует числу жителей крупной европейской страны, такой как Франция, Германия или Италия. В крупных провинциях, например Гуандун, Сычуань, Хэнань, население может приближаться или перевалить за отметку 100 млн человек, а ВВП провинции Гуандун во 2-м полугодии 2016 года сравнивался с ВВП России.

На вершине власти: «шанхайская группа» в политике Китая

Шанхай — крупнейший порт, связавший Южный и Северный Китай, — имеет колоссальное значение в политике Поднебесной. Древнее царство У, чьё наследие ещё отражается эхом в шанхайском диалекте, по-прежнему являет нам себя в Шанхайском регионе — «треугольнике реки Янцзы», провинциях Цзянсу, Чжэцзян и городе центрального подчинения Шанхае. Здесь долгое время находился политический центр страны: столицы династий Южная Сун, династии Мин и Китайской республики, которые воплощали морской вектор развития Китая. «Шанхайцы» во главе Центробанка и МВФ, на ключевых постах ЦК Компартии и Политбюро, Шанхайская организация сотрудничества, идеи о создании Евразии от «Шанхая до Санкт-Петербурга» — всё это лишь вершина гигантского айсберга власти и могущества «шанхайской группы» в Китае.

Борьба за море: Шанхай против Гонконга

Шанхай — брат-близнец Гонконга, родившийся в результате Опиумных войн европейцев против Китая. Центры торговли опиумом, центры китайского революционного движения, а впоследствии и крупные экспортные порты и первые биржи ценных бумаг — во всём эти две столицы «китайского участка глобализации» шли нога в ногу, конкурируя между собой за влияние в Китае и мире. Соперничество царств У и Юэ продолжается и по сей день: если «шанхайцы» монополизировали отношения с американской ФРС и пытаются реализовать стратегию мирового доллара, то гонконгцы поставили на их конкурентов — «золотой стандарт», реализацию региональной юаневой зоны. Практически всю современную историю Китая от образования КНР до сегодняшнего дня можно описать как борьбу Шанхая и Гонконга, привлекающих на свою сторону те или иные китайские силы.

Борьба за наследие Мао Цзэдуна — история формирования «шанхайской группы»

Победа народной революции в Китае не без участия южных китайцев — гуандунских и сычуаньских генералов Е Цзяньина и Чэнь И — практически законсервировала Шанхай в качестве политического и экономического центра на 20 лет, в то время как Гуанчжоу и Гонконг продолжали полноценно функционировать, создавая базу для дальнейшего экспортного рывка на мировые рынки.

Практики революции Дэн Сяопин и Лю Шаоци весьма скептически относились к идеям Мао о Большом скачке, который приведёт Китай к экономическому процветанию только с опорой на собственные силы. Культурная революция вынудила их покинуть высшие эшелоны власти. Крах экономической политики заставил китайскую элиту осознать будущую экспортную модель страны как основную, и схватка между «шанхайцами» и южными китайцами вспыхнула вновь. Костяк так называемой «банды четырёх», которым инкриминировали зверства Культурной революции, практически полностью состоял из шанхайцев или связанных с Шанхаем лиц, а также подкреплялся выходцами из провинции Хубэй в среднем течение Янцзы, тоже воспринимающих Гуандун и Южный Китай как некое препятствие на пути собственного развития.

В конце 1970-х годов «южнокитайское лобби» во главе с Дэн Сяопином и Хуа Гофэном, за которым стоял южнокитайский маршал Е Цзяньин, и Южный Китай в полной мере воспользовались плодами экспортно ориентированной экономики: на протяжении всего периода реформ южнокитайская провинция Гуандун оставалась лидером по темпам и объёмам экономического роста в Китае.

Экономическое развитие Китая полностью сконцентрировалось в экономических зонах Южного Китая, так было вплоть до трагических событий на площади Тяньаньмэнь (1989), когда в результате ошибок военных власть вновь перехватили «шанхайцы» во главе с наиболее знаменитым их представителем, бывшим генсеком Цзян Цзэмином. Силы комсомола, организовавшие волнения по всей стране — от Аньхоя, Шанхая и до Пекина, как это уже было 4 мая 1919 года, поставили вопрос о смене власти и даже об уходе компартии с политической арены в стране. Сычуаньские военные, которые составляли костяк власти Дэн Сяопина, — братья Ян, один из которых, Ян Байбин, был политкомиссаром Пекинского

военного округа с 1985 года, а другой, Ян Шанкунь, стал зампредседателем КНР, — спровоцировали собственным усилением дальнейшее противостояние политических сил, которое вылилось в подавление студенческих протестов в центре столицы Китая.

Политический кризис тяжело ударил по экономике — темпы роста Китая упали вдвое из-за наложенных Западом санкций; некоторые, такие как запрет на поставку вооружений, не отменены до сих пор. Проблему отношений с Западом, который стал для Китая источником экономического благосостояния, а также сохранения Компартии Китая как единого аккумулирующего политическую власть организма страны, решают шанхайские партийные руководители во главе с Цзян Цзэминем и выходцем из провинции Цзянси Цзэн Цинхуном.

С 1992 года начинается расцвет Шанхая в качестве нового экономического центра КНР, а треугольник Гонконг — Шэньчжэнь — Гуанчжоу лишается представительства в высших эшелонах власти и теряет господдержку. Даже сегодня для выходцев из Южного Китая в высшем руководстве КНР нет места: уроженцев Гуандуна нет ни в одном министерстве или управлении Госсовета КНР, потолком для карьеры гуандунца является должность заместителя губернатора провинции. Аналогичные меры были предприняты и для сычуаньской группы: в 1994 году провинцию расчленили на две части, выделив из неё перспективный регион Чунцина и сделав его городом центрального подчинения, а также серьёзно ограничили присутствие сычуаньцев в высшем руководстве страны.

<i>Цзян Цзэминь — патриарх «шанхайской группы»</i>

Студенческие беспорядки на пекинской площади Тяньаньмэнь, которые грозили КПК полной утратой власти, закончились компромиссом между армией, партией и комсомолом — на алтарь выживания коммунистического строя были принесены Ху Яобан и реальный лидер реформ Чжао Цзыян, группа Дэн Сяопина оказалась дискредитирована, а реальная власть оказалась в руках главы шанхайского горкома, по-южному обходительного и коммуникабельного Цзян Цзэминя (1926). По сути, либералы-реформаторы из центральной части страны уступили влиятельным группам Шанхая.

Цзян Цзэминь смог решить проблему санкций, которые были наложены на Китай после событий Тяньаньмэнь, и положил начало интеграции Китая в глобальную долларовую систему — созданию единого экономического пространства Китая и США. Дружба с американскими демократами, однако, не проходила гладко. Заокеанские партнёры то и дело пытались поддерживать «мятежный» Тайвань, который должен был сбалансировать рост влияния китайцев. Во многом именно это заставило «шанхайцев» начать тесный диалог с Россией и Борисом Ельциным в 1996 году и организовать «Шанхайскую пятёрку», которая позже была преобразована в знаменитую ШОС — Шанхайскую организацию сотрудничества, чтобы Билл Клинтон и ему подобные не пытались «диктовать, как жить и работать» России и Китаю.

Цзэн Цинхун — серый кардинал группы Цзян Цзэминя

Возвышение Цзян Цзэминя было бы невозможно, если бы не талантливая организационная работа Цзэн Цинхуна (1939) — выходца из нефтяной отрасли КНР сына министра госбезопасности КНР Цзян Цзэминь выполнял функции «связей с общественностью», в то время как Цзэн талантливо решал организационные вопросы, работая с кадрами, идеологией и устраняя проблемы с «конкурирующими организациями». Цзяна всегда отождествляли с его протеже Цзэном, именно поэтому последний долгое время не мог получить место в Постоянном комитете Политбюро, однако в конце концов добился его, заняв пост зампреда КНР при Ху Цзиньтао.

В 2004 году Цзян Цзэминь окончательно уходит с последнего официального поста в КНР — главы Центрального военного совета (аналог Совета безопасности в России), передав пост Ху Цзиньтао. Сейчас, когда Цзян Цзэминю пошёл 89-й год, реальным главой «шанхайцев» можно назвать именно Цзэн Цинхуна.

Цзэн Цинхуну, как утверждается, принадлежит авторство идеологии включения представителей бизнеса в компартию, а также «имперский» поворот в идеологии КНР: отмена исполнения Интернационала на партийных собраниях, появление символики императорского Китая — возможно, и термин «партия принцев» принадлежит Цзэн Цинхуну, идеологу нового «китайского дворянства».

В 2008 году место заместителя председателя КНР наследовал нынешний генсек Си Цзиньпин, которого часто называют ставленником «шанхайца» Цзэна. Впрочем, Си Цзиньпин был не единственным «протеже» Цзэна.

Триумvirат китайской власти

Сегодня в Китае создалась редкая ситуация, когда формальные уступки «престола» привели к одновременному существованию трёх альтернативных политических групп во властной структуре страны: «шанхайцев», ставленников и протеже Цзян Цзэминя, «комсомольцев» от Ху Цзиньтао и стремительно набирающей силу группировки китайской армии, требующей своей доли политического пирога.

В стране живы и здравствуют три генсека — Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин, а их противостояние постоянно ослабляет центральные институты власти, выстраивая предпосылки для углубления децентрализации и усиления региональных элит, опирающихся на местные корпорации. Пока проблема борьбы за центральную власть не будет окончательно решена в пользу одной из групп, Китай неминуемо будет двигаться по пути к дальнейшей децентрализации и федерализации по советскому образцу.

Раскол внутри «шанхайцев» Си Цзиньпина и Чжоу Юнкана

Глава «нефтяной группы» в КПК Чжоу Юнкан, который, так же как и Цзэн Цинхун, был тесно связан с интересами государственной безопасности, являлся вторым протеже Цзэна. Нешуточная борьба между «наследниками» привела к первому в новейшей истории КПК аресту Чжоу Юнкана. Вывод такой существенной фигуры и группировки из политической игры спровоцировал эффект домино: в КПК развернулась невиданная со времён Культурной революции чистка, которая уже срезала значительный слой китайской элиты и продолжается до сих пор.

Си Цзиньпин, пришедший во власть под контролем Цзян Цзэминя и

Цзэн Цинхуна, окончательно попал в высший эшелон власти с поста мэра Шанхая и занял пост заместителя председателя КНР при генсеке Ху Цзиньтао, который представлял конкурирующую с «шанхайцами» группу «комсомольцев». Однако Си Цзиньпин вовсе не марионетка в руках «шанхайцев». Группа Си, опирающаяся на центральные районы страны и ряд армейских группировок, всё чаще демонстрирует самостоятельность в принятии решений, а антикоррупционная кампания, которая подбирается к Шанхаю, говорит о начале открытого перераспределения власти от «шанхайцев» к шэньсийской группе Си, имеющей своё видение развития Китая, в том числе и через континентальный Шёлковый путь.

В драке «принцев» с «комсомольцами» выигрывает армия

Широко распространённое видение современной политической ситуации в Китае как противостояния наследной элиты «принцев», к которым относят Си Цзиньпина, с «комсомольцами», к которым относят премьера Ли Кэцзяна, не совсем верно. В реальности происходит противостояние представителей провинции Аньхой, Хубэй и Шаньси — ядра «комсомольцев» — с «шанхайцами» и группирующейся вокруг них наследной корпоративной элитой Китая. Си Цзиньпин в этой комбинации выстраивает линию собственной группы, поскольку не относится на сто процентов к «шанхайцам», и во многом выигрывает от противостояния «шанхайцев» с аньхойцами, к которым относятся нынешний премьер Ли Кэцян и вице-премьер Ван Ян.

Здесь и далее очевидным образом выстраивается устойчивая для данного периода политической истории Китая картина, когда двое из групп устраивают союз против третьей в случае её избыточного усиления. Если период 2008–2013 годов характеризовался созданием союза группы Си и «шанхайцев» против комсомола, то с 2013 года наметилось явное усиление группы Си, поведшей наступление по всем фронтам одновременно против ослабившихся в противостоянии «комсомольцев» и «шанхайцев».

Начало активной фазы кампании чисток против Шанхайского горкома, первой весточкой которой была не объяснённая до сих пор новогодняя давка в толпе на площади Чэнь И 31 декабря 2014 года и последовавшие за ней отставки в муниципалитетах, достигло своего апогея

в связи с обвалом фондовых бирж в Китае и началом расследований в отношении финансовых властей в середине — конце 2015 года. Это обстоятельство вынудило «шанхайцев» сдать позиции и объединиться с комсомолом в общих заявлениях и «письмах об отставке» к «коренному лидеру» Си Цзиньпину.

Каждый удар партийной чистки ведёт к широкомасштабному перераспределению власти, отчасти в пользу Си, ослабляя позиции крупных блоков «шанхайцев» и «комсомольцев». Китайский комсомол фактически стоит на позициях достижения федерализма и всеобщих выборов, в то время как «шанхайские принцы», или, если использовать термины советских учебников, «компрадорская» аристократия, вероятно, осознают, что при реализации этих принципов окончательно потеряют власть в стране в виде сохранённой ими Компартии Китая. О неприемлемости, в частности, федерализма для Китая говорил «шанхаец» У Банго, член Политбюро при Цзян Цзэминя.

Не исключено, что ослабленные противостоянием группы уступят в конце концов всю полноту власти китайской армии и идеологии национализма, которую представляет Си Цзиньпин. Чистка в партии и госорганах, усиление роли государственных законов, клятвы на верность Конституции, создание ряда специальных комитетов ПК Политбюро без «шанхайцев» — всё говорит о верности высказанных выше предположений. Концентрация власти в руках людей в погонах будет означать для Китая сложный период отношений с Западом, высокую вероятность полномасштабной войны и многие другие особенности национально ориентированных военных режимов.

«Шанхайцы» в ЦК партии

Именно «шанхайцы» не дали Компартии Китая пойти по пути КПСС, а Китаю стать федерацией или даже конфедерацией по типу СНГ. «Шанхайцы» выполнили функцию консолидации китайской элиты, пусть и с использованием весьма чуждой для коммунистов риторики «дворянства» и «империи». Во многом поэтому ключевые должности в Компартии принадлежат именно им.

Сегодня пресса и «гонконгские аналитики» рядят в «протезе Цзян Цзэминя» практически всех без исключения членов нынешнего

Политбюро. Да, бесспорным является факт влияния «ушедшего на пенсию, но неутомимого» Цзян Цзэминя на кадровые решения первых лет нового тысячелетия, однако степень зависимости этих кадров от «Шанхая» всё же не имеет характер абсолютного подчинения.

Сейчас в Политбюро КПК два человека имеют отношение к комсомолу — это премьер Ли Кэцян и глава партийной школы Лю Юньшань, тогда как остальные члены Политбюро обязаны Цзян Цзэминю политической карьерой, хотя имеют и собственный политический вес.

К таковым относятся главы китайского «парламента» Чжан Дэцзян и Юй Чжэншэн. Последний принадлежит к «железному треугольнику» выходцев из провинции Шэньси, также обязанных Цзян Цзэминю политической карьерой: Си Цзиньпин и Ван Цишань вместе с Юй Чжэншэном образуют «блокирующий пакет» в Политбюро, которому не способны помешать ни «комсомольцы», ни другие ставленники «шанхайского генсека». «Железный треугольник», группа внутри группы, опирающаяся на силу китайской армии, — сегодня наиболее эффективная сила в китайской политике.

На фоне китайского МИДа не меньшими полномочиями обладает Отдел внешних связей ЦК КПК, который возглавляет «шанхаец» Ян Цзечи — специалист по американскому вопросу. Контроль над органами внутренних дел и госбезопасностью осуществляется «шанхайцем» Мэн Цзяньчжу — главой Политико-юридической комиссии ЦК КПК. К «шанхайцам» относят второго человека в Центральной комиссии по проверке дисциплины — бывшего мэра Шанхая Ян Сяоду. По мнению наблюдателей, нынешний мэр города центрального подчинения Чунцина Хуан Цифань, губернатор провинции Юньнань Чэнь Хао, а также всё руководство Шанхая принадлежит к этой группе. Личный секретариат Си Цзиньпина, к слову, возглавляет тоже «шанхаец» — Дин Сюэсян. И не только личный секретарь — заместитель председателя КНР Ли Юаньчао также «шанхаец» и уроженец провинции Цзянсу.

«Финансовый блок»

Как уже говорилось выше, основная миссия «шанхайцев» — привести юань в «клуб мировых валют», окончательно и безоговорочно интегрировав китайскую экономику в «новый финансовый Вавилон».

Эту задачу выполняют в Китае выходцы из Шанхайского региона — несменяемый с 2002 года глава Центробанка страны Чжоу Сяочуань,^[27] а также заместитель главы МВФ Чжу Минь.

Министерство финансов КНР возглавляет также «шанхаец» Лоу Цзивэй, который с 2007 по 2013 год управлял госкомпанией CIC, ответственной за сотни миллиардов китайских инвестиций за рубежом.

2015 год был для «шанхайцев» крайне важен: именно в октябре этого года должен был решаться вопрос о включении юаня в корзину резервных валют МВФ, и если этого не произошло бы, то это был бы серьёзный и, возможно, последний удар по «шанхайцам» в партии. Решение многократно откладывалось, однако глава МВФ Лагард пообещала, что включение юаня произойдёт 1 октября 2016 года — дата, которая совпадает с национальным праздником Китая, Днём образования КНР.^[28]

В августе 2015 года сразу же после отказа МВФ включить юань в корзину мировых валют последовала крупнейшая по объёму за последние 25 лет девальвация валюты, после чего произошла самая серьёзная техногенная катастрофа времён правления Си Цзиньпина — взрыв химических складов соседнего с Пекином города Тяньцзинь: сотни тонн цианида поднялись в воздух и по воле ветра направились в море, а не на соседний Пекин, где в это время проходили международные соревнования атлетов.

Сегодня влияние «шанхайцев» вышло за пределы КПК и только «шанхайских» структур. Достаточно сказать, что детище Си Цзиньпина — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — тоже возглавляет выходец из Шанхайского региона, Цзинь Лицунь. Отмечается, что покровителем самого Цзян Цзэминя, а также создателем шанхайского финансового блока был Чжу Жунцзи, мэр Шанхая, а впоследствии и премьер Госсовета КНР с 1998 по 2003 год.

Судя по всему, это лишь вершина «шанхайского» айсберга, который уходит своим основанием в десятки ведущих банков и корпораций в Китае и за рубежом.

Клан маршала Е — хозяева Южного Китая

Спустя многие годы после смерти маршала Е Цзяньина (1986), который после смерти Мао неизменно следовал в списке членов Политбюро за всеми генсеками вторым номером, его многочисленным потомкам приписывают не только контроль над богатейшей провинцией Гуандун, но и духовное лидерство в красной аристократии Компартии Китая. Особая роль клана Е не только в Южном Китае, но и в красной элите вообще стала ещё заметнее в середине 2015 года.

Как гром среди ясного неба 8 июня прозвучало заявление дочери бывшего министра финансов при Мао Цзэдуна Чэнь Юня — Чэнь Вэйлань — о необходимости бескомпромиссной борьбы с коррупцией. Резкое заявление представительницы красной аристократии означало начало открытого формирования в красных кланах союза против «шанхайского» генерального секретаря Цзян Цзэминя и его возможных союзников в комсомоле. Духовным лидером этой группы является второй сын Е Цзяньина, бывший глава партийной разведки, а ныне почитаемый в Гуанчжоу пожилой каллиграф Е Сюаньнин.

Южный Китай — кипящий котёл революции

Слом династии Цин (1644–1911) — империи «северных дьяволов» — начался в Южном Китае. Именно здесь трижды не сдавший экзамены на чиновничью должность Хун Сюцюань возглавил Тайпинское восстание, унёсшее жизни 60 млн человек и чуть ли не приведшее к созданию в Китае первой христианской империи со столицей в Нанкине. Его дело завершили легендарные красные маршалы — выходцы из южных провинций Гуандун, Хунань, Цзянси и Сычуань. Подавляющее большинство из них относилось к представителям особой этнической общности южных китайцев — хакка, в том числе тайпин Хун Сюцюань, первый президент Китая Сунь Ятсен и основатель могущественного клана маршал Е Цзяньин (1897–1986).

Маршал Йап — так звучит его фамилия на языке хакка — южанин из «столицы хакка», гуандунского города Мэйчжоу, не только сыграл ключевую роль в борьбе Мао Цзэдуна за власть, но и лично в возрасте 82

лет руководил уничтожением конкурентной Гуандуну шанхайской «банды четырёх» после смерти вождя, и не без его весомой поддержки Дэн Сяопин занял пост первого человека в Китае. Надо отметить, что в списке Посткома Политбюро маршал Е занимал позицию перед Дэн Сяопином и его предшественником Хуа Гофэном. Возможно, маршалу, который лично арестовывал «банду четырёх», не стоило труда объявить себя человеком номер один и собрать славу первого генсека, выходца из Гуандуна, за всю историю Китая. Однако маршал отказался от такого решения, предпочитая власть в чистом, не разбавленном славой виде.

Именно потомственный военный Е Цзяньин руководил той силой в армии, которая осталась нетронутой после массовых чисток во время «культурной революции» и которая в конечном счёте выиграла от первого этапа реформ и открытости в Китае. Именно в районах концентрации хакка в Южном Китае появились крупнейшие свободные экономические зоны — Шэньчжэнь, Сямэнь, Шаньтоу и Чжухай. Сейчас можно смело утверждать, что если бы маршал Е не оказался у власти, не было бы и могучей экономики Гуандуна, которую западная пресса называет 15-й экономикой мира, «если бы провинция не входила в состав КНР», сравнивавшейся по объёму ВВП с экономикой России.

Человек, который «спас партию, армию и революцию»

Широкие права клана Е были получены не просто так. В период «Великого похода», который можно назвать родовыми муками компартии, превратившими её из кружка интеллигентов и лидеров бунтующей молодёжи в могучую полевую армию, Е Цзяньин передал радиосвязь с Коминтерном Мао Цзэдуну, обрекая на поражение своего начальника и соперника Мао — Чжан Готао. Коминтерн, штаб мировой революции, тогда — это деньги, оружие и информация — всё, без чего молодой китайской компартии было не выжить. Вклад бывшего студента Московского университета трудящихся Востока Йап Гям-ин (а так его имя звучит на языке хакка) не был забыт Мао Цзэдуном, который назвал его человеком, «спасшим партию, армию и революцию».

Е, совершивший удачный ход, однако, был лишь одним из многих хакка, вступивших в компартию и создававших её вооружённые отряды, — достаточно упомянуть хакка Е Тина (чьим именем названы улицы

соседнего с Мэйчжоу города Хуэйчжоу), который сформировал «железный полк» — предтечу Красной армии, или десятки хакка, погибших вместе с членами советского генконсульства в ходе известного Гуанчжоуского восстания в 1927 году.

В награду за преданность в 1949 году Е стал мэром Пекина. Пожалуй, это единственный гуандунец на этом посту за всю пятисотлетнюю историю существования северной столицы. Впрочем, пробыл он здесь недолго, вскоре вернувшись в родную провинцию.

Став полновластным хозяином провинции Гуандун и её столицы Гуанчжоу, маршал Е начал реализовывать широкую автономию огромной части страны: здесь не были нарушены права крупных землевладельцев, а помещики остались при своём, что было практически немыслимо в условиях победившей по всей стране власти коммунистов. В дальнейшем сместивший его на этом посту просоветский хубэец маршал Линь Бяо жестоко поплатится своей жизнью: самолёт Линь Бяо со всеми членами его семьи, направившийся в СССР, упадёт в Монголии, а его имя будет табуировано в Китае вплоть до нынешнего дня.

Провинция Гуандун, как и Шанхай, нередко становилась трамплином для дальнейшего продвижения на высшие посты во власти: руководителем провинции был и отец Си Цзиньпина Си Чжунсюнь, и премьер «тяньаньмэньских» реформаторов «комсомолец» Чжао Цзяян, и нынешний вице-премьер «комсомолец» Ван Ян, и третий в нынешней иерархии власти член Политбюро Чжан Дэцзян, и главный координатор нынешних масштабных чисток Ван Цишань, а также Ху Чуньхуа, которого прочат на место будущего главы Китая. Трудно переоценить влияние клана Е, члены которого не только 15 лет трижды возглавляли провинцию, но и имели непосредственное отношение к назначению «мэйчжоусцев» — губернатора Хуан Хуахуа и бывшей «восходящей звезды» китайской политики, а ныне опального мэра Вань Цинляна.

«Бессмертный маршал» Е Цзяньин

Обладая военной властью и влиянием в Южном Китае, Е Цзяньин не только помог будущему главе Китая и «дедушке реформ» Дэн Сяопину переждать опалу в Шэньчжэне, но и оказывал активную поддержку «реформатору» Чжао Цзяню, который в своё время, став самым молодым

секретарём обкома Гуандуна, сохранил здесь формы частного производства в сельском хозяйстве. Будущие главы и премьеры выражали «благодарность» в виде всё больших свобод для Гуандуна — Дэн Сяопин создал здесь свободные экономические зоны, а Чжао в качестве премьера Китая активно ему в этом помогал. Ряд авторов указывают, что нынешняя конституция КНР разрабатывалась под личным присмотром Е Цзяньина.

Антисоветский Е

Несмотря на свёртывание масштабного сотрудничества с СССР в 1960-е годы, Китай до начала «политики реформ и открытости» оставался частью советской технологической зоны: импортировал значительное количество продукции советского машиностроения и был зависим от советских технологий. «Реформы и открытость», которые были направлены в первую очередь на западные рынки, поменяли вектор развития Китая на американский. Первые зоны свободной торговли, которые приняли западный капитал и технологии, были расположены в Южном Китае.

Без всякого сомнения, «идеологом» смены вектора был южнокитайский маршал Е Цзяньин. История его сотрудничества с американцами началась настолько давно, что трудно назвать конкретный срок начала его общения с заокеанскими партнёрами. Ему приписывают переговоры с представителями американцев во время гражданской войны в Китае, на которых обсуждалось сохранение в Китае враждующей с коммунистами партии Гоминьдан и даже возможность создания некоего независимого государственного образования в Южном Китае. Насколько такие данные соответствуют действительности, не до конца ясно, однако именно Е Цзяньин, дополнявший Чжоу Эньлая, по сути стал тем человеком, который положил начало китайско-американским отношениям в начале 1970-х годов, прямому сотрудничеству китайской и американских армий, взамен открыв для Гуандуна западные рынки.

Смена вектора на проамериканский в Китае совпала со смертью Линь Бяо — уже упомянутого главного врага Е Цзяньина. Линь, считавшийся наследником Мао в армейских кругах, попытался бежать в СССР (1971), но разбился в Монголии.

Фамилия Е известна знаменитыми представителями. Министр

южнокитайского царства Чу, происходивший из местечка Е, дал начало многочисленным знаменитостям разветвлённого рода. Среди них и великие даосы, и министры династии Сун, и основатель малайского Куала-Лумпура — Йап А-лой, два губернатора Гуандуна — при династии Цин и при Гоминьдане, тайпинские генералы, основатели банков и университетов в Южном Китае, известный россиянам Йип Ман — учитель Брюса Ли, учёные и игорные магнаты, спортсмены, музыканты, журналисты и политики Тайваня, Вьетнама, Индонезии и Филиппин.

Выходцы из Мэйчжоу

Хакка (дословно — «пришлые», или «гости») — потомки китайских мигрантов, бежавшие с севера страны в Южный Китай во время завоеваний кочевников, как и евреи в Европе, не обладали возможностью иметь землю и обрабатывать её. Это обстоятельство, а также необходимость выживать в сложных условиях, сделали из них прекрасных торговцев, предпринимателей и финансистов. До сих пор их разветвлённые сетевые структуры контролируют Юго-Восточную Азию со столицей хакка Сингапуром и составляют конкуренцию кантонским и миньнаньским кланам.

«Ведёшь бизнес и не хочешь ни от кого зависеть», — скажет вам любой представитель этого китайского этноса. Власть хакка в Гуандуне прочно ассоциируется с кланом Е, а также столицей хакка — городом Мэйчжоу что примерно в 200 км от Гуанчжоу и Гонконга. Здесь не только расположено родовое имение и кладбище Е Цзяньина, но и до сих пор куются кадры для его могучего клана.

Гигантская с точки зрения населения западных стран провинция Гуандун также неоднородна в своём субэтническом делении. Здесь существуют четыре крупных этнических кластера, каждый из которых выдвигает в центр свою группу. Самый крупный и центральный кластер — «Гуан-фу» («Гуандунский двор») — кантонцы «треугольника устья реки Чжуцзян» (Гуанчжоу, Дунгуань, Фошань, Чжухай, Шэньчжэнь, Гонконг, Макао). Вторая группа — это район Чаочжоу, чей язык ближе к диалекту соседней провинции Фуцзянь. Третья группа — это субэтнос хакка, который компактно проживает в Мэйчжоу, Шаогуань, Хуэйчжоу, Цинюань и районе Шэньчжэня Баоань. Последняя группа — это переселенцы с

севера: всё многочисленное пришлое население Гуандуна, а также присланные из центра руководители. Стоит упомянуть и группу выходцев из Чжаньцзяна — крупной базы военно-морского флота НОАК, которые также говорят на собственном наречии — лэй-хуа.

За каждой из таких элитных групп стоит население от 10 до 30 млн человек. Знаменитым представителем чаочжоусцев, например, является «хозяин Гонконга» — миллиардер Ли Кашин (Ли Цзячэнь), который до Джека Ма, хозяина «Алибабы», долгое время считался самым богатым человеком Азии, однако сегодня, кажется, уходит из Южного Китая. В группу «приезжих» входят глава горкома Гуанчжоу Жэнь Сюэфэн и губернатор Гуандуна Чжу Сяодань (корнями из Вэньжоу, провинции Чжэцзян Шанхайского региона).

Клан мэйчжоусцев Е безраздельно контролирует Гуандун, начиная с 1980-х годов, когда к власти здесь пришёл Е Сюаньпин — первый сын Е Цзяньпина. Пробыв на различных партийных и государственных постах в провинции до 1991 года, он ушёл на повышение в центр, став заместителем главы НПКСК — аналога Общественной палаты в России, который соединяет в себе беспартийные силы общества, в том числе и бизнес-элиты. Преемником Е Сюаньпина стал также хакка, правда, уроженец бунтарского уезда Луфэн, Се Фэй, который контролировал провинцию до 1998 года.

После укрепления позиций Цзян Цзэминя (на 15-м съезде, в 1997 году) на долгие 10 лет провинция перешла в руки «шанхайца» Ли Чанчуня (1998–2007) и Чжан Дэцзяна. После этого контроль над провинцией взяли «комсомольцы», которые привели сюда Ван Яна, ныне вице-премьера Госсовета, и частого гостя в России, а также хубэйца Ху Чуньхуа, который возглавляет провинцию и поныне, но не прославился ещё здесь особыми подвигами. У хубэйцев и хунаньцев — сильное представительство в Гуандуне и свой собственный взгляд на развитие региона, который должен служить, по их мнению, воротами из центрального Китая в регион пояса Янцзы и не иметь самостоятельной силы.

Потеря позиций клана Е на долгие 17 лет связана с последствиями поражения блока сычуаньской и южнокитайской группы клана Е во время событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, когда в результате ряда ошибок армейских группировок, контролировавших Китай, власть перехватили «шанхайцы» во главе с Цзян Цзэмином. Восстановление авторитета и контроля над провинцией идёт не без сбоев. Пришедший в начале двухтысячных губернатор Хуан Хуахуа контролировал провинцию до 2010 года и привёл во власть самого молодого мэра Гуанчжоу —

«комсомольца» Вань Цинляна.

Последнему, однако, не помогло ни полное отсутствие собственности, ни его популярность в качестве молодого и активного политика: сразу после начала масштабной чистки в 2014 году он потерял свой пост, а мэйчжоуская группа клана Е оказалась обезглавленной.

О Вань Цинляне в основном знают по его «воздушным» романам: после его отставки в прессе началась унижительная кампания о его предпочтениях «заказывать» стюардесс по айпэду, при этом совершенно не упоминалось, что чиновник не обладал никакой госсобственностью, проживая в казённой квартире за 600 юаней в месяц, а также сам боролся с коррупцией. Политика беспощадна.

Параллельно с масштабной чисткой «комсомольских» кадров в провинции, в 2014 году в жёлтый цвет «революции зонтиков» окрасился Гонконг. В это же время столицу провинции Гуандун — город Гуанчжоу впервые за 33 года возглавил не уроженец провинции, а бывший мэр Тяньцзиня, северного конкурента Гуанчжоу как экспортного порта. Жэнь Сюэфэн — основной создатель проекта индустриальной зоны Тяньцзиня — Биньхай, которая стала известна на весь мир после серии взрывов в августе 2015 года и надолго потеряла привлекательность, уступив позиции Циндао, Шанхаю и Шэньчжэню. Вместе с Вань Цинляном были арестованы, смещены, наказаны сотни чиновников — многие, как начальник полиции Гуанчжоу, предпочитали уходить из жизни самостоятельно. Пресса формулировала причины инцидентов как «чрезмерный стресс на работе».

Борцы с коррупцией уделяют особое внимание Мэйчжоу — 15 августа 2015 года город был «очищен» от коррумпированного мэра Чжу Цзэцзюня. Чтобы картина была ещё более наглядной, надо добавить, что следствие также ведётся и против бывшего главы Комиссии по проверке дисциплины Гуандуна, который также в своё время занимал пост мэра Мэйчжоу.

Гуандун, самая богатая провинция Китая, устойчиво лидирует и по числу «расстрельных списков»: за 2014–2016 годы в провинции арестовано два заместителя губернатора, а общее число расследований в отношении глав ведомств и районов вряд ли поддаётся какой-либо систематизации и учёту.

«Культурная революция», которая по сути являлась масштабной чисткой в верхах, имела и своих разоблачителей. Маршалу Е Цзяньину принадлежит, как утверждается, высказывание, что в ходе «культурной революции» пострадало более 20 млн человек, тогда как по данным Верховной народной прокуратуры речь шла лишь о 3–4 тысячах жертв. Е Цзяньин был куда более жесток в своих оценках, чем Дэн Сяопин, и по сути представлял в КПК крайне правое крыло, поддерживающее курс на экономическую либерализацию Китая в самых верхних эшелонах власти.

Однако если это действительно так, то крайне запутанным представляется нынешний конфликт между кланом Е и представителем «либеральной группы комсомольцев» в Гуандуне Ван Яном, о котором так часто говорили как о реальном факте в зарубежной китайской прессе. По сути Ван Ян мог бы стать вторым «либеральным премьером» Чжао Цзяняном, которого клан Е протолкнул из Гуандуна в центр, но не стал им. Более того, указывалось, что именно представители «семьи» помешали ему занять место в Постоянном комитете Политбюро. Что это — слухи, дезинформация или «внутривидовая борьба» за лидерство на правом фланге политического спектра? Второе вполне возможно, так как Ван Ян стал слишком популярен в Гуандуне и даже считается самым либеральным политиком из Китая в США. Теперь «аньхоец» и «комсомолец» Ван Ян прочно ассоциируется с либеральной моделью развития, называемой Гуандунской моделью, а также контролирует вопросы взаимных инвестиций Китая и США — ключевой сектор интересов клана Е.

Конфликт «мэйчжоусцев Е» с Ван Яном и с центром одновременно мог быть и фактором Гонконгских событий 2014 года: Гонконгская федерация студентов — это неизменный союзник китайского комсомола, а ключевую роль в стачках играл Джошуа Вонг, студент Китайского университета Гонконга — учреждения, также крайне близкого китайскому комсомолу. Сейчас конфликт затих, а сын Ван Яна породнился с дочкой Чжан Айпина — генерала Нанкинского военного округа, то есть ключевого игрока «Шанхайского региона». Похоже, это ничья. Или ожидание нового раунда борьбы за «правый сектор» политического поля в Китае?

Участие Е Чжунхао, сына Е Сюаньнина, в Гуандунском комсомоле, а также приписывание арестованному Вань Цинляну «комсомольских» связей также можно объяснить завуалированной, но интенсивной борьбой за первенство между кланом Е и «комсомольцами» в набирающем, судя по всему, популярность либеральном секторе политики в провинции.

«Федеральный уровень»

Сами многочисленные дети маршала Е уже давно не занимаются региональной политикой, черпая кадры для неё в своём родном районе — Мэйчжоу. Все они — фигуры «федерального» масштаба.

Уже упомянутый Е Сюаньпин с поста заместителя главы Гуандуна вырос до заместителя главы китайской «общественной палаты» НПКСК в Пекине, откуда направился на пенсию в качестве председателя общества изучения Синьхайской революции (1911), которая привела хакка Сунь Ятсена на пост первого избранного президента Китайской республики (со столицей в Гуанчжоу). Сунь Ятсен и Синьхайская революция крайне важны для политики Южного Китая, когда-то на Тяньаньмэни висели два портрета — Мао Цзэдуна, с севера смотрящего на юг, и Сунь Ятсена, с юга смотрящего на север. В 2014 году портрет Сунь Ятсена с площади убрали. Что произвело эффект, сопоставимый с исчезновением звёзд с кремлёвских башен или одного портрета из кабинета российских чиновников.

Е Сюаньнин

Про второго из четырёх сыновей Е Цзяньина — Е Сюаньнина — ходят легенды. Сын от второго брака маршала, которых, кстати, у него было целых шесть, — уникальное сочетание «революционной» и аристократической крови. Мать Е Сюаньнина — родственница знаменитого военачальника династии Цин Цзэн Гофаня, который прославился тем, что разгромил восстание тайпинов, угрожавших самому существованию династии.

Фигура Цзэн Гофаня — одна из самых противоречивых фигур предреволюционной истории: пытаюсь спасти стабильность гибнущей империи, один из немногих титулованных китайцев в маньчжурской династии, он подавлял крестьянские восстания, но в то же время пытался создавать армию нового типа, проводить реформы, а его дети чуть ли не

первыми в династии Цин выучили английский язык.

Е Сюаньнин — сплав революционеров-хакка и тех, кто фактически с ними боролся. В этом качестве у Е Сюаньнина куда больше прав и возможностей стать символом красной элиты монархического типа, чем у Цзян Цзэминя, о котором говорят, что на самом деле он был сыном чиновника в оккупированном японцами Шанхае. Здесь биография сына может сравниться только с биографией отца: Е Цзяньин — один из немногих революционеров, который имел непосредственное отношение ко всем вождям Нового Китая. Он начал в личной охране Сунь Ятсена, помог встать у руля власти Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину, фактически привёл к власти «демократического премьера» Чжао Цзыяна.

На этом список протеже клана Е не заканчивается. Утверждается, что именно влиятельный в Гуандуне маршал Е назначил опального во время «культурной революции» отца нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина — Си Чжунсюня — губернатором Гуандуна, без которого, очевидно, не состоялась бы карьера его сына. Таким образом, клан Е и лично маршал Е имели отношение ко всем высшим назначениям в Новом Китае. Неудивительно, что именно представители этого клана претендуют на высшее духовное, и не только, лидерство в стране.

Родившийся в 1938 году в Гонконге Е Сюаньнин получил техническое образование по специальности «радиодело» в Пекине и «прозябал» в неизвестности вплоть до самого окончания «культурной революции» (1976), когда не только получил должность в секретариате по делам зарубежных китайцев, но и практически стремительно вырос до заместителя главы Общества зарубежных дружественных связей, одновременно вступив в ряды китайской армии.

С 1990 года Е Сюаньнин укреплял дружбу между Китаем и другими народами уже в качестве главы Управления связи Генштаба НОАК, которое считается одной из особых разведслужб китайской армии. В 1993 году генерал-майор Е Сюаньнин совмещает службу с постом генерального директора госкомпании «Кайли», а в 1997 году, одновременно с потерей власти клана Е в Гуандуне, выходит в отставку.

С тех пор о Е Сюаньнине, которого в отдельных таблоидах называют и союзником Си Цзиньпина, и борцом с Цзян Цзэмином, а также человеком, перебросившим 3 тысячи представителей китайской красной элиты в США, не слышно ничего целых 20 лет. Второй этап «безмолвия» второго сына маршала Е прерывается неожиданной выставкой его каллиграфии в 2015 году.

Любителя каллиграфии, работы которого в апреле 2015 года вдруг

стали выставляться в Музее изобразительных искусств Гуанчжоу и получили какой-то несопоставимый с творчеством резонанс в китайском Интернете, называют «духовным лидером» группы «принцев», образовавшим союз против «шанхайца» Цзян Цзэминя летом этого года.

Поэт в Китае — больше, чем поэт. Как правило, это всегда крупный чиновник — так повелось ещё с легендарного первого императора Фу Си, который разглядел странные письмена на панцире черепахи и создал китайскую письменность. Стихи писали и Мао Цзэдун, и Е Тин, и Е Цзяньин. Чиновники всегда были поэтами, а их каллиграфия увенчивает памятные стелы, главные здания университетов и других мест. Через движение кисти передаётся внутренняя динамика правителя, его связь с мистическим — высшей силой, которая даётся ему для управления людьми.

Выставка 2015 года стала массово обсуждаемым событием в прессе Гуанчжоу. Выставка называлась — «В ясную погоду — вспахиваю землю, в дождливую — учусь», что на глубоком языке значило простое: «Всему своё время, и когда обстоятельства благоприятны, можно заняться работой, а когда нет, то можно поучиться и занять выжидательную позицию». Культурное событие было приурочено к 28 апреля — 118-му дню рождения Е Цзяньина.

Выставка каллиграфии, которую называли образцом «культуры хакка», обсуждалась и через месяц, и после; к рецензии подключили критиков самого высшего звена. Ван Шиго, глава Общества ценителей каллиграфии провинции Гуандун, в своей статье многократно повторил сочетание «упражняться в каллиграфии», что можно прочесть и как «иероглифы Си» (Цзиньпина), назвал культуру хакка выше рек и морей («река» — фамилия Цзян Цзэминя), назвал хакка «вторыми правителями» Гуандуна и совершил массу культурологических пируэтов в сторону власти, даже сам назвал себя «хакка», оставив на «десерт» читателям высказывание, что хакка — это почти «коллективное бессознательное» «северного ответвления» искусства (читается так же, как и «северная группировка» «бэй-пай»).

На удивление, комментаторы каллиграфии в Интернете говорили вовсе не о поэзии и не о высоком искусстве, а заявляли примерно следующее: «Это один из зачинателей борьбы с коррупцией и помощников в этом деле» (739 лайков), «Уважение и почёт маршалу Е», «Семейство Е — основа Гуандуна» — и так далее. Не будем забывать, какой шум и кривотолки вызвала попытка убрать камень с «письменами» Цзян Цзэминя в одном из университетов Шанхая за некоторое время до выставки Е

Сюаньнина.

Выставка каллиграфии Е Сюаньнина — событие знаковое. Она стала сигналом о начале политической активности семьи Е, которая была усилена уже упомянутым заявлением о борьбе с коррупцией от Чэнь Вэйлань — дочери равного Е Цзяньину «бессмертного члена компартии» Чэнь Юня.

Статья главы общества каллиграфов Гуандуна совпала по времени с заявлениями ЦК о борьбе с коррупцией и группировками в самых высших эшелонах власти в конце июля 2015 года. Уже 10 августа в «Жэньминь жибао» появилась статья о партийных кадрах, ушедших на пенсию, но не желающих уходить из политики. Через два дня после этого в портовых воротах Пекина — Тяньцзине — прогремели напугавшие всю страну взрывы, грозившие поднять в воздух 700 тонн цианида и унести их в сторону столицы прямо во время проведения в ней Всемирных игр по лёгкой атлетике.

На фоне ареста бывшего мэра Мэйчжоу 22 августа 2015 года в Гуанчжоу прошла ещё одна презентация — на этот раз поэтического сборника бывшего губернатора Гуандуна, бывшего мэра Мэйчжоу Хуан Хуахуа. Памятные надписи на сборнике «Гимн родине» («Гимн рекам и горам») сделал в том числе и Е Сюаньпин (брат Е Сюаньнина). Книга, как и выставка, направлена на демонстрацию силы землячества хакка из Мэйчжоу и их особой роли в Гуандуне.

Создатели «партии „принцев“»

Различные слухи, которые не найдут документального подтверждения до смены политической эпохи, приписывают Е Сюаньнину и его шурина Чжоу Цзяхуа создание из детей бывших руководителей партии и армии группы «принцев». Чжоу, муж сестры Е Сюаньнина Е Чумэй, в своё время был вице-премьером правительства Китая и, хотя и родился в Шанхае, вёл своё происхождение из района, близкого к Мэйчжоу.

«Мы — духовные лидеры этого поколения», — говорит уже упомянутая дочь «бессмертного партийца» Чэнь Юня Чэнь Вэйлань. Однако сын Дэн Сяопина Дэн Пуфан указывает на лидера этой группы: «Если сравнивать меня и Сюаньнина, я буду на земле, он — на небе».

Как утверждают многие, «сырковая база» «принцев», в том числе и

клана Е, начала создаваться во время «конверсии» военных предприятий. Третий сын Е Цзяньина, Е Сюаньянь, возглавляет несколько компаний в Южном Китае, которые занимаются практически всем — от медицинского оборудования до зелёных технологий. Третий сын маршала также является главой компании «Кайли» дочерней оборонной корпорации «Баоли» (Poly Group).

Е Минцзы

Его дочь, дизайнер Е Минцзы, — супруга американского инвестиционного банкира Джонатана Морка, который ведёт успешный бизнес с Китаем. Любопытно, что их свадебная церемония проходила в императорском храме в Пекине. Е Минцзы принадлежит студия Studio Regal в Пекине. Здесь же, к слову, живёт и внук Е Сюаньнина Е Фэйюй, владелец ряда пекинских клубов и автокомпаний.

В отличие от ранних внуков «революционного маршала», Е Минцзы была крайне удивлена, что на обычных рейсах летает так много людей, ведь она привыкла, что во время её детства её семью возили специальными рейсами, где на борту находились всего несколько человек.

Другая внучка Е Цзяньина — Е Цзинцзы — владеет компанией Brilliant Culture в Гонконге, которая специализируется на организации крупных культурных мероприятий, например выставках тибетских культурных ценностей. Е Цзинцзы замужем за сыном бывшего высокопоставленного чиновника Ван Чжэня — Ван Цзиняном. Ван Чжэнь, так же как и Е Сюаньянь, имеет прямое отношение к оборонной корпорации «Баоли», в последнее время ставшей известной по одноимённому аукциону предметов живописи, на которых рекорды ставят бывшие армейские художники, рисующие сцены из повседневной жизни стран Шёлкового пути.

Ещё одна дочь Е Сюаньяня — Е Цинцин — стала звездой популярного в Поднебесной телешоу «Голос Китая».

Все дочери Е Сюаньяня учились в США.

Особого внимания заслуживает Е Чжунхао (1983) — сын бывшего губернатора Гуандуна Е Сюаньпина. В 2010 году он был назначен заместителем главы управления по реформам и развитию города Юньфу, в 2012 году — главой комсомола удалённой от центра провинции гористой

местности. В августе 2014 года стал главой района высокотехнологического развития Юньфу. Горные районы, в том числе и Юньфу, всё больше в тренде развития провинции: всё больше центральных корпораций под давлением властей переносят сюда свои производства, перераспределяя бюджеты в пользу менее развитых районов провинции. Е Чжунхао — единственный из всей семьи Е, кто пошёл по пути работы в госаппарате, не считая ещё одного, не упомянутого внука маршала, о котором речь пойдёт ниже.

Дай Цин — либеральный журналист из клана Е

В военно-партийном клане есть и особенные случаи. Приёмная дочь Е Цзяньина, дочь его погибшего во время войны брата, Дай Цин — одна из самых известных в Китае и на Западе либеральных журналистов. Выйдя из рядов представителей армейской печати, где она успела побывать на участках фронта войны со Вьетнамом, Дай Цин стала единственной из «принцев», кто принял участие в событиях на площади Тяньаньмэнь, и поддержала знаменитых диссидентов.

Дай — также и известный борец за экологию. Вопреки логике, однако, она боролась не за чистое небо и воду тогда ещё очень загрязнённого промышленностью Гуандуна, а за чистую воду уже многократно упомянутой провинции Хубэй, чьи ставленники проявляют особую активность в Гуандуне. Практически делом всей её жизни стала попытка остановить или затормозить строительство крупнейшего гидроузла Санься в среднем течении Янцзы. Дай явила собой чудо свободы слова, оказавшись единственным журналистом, допущенным в своё время для обсуждения этого проекта в правительство Китая.

Связано ли это с тем, что Гуандунская корпорация ядерной энергии, контроль над которой осуществлялся хакка Южного Китая, не стала экспортировать электроэнергию в район пояса реки Янцзы, — не ясно.

Таланты семьи

Кроме дизайнеров, любителей тибетской культуры и журналистов, в клане Е присутствуют и другие таланты.

Дочь маршала Е Сянчжэнь (1941) стала одним из первых в стране режиссёром детективной истории *Savage Land* («Дикие поля», по-китайски звучит как «Юань Е»), которая удостоилась премии на Венецианском кинофестивале. Однако в Китае достаточно откровенный для страны, которая пережила «культурную революцию», фильм по ряду соображений показали лишь в 1988 году. Больше Е Сянчжэнь фильмов не снимала, однако стала заместителем директора Пекинской киностудии, а также, что немаловажно, заместителем главы Международного общества Конфуция и Китайского общества изучения Конфуция — ещё одна важная позиция в «духовном лидерстве» над страной. Почётным председателем этой ассоциации является её дядя Е Сюаньпин, а также покойный глава Сингапура Ли Куан Ю. Дочь маршала стала своеобразным голосом семьи — практически только она появляется на экранах телевизоров, если требуется внести ясность в отдельные эпизоды из биографии маршала.

Е Сянчжэнь пережила «культурную революцию» в тюремной камере и даже после освобождения не смогла сразу оправиться от перенесённой психологической травмы. Её заключение связывают с личностью главы «шанхайской» «банды четырёх» — женой Мао Цзэдуна, шанхайской актрисой Цзян Цин. Через пять лет после освобождения дочери 82-летний маршал Е Цзяньин будет арестовывать Цзян Цин лично. Глубокая вражда между «шанхайцами» и «мэйчжоусцами» носит практически характер кровной мести.

В клане Е популярны псевдонимы. Видимо, это влияние революционного подполья, которое прошёл Е Цзяньин. Псевдоним Е Сянчжэнь — Линцзы («крупинка града»), а Е Сюаньпина — Юэ Фэн, с этим именем, он, кстати, избирался в госорганы страны (ещё одна особенность политической жизни Китая). Это имя созвучно с сочетанием «Стиль Юэ» — стиль древнего государства Южного Китая.

Приёмный сын корпорации

Кроме приёмной дочери Дай Цин, у Е Цзяньина есть и приёмный сын — Е Сюаньцзи. Иероглиф «Сюань» означает «выбирать». Согласно пояснению Е Сянчжэнь, отец называл своих сыновей в соответствии с

жизненным путём для каждого из них, а также для всего китайского народа. «Сюаньпин» означает «выбирать мир», «Сюаньнин» — «выбирать спокойствие», «Сюаньцзи» — «выбирать основу» или «главное». Сама фамилия Е, которая на языке хакка звучит как «Йап», а на кантонском — «Йип», означает «лист дерева» и имеет крайне приятное для земледельческой культуры Китая значение.

Основой финансового благополучия клана «Листьевых» служат зарегистрированные в Гонконге корпорации, в частности Guo Ye (игра слов: «Государственное дело», «Государство Е»), Е Сюаньцзи также является главой гонконгской корпорации Чжунсинь — дочерней компании корпоративной империи «Чжунсинь», основанной ещё Дэн Сяопином для расширения китайского влияния за рубежом. Теперь «Чжунсинь» — это символ китайского госкорпоративного влияния по всему миру, от Африки до Америки.

Главная сила семьи Е до сих пор — вовсе не участие в капитале крупных корпораций, и не контроль над политикой Гуандуна, и даже не «духовное лидерство» среди «принцев», а скорее всего, особая способность к пониманию и выработке дальнейшей стратегии развития Китая.

И если клан Е действительно возглавил приписываемый ему союз против «шанхайца» Цзяна, то это может говорить не только о серьёзных проблемах «шанхайской группы» в центральных ведомствах и своей шанхайской вотчине, но и о смене вектора внешней политики Китая, а также его финансовой активности за рубежом.

Поджечь Южно-Китайское море — русская стратегия клана Е

Ни для кого уже не секрет, что приход к власти Си Цзиньпина развернул политику Китая в Южно-Китайском море на 180 градусов. «Мягкая сила» «комсомольца» Ху Цзиньтао была «сдана в архив», на её место пришло открытое противостояние с местными державами и даже провокации в отношении США.

Если Южный Китай — это локомотив экономического развития Китая с его огромными экспортными мощностями и особой административной зоной Гонконг, чей товарооборот уже превзошёл весь российский, то Южно-Китайское море — это по сути «Средиземное море Азии»: именно

через него проходят все транспортные потоки из Восточной Азии в Южную и Западную Азию, из Азии в Европу и обратно. Контроль над морем не только гарантирует первенство в Восточной Азии, но и служит первой ступенькой на пути к контролю всего Евразийского континента. Не зря уже на протяжении около 10 лет растут военные бюджеты всех стран региона, а в битву за регион готовы ввязаться не только Китай и Япония, но даже Австралия, Индия и США.

Однако за год до прихода к власти Си, когда он уже занял далеко не символическое место заместителя главы Центрального военного совета КНР, в официальных СМИ Китая появились статьи, призывающие провести серию малых войн, избежав большой в Южно-Китайском море. Дальнейшее описание причин и бенефициаров данной политики является лишь гипотезой автора и более похоже на детективную историю.

В 2011 году в издании китайских ястребов «Хуаньцзюй шибао» появилась статья, написанная под псевдонимом Лун Тао, одного из аналитиков малоизвестного комитета Фонда «Китайская энергия» — «Отличная возможность применить силу в Южно-Китайском море».

Суть статьи сводится к тому, что в Южно-Китайском море расположено более тысячи платформ по добычи нефти и газа, но ни одна из них не принадлежит Китаю. В случае реализации стратегии «серии малых войн вместо одной большой» Китай, в отличие от других стран, избежит потерь, а ущерб понесут международные корпорации, которые не имеют отношения к Поднебесной, ограбленной так же, как и при неравноправных договорах в XIX веке. Война должна быть «рациональной, выгодной, сегментированной». Для победы нужно лишь «заблокировать» Вьетнам и Филиппины, при этом не стоит смотреть на опыт войн США, а ориентироваться на опыт России, «которая быстро стабилизировала ситуацию в регионе Каспийского моря в 2008 году».

Эти заявления фактически предварили будущий лозунг Си Цзиньпина о необходимости готовить армию к ведению победоносных войн. Псевдоним автора — Лун Тао — это название одной из глав китайского военного трактата «Шесть военных хитростей», который посвящён особой роли в организации войск полководцев и офицерских кадров. Лун Тао — «драконья хитрость».

Через некоторое время, в 2012 году, по поводу стратегии Китая в Южно-Китайском море на страницах «Хуаньцзюй шибао» разгорелась настоящая дискуссия: бывший посол Китая при ООН, самый известный сторонник мирной политики Китая У Цзяньмин, уроженец города Нанкина, что неподалёку от Шанхая, объявил подобные статьи

«близоруким национализмом», игнорирующим интересы международных корпораций. Многих китайцев потрясла смерть известного дипломата и идеолога мирного решения вопроса Южно-Китайского моря в результате автокатастрофы в 2016 году.

В ответ на заявления «миротворца» фонд «Китайская энергия» призвал бывшего посла «проснуться от галлюцинаций Химерики» — вымышленного государства США и Китая. Теперь от лица фонда говорил не «анонимный дракон», а полковник Университета Министерства обороны Дай Сюй, который на протяжении уже многих лет доказывает в своих исследованиях неизбежность войны в ближайшие 10–20 лет.

Информация о фонде крайне скудна. Известно лишь, что в состав его экспертов входит Мао Юйши, известный своим разоблачением преступлений эпохи «культурной революции» (вспомним, кто является её главным разоблачителем), а из источников финансирования известна не менее загадочная компания «Хуасинь», чей годовой оборот составляет 30 млрд юаней, что составляет примерно одну четверть оборота «Чайна Петролеум».

Нефтяная компания тут упомянута не случайно: главная задача «Хуасинь» («Вера Китая») — это охрана стратегических интересов Китая в энергетическом секторе. Генеральный директор столь успешного и малоизвестного гиганта — 37-летний... Е Цзяньмин. Информации о предпринимателе, чьё имя так созвучно с именем маршала Е Цзяньин, а возраст столь юн для руководства столь крупной корпорации, в Сети крайне мало.

Е Цзяньмин родился 5 июня 1977 года в провинции Фуцзянь, хотя корнями молодой предприниматель из Гонконга. В данный момент он не только возглавляет компанию «Хуасинь нэньюань», одноимённый фонд, а также исследовательский институт при фонде, но и Институт китайской культуры, Шанхайский институт исследования проблем безопасности в энергетике, благотворительный фонд «Хуасинь». Не забывает Е Цзяньмин и о международных контактах, являясь советником чешского президента по экономическим вопросам. А 7 сентября 2015 года Е Цзяньмин стал особым советником Ассоциации Морского Шёлкового пути.

Основав компанию 10 лет назад (по другим данным компания основана в 1980 году, когда Е было всего три года), в возрасте 27 лет, однофамилец маршала, весьма похожий на него внешне, как указывает официальная биография, «набираясь опыта и закаляясь в трудностях», привёл компанию к обороту в 22 млрд юаней в 2014 году, введя её в список 500 сильнейших компаний Китая. Более того, это компания номер два в

списке 100 самых крупных компаний Шанхая. Скупые данные не сообщают, ни какой университет оканчивал «стартапер» в нефтяном секторе, ни предыдущих мест работы, однако весьма полно описывают его трепетное отношение к проекту «Один пояс — один путь», то есть Экономическому поясу Шёлкового пути, личной инициативе Си Цзиньпина.

Политическая активность Е Цзяньмина, который занимает ведущие позиции в ряде сообществ энергетической безопасности, растёт день ото дня: сегодня можно утверждать, что «молодой миллиардер» стал одной из важнейших неформальных фигур в деле реализации инициатив Китая в рамках Шёлкового пути: советник президента Чехии с июня по август 2016 года провёл встречи с лидерами Грузии, Болгарии, Сербии и, что не менее интересно, встречу с лидером Турции Эрдоганом ровно за пять дней до попытки военного переворота в стране. ^[29]

На данный момент с кланом Е в Юго-Восточной Азии может сравниться только клан Ли Куан Ю основателя государства Сингапур, который также родился в уже небезызвестном читателю городе Мэйчжоу, а также конкурирующий с кланом Е соседний клан выходцев из гуандунского Чаочжоу, самой заметной фигурой которого является миллиардер Ли Кашин.

Тем не менее в последнее время среди ведущих фигур южнокитайских кланов стали происходить частые трагические события: после продолжительной болезни в июле 2016 года в Гуанчжоу скончался генерал Е Сюаньнин, за полгода до этого, в декабре 2015 года, скончался Е Сюаньцзи, глава корпорации Guo Ye, что сделало ещё молодого Е Цзяньмина почти самым главным лицом мощной южнокитайской семейной корпорации, если гипотеза о родственных связях «молодого миллиардера» без прошлого и маршала Е верна.

Смерть Ли Куан Ю в 2015 году также стала одним из важнейших факторов, провоцирующих более активный передел власти в регионе Юго-Восточной Азии, начавшийся ещё с отставки хакка по происхождению, премьера Йинглак Чиннават. Баланс в пошатнувшейся системе контроля хакка над всей Юго-Восточной Азией, возможно, сможет восстановить появление первой женщины президента в китайском мире, хакка по национальности, Цай Инвэнь.

Полководец войны Ли Цзочэн: от командира «ударной роты» до главнокомандующего ударных сухопутных сил [\[30\]](#)

События военной жизни Китая развиваются стремительно: вслед за началом крупнейшей военной реформы со времён Мао Цзэдуна, преобразованием военных округов объявлено о появлении трёх новых структурных единиц китайской армии, названия которых носят для сторонних наблюдателей туманный характер. Одной из таких структур стало Главное командование сухопутных войск (ГКСВ), которому, согласно официальным источникам, подчинена самая крупная в НОАК группировка из 1,6 млн военнослужащих. ГКСВ входит в новую триаду сил вместе с Ракетными войсками и Войсками стратегической поддержки и должно стать наиболее активной частью военных операций, в которых, согласно заявлениям Си Цзиньпина, Китай должен быть способен «вести победоносные войны».

Командующим ударных сухопутных сил, «идеально подходящим на эту роль», назначен одноклассник Си Цзиньпина — Ли Цзочэн, родившийся в год Змеи (1953).

Прямой, неуживчивый характер командира «ударной роты»

Личная преданность — что может быть важнее в командующем силы, способной смести любого внешнего и, что гораздо значимее, внутреннего врага, в переломный период китайской истории, когда КНР достигла невиданных высот, а борьба за власть достигла максимального накала?

Ли Цзочэн — самый известный герой самой крупной войны Китая за последние 30 лет, войны с горным Вьетнамом. За особые боевые заслуги роту Ли Цзочэна стали называть «ударной» или, дословно, «кинжальной», то есть участвующей в выполнении задач прорыва фронта. В течение 26 дней боёв рота уничтожила 294 солдата и офицеров противника. За

выдающиеся заслуги «герой войны», 28-летний Ли Цзочэн, стал участником поворотного в китайской истории 12-го съезда КПК (1982), который окончательно осудил шанхайскую «банду четырёх» и открыл в Китае новую эру госкапитализма и экспортной модели экономики.

Главную роль в этом съезде играла «тень» Дэн Сяопина — южнокитайский маршал Е Цзяньин, лично уничтожавший шанхайскую «банду четырёх» и ставший идеологом расцвета экспортной экономики Южного Китая и превращения военных корпораций в собственность красной аристократии — детей красной элиты страны. Период после 12-го съезда, с 1982 по 1994 год, был временем безраздельного контроля страны со стороны хакка Гуандуна и Сычуани.

Для Ли Цзочэна, чьё имя Цзочэн можно перевести как «делать до конца» или «доводить до совершенства», этот период был непрекращающимся карьерным ростом: находившийся на бывшей фронтовой линии Ли в апреле 1998 года был назначен командующим 41-й группы армии, прикрывающей границу с Вьетнамом, расквартированной в гуансийском городе Лючжоу (Южный Китай).

Однако военная карьера перспективного генерал-майора (1997) оборвалась на долгие 12 лет. Согласно одному из слухов, ожидающий повышения до замкомандующего Ланьчжоуским военным округом (нынешний регион экономического пояса [Шёлкового пути](#)) или должности помощника главнокомандующего вооружёнными силами, Ли, обладатель прямого и неуживчивого характера, бросил вызов самому Цзян Цзэминю, тогдашнему генсеку, чьи полномочия подходили к концу, а контроль за армией оставался гарантией неприкосновенности «шанхайской команды».

Убравший из здания командования 41-й армии «Пять фраз» — лозунги Цзян Цзэминя, своенравный Ли Цзочэн не получил очередного звания генерал-лейтенанта и был перемещён лишь на должность в родном Гуанчжоуском военном округе, где занял позицию замглавы штаба. Это было повышение в рамках своей группы, которая, однако, проиграла в конце 1990-х борьбу за власть.

Молчаливые союзники из Сычуани

Следующее повышение Ли Цзочэн получил только через 12 лет, весной 2009 года, сразу после того, как Си Цзиньпин занял пост

зампредседателя КНР, что означало появление в стране преемника на главный пост будущего генсека.

Новое звание генерал-лейтенанта было присвоено Ли Цзочэну после перемещения последнего на жизненно важный для группы Си Цзиньпина пост — замглавы Чэндуского военного округа (2008), в который входила провинция Сычуань и Чунцин, подконтрольная партийным кадрам основных конкурентов Си — «красного мэра» Чунцина Бо Силая и его протеже из неармейских спецслужб, члена Политбюро Чжоу Юнкана.

Сычуань, которая не раз играла ключевую роль последнего аргумента во внутривластной борьбе ещё со времён милитаристов и Национального правительства, и в этот раз стала последней, решительной гирей, которая перевесила внутривластный баланс в пользу Си Цзиньпина.

Все партийные кадры Сычуани — и бывший глава обкома провинции Чжоу Юнкан, и глава горкома Чунцина Бо Силай — были «варягами»: Чжоу — уроженец города Уси провинции Цзянсу (Шанхайский регион), а Бо Силай — сын северокитайского политика Бо Ибо, пекинский баловень, разыгравший инфантильный спектакль новой «Культурной революции». Сычуаньские политики, надолго выведенные из игры поражением Ян Шанкуня в 1993 году, уступившего пост Цзян Цзэминю, вынуждены были терпеть эксперименты Бо Силая по раскулачиванию предпринимателей и заигрывание с местными ОПГ и британскими спецслужбами.

Ли Цзочэн также не был для сычуаньцев своим — уроженец хунаньского города Аньхуа, однако, имел достаточный авторитет и связи с южнокитайскими хакка, чтобы в 2008 году занять позицию коренного сычуаньца Мэн Цзиньси на посту замкомандующего Чэндуским военным округом, а в 2013 году стать главной Чэндуского ВО, заменив на этом посту другого коренного сычуаньца и участника вьетнамской войны Ли Шимина. Так Ли Цзочэн смог правильно инвестировать собственный авторитет, став связным между группой Си Цзиньпина и сычуаньскими военными, молчаливо наблюдавшими расправу с популистским мэром и его куратором из силовых ведомств Китая.

Будущий главком Ли Цзочэн, сохранивший верность своему клану, восстановил связь между южнокитайской и сычуаньской группировкой и в момент решительного противостояния группы Си Цзиньпина и Бо Силая «недеянием» 13-й армии предрешил исход политической борьбы, точнее, её первого этапа — борьбы группы Чжоу Юнкана и Бо Силая, одной из самых сильных опор «шанхайской группы» в партии, которая мешает новому лидеру на его пути к абсолютной власти.

«Вооружённый нейтралитет»

10 ноября 2011 года. Год до 18-го съезда. Генсек Ху Цзиньтао находится на саммите АСЕАН на Гавайях. В это время в районе Чунцина собирается всё высшее руководство Сычуаньского региона и Чэндуского военного округа. Здесь проводится внезапная отработка мобилизации войск. Среди присутствующих Бо Силай — глава горкома Чунцина, министр обороны КЦУ уроженец Сычуани Лян Голе, командующий Чэндуским ВО Ли Шимин, политкомиссар округа Тянь Сюсы, замполиткомиссара Лю Чжанъинь, глава штаба округа Ай Хушэн, командующий Тибетским округом Ян Цзиньшань, губернатор провинции Сычуань Цзян Цзюфэн, губернатор провинции Гуйчжоу Чжао Кэчжи, мэр Чунцина Хуан Цифань, исполняющий обязанности губернатора Юньнань Ли Цзихэн. Единственный, кто не принял участия в учениях замкомандующего ЧВО, — Ли Цзочэн.

Интересна судьба участников встречи на Янцзы, там, где спустя три года появится Си Цзиньпин и в расположении 13-й армии объявит о «новой революции». Главный политический конкурент, мэр Чунцина Бо Силай уволен, исключён из партии, отбывает пожизненное заключение. Министр обороны Лян Голе, с 1999 по 2002 год командовавший Нанкинским ВО (Шанхайский регион), с марта 2013-го — в отставке, о дальнейшей судьбе данных нет. В июле 2015 года военной газетой ЧВО «Силу» Лян Голе назван одним из трёх крупных командиров ЧВО наряду с Го Босюном и Сюй Цайхоу — последние двое были арестованы в рамках чисток. Ли Шимин — в отставке. Комиссар Тянь Юйсы повышен до секретаря партийной группы ВВС НОАК, однако в августе 2015 года потерял должность, перешёл на работу депутатом ВСНП. Лю Чжанъин в 2012 году переведён на работу замполиткомиссара в Гуанчжоуский ВО, далее назначен инспектором дисциплины по Гуанчжоускому военному округу. Глава штаба Ай Хушэн — депутат ВСНП с конца 2014 года. Ян Цзиншань — с октября

2014 года под следствием. Губернатор Сычуани Цзян Цзюфэн, уроженец провинции Чжэцзян (Шанхайский регион), половину жизни проработавший в Сычуани, с марта 2013 года — депутат ВСНП. Его преемник на посту губернатора Сычуани Вэй Хун с января 2016 года арестован.

Только у двоих участников встречи 11 ноября 2011 года дела пошли в гору. У Чжао Кэчжи, коренного шаньдунца, прошедшего в Шаньдуне большую часть жизни, а ныне занимающего пост секретаря крупной центральной провинции Хэнань,^[31] а также у коренного шанхайца и мэра Чунцина, напарника Бо Силая по исполнительной власти — Хуан Цифаня,^[32] всю жизнь до Чунцина проработавшего в Шанхае, который после 2011 года как будто провалился сквозь землю, а с января 2016 года вдруг стал «кандидатом номер один» на должность секретаря Госсовета — китайского кабинета министров, главного помощника премьера Ли Кэцзяна. Должность эта важная — достаточно сказать, что её 12 лет занимал отец Си Цзиньпина — Си Чжусюнь. По общему мнению, Хуан Цифаня ждала участь «ада проверок» ЦКПД и арест. Однако, как показала практика, и из ада можно вернуться — главное иметь соответствующего крылатого ангела и покаяться в прегрешениях. А единственный военный руководитель, не участвовавший в «мобилизации-2011», Ли Цзочэн стал самым важным человеком в оперативном командовании НОАК.

Да Юй — преемник императора

Как и легендарный Да Юй, новый главком сухопутных сил Ли Цзочэн прославляется в медиа в роли спасателя от наводнений, обрушившихся на Китай в 1998 году. Части 41-й группы армии участвовали в ликвидации последствий затоплений на Янцзы в провинциях Хубэй и Хунань. Свою роль спасателя Ли Цзочэн сыграл и после перемещения на пост замкомандующего Чэндуским ВО — здесь он стал героем спасательных операций во время разрушительного землетрясения в Вэньчуань в 2009 году, в результате которого погибло 70 тысяч человек. Функция спасателя от природных бедствий становится всё более востребованной в Китае, где участились природные и техногенные катастрофы, главную роль в

ликвидации которых играют вооружённые силы и подчинённые вооружённым силам внутренние войска.

Спасательные операции могут также стать и частью внешних операций НОАК — достаточно вспомнить, что первый выход за границы Китая, спустя почти 40 лет после войны со Вьетнамом, произошёл в начале 2015 года, когда спасательные части внутренних войск вошли в соседний с Индией Непал для ликвидации последствий землетрясений. Всё это может повториться вновь, и тогда китайский Суворов может совершить свой неожиданный «кинжальный» бросок через «азиатские Альпы» — Гималаи.

В компании друзей

У нового командующего — 18 армейских группировок в семи отделениях командования сухопутных сил, которые не соответствуют новым военным округам или «боевым зонам». Однако в рамках новой структуры вооружённых сил сохранили свои должности бывшие главы четырёх военных управлений НОАК, поменялись лишь названия этих управлений, а также из-под их контроля выведен ряд департаментов, роль которых была повышена. Этого нельзя сказать о командующих новых военных или боевых зон.

При изучении первых шагов в реформировании китайской армии прежде всего бросается в глаза ликвидация Нанкинского военного округа (НВО), военного аватара Шанхайского региона страны: косвенные свидетельства упразднения уже появляются в прессе, которая заметила новую приставку «бывший» в отношении Нанкинского ВО. Вопреки слухам, его бывший начальник Цай Интин не занял ни одной командной должности в новом списке, опустившись на позицию директора Академии военных наук. Неприятным сигналом является и то, что уже более двух месяцев о бывшем командующем НВО нет новостей.

Внимание наблюдателей привлекает фигура Сюй Фэньлина — «восходящей звезды» НОАК, протеже которого — Го Босюн и Сюй Цайхоу — арестованы в рамках чисток в армии. Сюй занял позиции замначальника Объединённого военного командования ЦВС, переместившись с поста командующего Гуанчжоуского военного округа. Сам военный округ преобразован в военную зону «Юг», командующим которой стал Ван Цзяочэн, 12 лет проведший в Нанкинском военном

округе.

Командующим военной зоны «Запад», образованной на базе Чэндуского военного округа, назначен бывший командующий Цзинаньским военным округом (Шаньдун) Чжао Цзунци, уроженец приграничной с Россией провинции Хэйлунцзян, с большим опытом работы в Чэндуском военном округе — командующим 13-й и 14-й армейскими группами округа. Чжао — разведчик, который работал не только на границе с Индией в Тибетском военном округе, но и на берегу Индийского океана — в Танзании.

В свою очередь пост командующего военной зоной «Восток» занял бывший командующий Ланьчжоуским военным округом коренной шаньдунец Лю Юэцзюнь. В компании шаньдунцев из Ланьчжоуского военного округа и новый политкомиссар сухопутных войск, напарник Ли Цзочэна Лю Лэй, долгое время проработавший в Синьцзяне — на границе с Казахстаном и Россией.

Шаньдунец Сун Пусюань занял позицию командующего войсками зоны «Север», которая соответствует Пекинскому военному округу, прикрывающей Китай с северного фланга.

Новую военную зону «Центр» занял Хань Вэйго, бывший заместитель командующего Пекинским ВО, ранее командовавший бывшим Нанкинским ВО, назначенный на эту позицию при Си Цзиньпине.

Цель — Шэньчжэнь: чем закончится бесконечная война за самый перспективный мегаполис Китая?

В 23:14 тело вице-мэра обнаружила местная полиция. Закончив рабочий день 22 марта 2016 года, Чэнь Инчунь вернулся в свою квартиру и при полном отсутствии свидетелей выпрыгнул из окна многоэтажки. Пресса распространила сообщение о странной гибели не справившегося с душевными муками чиновника. Типичный для «нестандартной смерти» заговор молчания китайских журналистов отличался лишь масштабом события — самоубийца возглавлял крупнейший мегаполис Китая, южнокитайский Шэньчжэнь, экономика которого сравнялась по размеру с экономикой соседнего Гонконга.

Самоубийство вице-мэра произошло на фоне разрастающейся антикоррупционной чистки в масштабах всего Китая: за несколько месяцев до этого «с лошади упали» (так говорят в Китае) вице-мэр Пекина и вице-мэр Шанхая, помимо самого мэра соседнего с Шэньчжэнем Гуанчжоу Вань Цинляна, которого сняли ещё в 2014 году. Тем не менее Шэньчжэнь — 11-миллионный мегаполис на границе с Гонконгом, на месте которого 35 лет назад были лишь рыбацкие деревни, а сегодня центр телекоммуникационных корпораций Китая ZTE, Huawei, Tencent и сотен других — лишился вице-мэра не совсем «обычным способом», не говоря уже о том, что ранее, в октябре 2014 года, другой вице-мэр мегаполиса также попал под следствие, глава Законодательного собрания был снят с этой позиции и не появлялся в новостях уже больше года.

До того бывший первый секретарь горкома города, по сути его глава, Ван Жун, был освобождён с этого поста, однако на новом посту главы НПКС провинции Гуандун (консультативный орган, аналог Общественной палаты РФ) не сохранил позиции в руководстве обкома провинции, а в Китае высокопоставленный чиновник без партийной позиции — это

чиновник в одном шаге от отставки или чего-то более неприятного.

Позицию Ван Жуна занял человек из аэрокосмической отрасли — шаньдунец Ма Синжуэй. Кроме поста главы горкома Шэньчжэня он занял позицию замгубернатора Гуандуна, чей ВВП в 2017 году превысит ВВП России, при этом Ма Синжуэй — выходец из родного города супруги Си Цзиньпина, генерал-майора Пэн Лиюань, а также земляк главного борца с коррупцией Ван Цишаня.

Такая рокировка в кресле первого секретаря Шэньчжэня выглядит ещё более любопытной, если учесть слухи о том, что Ван Жун является племянником супруги «шанхайского» генсека Цзян Цзэминя — Ван Епин, а отстранённый вице-мэр Цзян Цзуньюй, как и Ван Жун, — выходцы из провинции Цзянсу в Шанхайском регионе.

В компании Ван Жуна и Цзян Юйцзуня и нынешний мэр Шэньчжэня — уроженец порта Ляньюнган в провинции Цзянсу, Сюй Цинь. Сегодня у «шанхайцев» в партии значительные трудности, достаточно вспомнить об арестованном всего несколько дней назад замгубернатора провинции Цзянсу-Ли Юньфэне, дело которого связывают с нынешним зампредседателя КНР — «шанхайцем» Ли Юаньчао.

Верхушку стремительно развивающегося мегаполиса лихорадит ещё с предыдущего генсека Ху Цзиньтао: назначенный в 2004 году уроженец Хунани (пояс реки Янцзы) Сюй Цзунхэн продержался на посту главы горкома пять лет и был арестован по редкому в те времена обвинению в коррупции.

На пост хунаньца с берегов Янцзы в 2010 году пришёл уроженец Шанхайского региона Сюй Цинь. До его прихода пост главы горкома и исполняющего обязанности мэра города совмещал его земляк Ван Жун, что не является нормой в китайской политике: обычно административный и партийный пост занимают разные люди, контролирующие действия друг друга, а подчас — представители соперничающих групп.

Новый мэр города Сюй Цинь — фигура нейтральная, своего рода символ консенсуса различных сил: в Шэньчжэнь он попал из центральных структур китайского «Госплана» — подведомственного «комсомольскому» правительству Ли Кэцяна Комитета по реформам и развитию.

Сегодня в Шэньчжэне, который стал воротами во «всекитайский народный офшор» Гонконг, есть за что побороться: город не только занял первую строчку по темпам роста стоимости жилья в мире, но и сохраняет удивительно

мизерный муниципальный долг. В то время как Гуанчжоу, Пекин и Шанхай набрали сотни миллиардов инфраструктурных долгов, долг Шэньчжэня остаётся в десятки раз меньше городов членов клуба «первой линейки» — и причина этого, кажется, лежит на поверхности.

Руководство города практически полностью было оккупировано «шанхайскими» оппонентами предыдущего генсека-комсомольца Ху Цзиньтао. Однако по мере «падения из седла» руководителей высшего звена и не только «поле» постепенно расчищается для самых смелых инициатив по реализации программ городского бюджета общим размером свыше 100 млрд долларов.

Помимо лакомых кусков будущих муниципальных долгов, в городе сохраняются выгодные возможности для роста беспрецедентного по размерам рынка недвижимости, в том числе и после ожидаемой отмены ограничений для инвестирования из соседнего Гонконга.

Комсомольцы-девелоперы из Наньшань

Сектор недвижимости, впрочем, больше всего развивался в быстро растущем районе Наньшань, а также в известном центре жизни экспатов районе Шэкоу, одна из основных девелоперских корпораций которого вошла в десятку компаний с самыми высокими доходами топ-менеджеров. По регулярному для таких случаев совпадению район Наньшань всегда был первой ступенькой карьеры с руководящей должности шэньчжэньского комсомола в вице-мэры южнокитайского мегаполиса.

Сегодня в таких вице-мэрах — бывший комсомольский деятель Линь Цзе, одна из самых высокопоставленных женщин в китайской исполнительной власти.

У Линь Цзе очень сложная биография, как и у многих других китайцев-хакка в политике: и причастность к комсомолу, и к всемирной столице влиятельного в китайской политике субэтнуса хакка городу Мэйчжоу, и учёба в Транспортном университете Шанхая, альма-матер шанхайского генсека Цзян Цзэминя. Такая обильная принадлежность к противоположным группировкам наводит, впрочем, на мысль, что эта

фигура, как и многие хакка, играет сама за себя. Линь Цзе возглавляет также шэньчжэньский Единый фронт — организацию КПК, курирующую другие демократические партии, не вошедшие в её состав и сохранившие реликтовое политическое влияние. Сама организация Единого фронта сегодня курируется другой женщиной — Сунь Чуньлань, уроженкой провинции Ляонин, которая провела в низовых руководящих структурах комсомола около восьми лет во время «культурной революции».

Второй «человек из Наньшань и комсомола» — нынешний вице-мэр и по совместительству глава полиции Шэньчжэня Лю Циншэн. Как и осуждённый в январе 2016 года на 15 лет заместитель управляющего китайского аналога МВД Министерства общественной безопасности Ли Дуншэн, нынешний руководитель полиции Шэньчжэня переместился в полицию из журналистики и пропаганды, прямо из кресла главы шэньчжэньской телевизионной и кинематографической корпорации, сменив острое перо на «цветочные» погоны китайского милиционера.

Ностальгию по родным местам уроженцу северокитайской провинции Хэнань Лю Циншэну помогает пережить назначенный в октябре 2015 года на пост начальника комиссии по проверке дисциплины горкома Шэньчжэня Чжан Цзысин, также уроженец Хэнани. В составе горкома Шэньчжэня и мэр соседнего города Цинюань, также глава комсомола района Наньшань — Чжан Вэнь.

В молодой компании комсомольцев, как считается, верховодит юрист и глава Политико-юридической комиссии КПК по Шэньчжэню, его вице-мэр Ли Хуанань, третий в списках руководства Шэньчжэня после «человека Си» Ма Синжуэй и «аудитора» мэра города Сюй Циня, выходца из Шанхайского региона.

Ли Хуанань — уроженец родного уезда вице-премьера Ван Яна, бывшего губернатора провинции Гуандун, по совместительству второго в иерархии комсомольцев после Ли Кэцяна. Ли Хуанань курирует работу журналиста-полицейского Лю Циншэна и всех силовых структур города.

Пёструю картину из ставленников центральных политических группировок дополняют представители менее влиятельных кланов. Крупнейший океанический порт Яньтянь в Шэньчжэне плотно держат «местные», из примыкающего к нему района провинции Гуандун Хуэйчжоу, которым руководит вице-мэр Люй Жуэйфэн. За чрезвычайные ситуации и контроль над производством отвечает уроженец другого уголка Гуандуна

— военно-морской базы Чжанъцзян, самого бедного района провинции — Чэнь Бяо.

Картину довершает глава военных гарнизонов Шэньчжэня Чжун Чжицзянь — уроженец города Синнин района Мэйчжоу, родины всех представителей клана легендарного маршала Е Цзяньпина. В случае волнений или введения чрезвычайного и военного положения власть в городе плавно перейдёт в его руки.

Однако под контролем комсомольцев, возможно, формальным, находится и новый глава отряда военной полиции, назначенный в январе 2016 году. Военного хакка Чжун Чжицзянь дополняет глава «законодательного собрания» (Совета народных представителей) Шэньчжэня — хакка из района Фэншунь, Цю Хай. Оба получили назначения одновременно, в мае-июне 2015 года. Цю Хай всю жизнь проработал в Гуанчжоу, в комиссии по проверке дисциплины в горкоме партии. С приходом к власти Си Цзиньпина Цю Хай стал главой КПД в Шэньчжэне.

Результат работы Цю Хая на посту главы КПД Шэньчжэня — дело «шанхайского» вице-мэра Цзян Цзунъюя. К слову, предшественник Цю Хая на посту главы Законодательного Собрания Бай Тянь, военный переводчик из Нанкинской академии международных отношений НОАК (Шанхайский регион), после своей отставки в мае 2015 года исчез из СМИ. Хакка из Мэйчжоу восстанавливают своё влияние в городе, который в случае обострения ситуации в Южно-Китайском море может обрести новую, военную функцию.

Сложную операцию смещения Ван Жуна с поста первого секретаря Шэньчжэня в 2015 году предварял арест его земляка — вице-мэра Цзян Цзунъюя в октябре 2014 года, после чего в городе сложился относительный баланс сил. Тем не менее экономические задачи, в том числе и правильное освоение бюджета, необходимо как-то решать, причём в срочном порядке: не предсказать, что случится с китайской экономикой завтра. В этой ситуации единственным «способом кадровых перестановок» становится неконвенциональная борьба, когда чиновники перестают «падать с лошади» и начинают падать с многоэтажек.

Впрочем, выпрыгнувший с балкона элитной шэньчжэньской многоэтажки вице-мэр Чэнь Инчунь не был родом из Шанхайского региона и не состоял в комсомольских ячейках. Чэнь Инчунь, возглавлявший приграничный с Гонконгом район Шэньчжэня Лоху, был уроженцем провинции Хайнань и представителем немногочисленной национальной диаспоры ли. Представителем этой же национальности был бывший глава НПКС Гуандуна, замгубернатора этой провинции, хайнанец Чжу Минго, арестованный в 2015 году. По состоянию на конец 2016 года в кресле Чжу Минго находится Ван Жун, потерявший позицию вице-мэра.

Позицию замгубернатора Чжу Минго занял «человек Си Цзиньпина» в Шэньчжэне, новый первый секретарь Шэньчжэня Ма Синжуэй. На позицию главы НПКС Гуандуна символично назначили снятого с позиции первого секретаря Шэньчжэня «шанхайца» Ван Жуна. Для всех внутренних наблюдателей это очевидный расклад с вполне ожидаемым итогом для некоторых из его участников. Ма Синжуэй, например, может стать губернатором Гуандуна и членом Политбюро, для других участников политической игры исход может быть не таким радужным.

Впрочем, покончивший жизнь самоубийством Чэнь Инчунь мог быть всего лишь жертвой переутомления, общей усталости от жизни, а не слишком много знавшим членом клана диаспоры национальности ли и подручным Чжу Минго, который, в свою очередь, был союзником более крупного клана. Однако об обратном свидетельствуют факты: до выхода на пенсию, которую Чэнь мог провести в родной солнечной провинции Хайнань, оставалось около года. Ещё более странным выглядит то, что смерть чиновника, отвечавшего за финансы города, произошла ночью и без свидетелей.

За последние полгода число «уставших от жизни» чиновников Поднебесной превысило все мыслимые лимиты: «нестандартной смертью» погибли свыше 16 человек. Последний — чиновник из Шэньси Ли Цзяньминь скончавшийся от болезни в 54 года. Случай крайне редкий для сильных духом и бодрых телом бюрократов Срединного государства. Причина смерти в более чем половине случаев — доказанное

самоубийство: прыжок из окна, утопление. Другие чиновники умирали после «обильного застолья». На фоне обостряющейся игры за власть высшие руководители страны всё чаще уходят из жизни вежливо, не оставляя записок и не усложняя и без того сложную ситуацию в своих регионах.

Самоубийство чиновника в Китае — это не только способ уйти от ответственности, но и средство перекладывания её на других, с обвинением и вечным укором своего врага. Кто-то пишет записки своему учреждению, кто-то — в партийную ячейку. А кто-то оставляет символические партийные взносы, например, 500 юаней, и с этими цифрами созвучны китайские слова «я», «ты», «ты», которые можно собрать в полную фразу: «Я, а потом ты и ты — вы все». Акт самоубийства всегда должен привлечь максимальное число зрителей: позор врага должен быть публичным. Поэтому китайские самоубийства происходят в конце рабочего дня.

Китаец не ест один, не пьёт один и не кончает жизнь самоубийством один — в этом он не видит никакого смысла. В Китае самоубийство — это публичная трагедия, которая срывает аплодисменты только при полном зале.

К этой же традиции относятся и акты публичного сожжения буддистских монахов, столь сильно действующие на окружающих. Когда нападение на противника расценивается как потеря собственно лица и достоинства, единственным способом мести остаётся нанесение вреда себе, оставив за обидчиком несмываемый позор.

Тем не менее Чэнь Инчунь выбросился из окна без свидетелей в 23:14, не оставив записки, не коря ни судьбу, ни учреждение, ни партийную ячейку района Лоху. Чэнь Инчунь — не первый вице-мэр города, покончивший самоубийством. В январе 2014 года, выбросившись из окна, покончил с собой Юань Жувэнь, который покинул пост руководителя семь лет назад, при генсеке Ху Цзиньтао, в 2007 году. Когда Си Цзиньпин, будучи исполняющим обязанности губернатора провинции Фуцзянь, получил назначение на пост первого секретаря обкома провинции, Юань Жувэнь был назначен главой крупнейшего порта провинции Сямэнь.

12 июня 2016 года покончила самоубийством молодая начальница отдела по работе с гостайной порта Шэньчжэня — Сяо Бибо, а в августе, не дождавшись очередного назначения, — один из генералов Южного театра боевых действий (бывшего Гуанчжоуского военного округа) Чэнь Цзе.

Без срока давности

Удар по представителям нацменьшинства, прочно утвердившимся в иерархии власти Гуандуна (Чэнь Инчунь, Чжу Минго), свидетельствует о тактике окружения противника и отсечения от него слабых звеньев, коими и являлись малочисленные представители национальных диаспор. Возможно, перемещение ещё одного вице-мэра Шэньчжэня Тан Цзе на позицию главы далёкого Харбинского промышленного университета — шаг из этой же серии.

Кроме упомянутых выше вице-мэров мы не отметили ещё одного представителя Шанхайского региона — У Ихуань, очередную женщину вице-мэра, уроженку провинции Цзянсу Шанхайского региона. У Ихуань занимает позицию замглавы промышленного района Лунган, отвечает за образование, здравоохранение, медицину, и наконец, так же как и вице-председатель КНР Ли Юаньчао, связана с работой в Красном кресте. Дела у вице-мэра дела идут в гору, вплоть до августа 2016 года она активно появлялась на публике.^[33]

Одновременно с активным смещением «шанхайцев» органами ЦКПД в начале 2015 года прокуратура КНР которую возглавляет «шанхаец» Цао Цзяньмин, подняла покрывшиеся пылью папки в отношении вице-мэра Шэньчжэня Ван Цзю, сложившего полномочия целых 15 лет назад — в 2001 году. Ван Цзю сегодня 74 года, но преступления, связанные с коррупцией, похоже, перестали иметь сроки давности и вместе с земляком Си Цзиньпина по провинции Шэньси Ван Цзю под пресс расследования попали ещё свыше 12 старейшин, управлявших южнокитайскими городами более 15 лет назад.

Беспрецедентное в истории КНР рвение демонстрируют органы прокуратуры: Ван Цзю был арестован ещё в 2001 году, после того как у него обнаружилась собственность, не соответствующая уровню его доходов, за что он получил суровый срок — 20 лет лишения свободы. Срок

Ван Цзю, отвечавшего за налоги и финансы в Шэньчжэне, ещё не закончился, однако его дело и дела ещё 12 человек решено пересмотреть.

Параллельно с многочисленными антикоррупционными процессами и самоубийствами руководителей города в Шэньчжэне усложняются отношения между прописанными здесь корпорациями и «комсомольским» главой горкома Сюй Цинь.

Сегодня южнокитайский Шэньчжэнь, символ технологического развития Китая, стоит на трёх корпоративных китах — Huawei, ZTE и Tencent. В середине и конце мая 2016 года город, да и весь Китай, потрясла новость об уходе из мегаполиса Huawei и ZTE. В результате их ухода «китайская силиконовая долина» может не только потерять статус наиболее развитого региона Китая, «похудеть» на несколько процентов ВВП, но и столкнуться с более серьёзными проблемами.

Основным фактором притока новых внутренних инвестиций в «пригород Гонконга» до сегодняшнего дня оставалась уверенность внутренних инвесторов в блестящем будущем молодого технологического мегаполиса: достаточно упомянуть, что цены на недвижимость в Шэньчжэне за 2016 год выросли на 90 %, в то время как Шанхай, Пекин и Гуанчжоу могли похвастаться лишь считаными процентами, не говоря уже о городах второго и третьего ряда, погружающихся в хаос надвигающегося финансового кризиса.

Мэр против Шэньчжэня

Масла в огонь подлили сами официальные власти: мэр города Сюй Цинь, который ранее не возглавлял ни одной муниципальной структуры, а работал в отделе статистики китайского «Госплана» — Комитета по развитию и реформам Госсовета КНР в далёком Пекине, заявил, что горожанам не надо беспокоиться о выводе технологических компаний из города, ведь «в Шэньчжэне траты на высокотехнологичный сектор уже

превысили 40 % ВВП города, что сопоставимо только с экономиками Израиля и Южной Кореи». Мэра, по его словам, больше озаботило развитие обычной экономики, качество жизни горожан и экология — всё то, что, как известно, находится в «китайской силиконовой долине», появившейся на глазах одного поколения, не в лучшем состоянии.

Согласно заявлению Сюй Циня, в самое ближайшее время Шэньчжэнь покинут 15 тысяч предприятий высокотехнологического сектора, что значительно отличается от первоначальных известий об уходе лишь ZTE и Huawei.

Вырвать высокотехнологичное «сердце» из мегаполиса предполагается для переноса источников развития в отсталые районы провинции Гуандун, окружающие центр его развития, — дельту Жемчужной реки (Гуанчжоу — Чжухай — Шэньчжэнь — Макао — Гонконг).

Планы такого переноса разрабатываются правительством ещё с июля 2013 года, когда в городе действовало старое руководство, обновившееся в 2015 году. Согласно планам, предприятия Шэньчжэня будут выводить в горные районы Гуандуна, расположенные в 70-150 км от Шэньчжэня, и хотя речь идёт о Северном, Западном и Восточном Гуандуне, вывод прежде всего будет произведён в Хэюань.

Хэюань — одно из древних поселений китайского субэтнуса хакка — расположен в 150 км от Шэньчжэня. К плюсам Хэюаня можно отнести стоимость аренды земли, которая иногда в десятки раз ниже, чем в Шэньчжэне, где метр площади подскочил за 2016 год с RMB29577 до 56149. Уже сегодня в экологически чистом районе до 60 % предприятий нерезидентов города — из Шэньчжэня. Креативному процессу будет способствовать древняя архитектура, горы и крупнейшее водохранилище Гуандуна — Синьфэнцзян.

Единственным минусом города является недостроенная скоростная железнодорожная ветка до Шэньчжэня, идущая в направлении соседней провинции — города Ханчжоу (Чжэцзян, Шанхайский регион). При условии её появления, а этого ждут

уже с конца 2015 года, доехать до северной части Шэньчжэня можно будет за полчаса, сегодня это два с лишним часа в далеко не самых лучших поездах.

Стоит ли упоминать, что Хэюань — это, пожалуй, единственное место в провинции Гуандун, где происходят землетрясения? В феврале 2013 года здесь произошло землетрясение магнитудой 4,8. Этот факт ставит крест на возможности производить в Хэюане микропроцессоры, требующие нулевой вибрации.

Перенос основной массы производств в Хэюань будет иметь ещё одно последствие: в очередной раз укрепляющийся технологический кластер Гонконг — Шэньчжэнь — Гуанчжоу, грозящий стать крупнейшей в мире моноэтнической агломерацией с преобладанием кантоноязычного субэтноса, будет частично разорван на разрозненные и плохо обеспеченные коммуникациями центры.

Согласно планам ZTE в июле 2016 года должен был начаться перенос производств в высокотехнологическую зону Хэюаня, а к октябрю 2016 года — производственный процесс, и уже в 2017 году ZTE принесёт в экономику «горного городка» 10 млрд юаней ВВП, к 2018 году — 30 млрд юаней. К концу «пятилетки», или к 2022 году, только один ZTE даст Хэюаню («Исток реки») 100 млрд юаней, или свыше 15 млрд долларов по нынешнему курсу.

В городе, надёжно спрятанном горами Линнань от волнений военно-политического кризиса Южно-Китайского моря, ZTE развернёт производство телекоммуникационного оборудования, мобильных устройств. Только лишь центр подготовки разработчиков ZTE займёт площадь 200 гектаров. Стоимость такого переноса оценивается в 10 млрд юаней (чуть меньше 2 млрд долларов).

Как ожидается, ВВП Шэньчжэня, растущий на 7,8 % в год, что гораздо выше среднего показателя по КНР (6,8–6,9 %), в 2016 году перегонит размер экономики Гонконга, которая лишь 25 лет назад составляла пятую часть от всей тогда ещё неразвитой экономики КНР.

Панику внутренних инвесторов, предрекающих «закат Шэньчжэня» и, как следствие, быстрое схлопывание раздувшегося до астрономических размеров пузыря на рынке недвижимости, не смогли остановить заявления мэра Сюй Циня, решившего дать задний ход и сообщившего, что «„Хуавэй“ и ZTE не покинут города». К «флешмобу» «убеги из Шэньчжэня» подключились и западные фирмы: например, о приостановке своих производств в городе заявил недавно британский «Филлипс».

Вопросы стоимости аренды — не последние факторы в решении компаний покинуть город. Например, общая площадь коммерческой недвижимости «Хуавэй» — 6,833 млн м², из которых на гуандунский район Дунгуань приходится одна треть, или 2 млн м², а на Шэньчжэнь — 1,6 млн м².

«Выхода нет»

Китайская пресса охарактеризовала начавшийся процесс эффектом домино, Сеть буквально захлестнули статьи с заголовками: «Не дайте убежать Хуавэй».

Последним ярким аккордом в «технологическом закате Шэньчжэня» стал доклад директора корпорации «Хуавэй» Жэнь Чжэнфэя на заседании правительственных и научных структур по научно-техническим вопросам на высшем уровне, на котором председательствовал премьер Ли Кэцян.

Доклад немало удивило присутствующих. В своей речи Жэнь Чжэнфэй сообщил, что «„Хуавэй“ потерял ориентиры и не видит будущего в развитии».

Доклад напоминает ультиматум правительству, в котором заявляется, что «Хуавэй» значительно перегнал тройку лидеров коммуникационной сферы («Алибаба», «Тенсент», «Байду») по объёмам вложения в разработки, но «не видит никаких перспектив». Никаких перспектив в этой стране — читается между строк в послании. Рассуждения о туманности будущего, пожалуй, остались бы без внимания, если бы они не происходили на фоне паники по «закату Шэньчжэня». На официальном уровне «Хуавэй» отверг «бегство из Шэньчжэня», однако из последнего

письма становится явным достаточно острый конфликт корпорации с местными властями в Шэньчжэне, ведущими достаточно противоречивую политику в отношении мегаполиса и его «градообразующих» предприятий.

«Техника молодёжи»

Свет на внутренний конфликт корпораций и властей Шэньчжэня, явным образом разрушающих Шэньчжэнь в пользу Хэюаня и Дунгуаня, может пролить состав руководства Хэюаня — основного бенефициара «заката Шэньчжэня». Так же, как и Дунгуань в своё время, Хэюань — одна из основных баз «комсомольской» группы в Компартии Китая, которая, судя по всему, проигрывает битву за контроль над Шэньчжэнем ставленникам Си Цзиньпина и пытается перенаправить поток в свои вотчины. Первый секретарь города Хэюань Хэ Чжунъю, уроженец «базы комсомольцев» — провинции Аньхой, откуда родом и бывший губернатор провинции Ван Ян, сам премьер Ли Кэцян, а также третья фигура в руководстве Шэньчжэня — Ли Хуанань. Хэ Чжунъю, как и мэр города, его напарник Пэн Цзяньвэн, были назначены ещё при предыдущем, «комсомольском» генсеке Ху Цзиньтао. Хэ Чжунъю — по совместительству вице-губернатор провинции Гуандун, что весьма странно, так как позиция мэра в относительно неразвитом регионе не соотносится с влиянием чиновника на областном уровне. На позиции замгубернатора провинции Гуандун, а это, если брать отдельно от Китая, 15-я экономика мира, ему составил компанию новый мэр Шэньчжэня и земляк супруги Си Цзиньпина — Ма Синжуэй.^[34]

Если версия о столкновении интересов верна, то «закат Шэньчжэня» приобретает рукотворный, плановый и статистически верный характер. В таком случае его может прекратить только вмешательство внешних сил или обстоятельства непреодолимой силы, которые в английской юридической практике называются God's Will.

Дождавшись восьмого дня
девятой луны,
Как сотни цветов погибнут,

мои расцветут цветы.

Чанъань погрузив во власть
хризантем аромата,
Заполнят столицу
цветов золотые латы.

*Хуан Чао,
лидер крестьянского восстания позднего периода династии Тан*

Вавилов Николай Николаевич (1985) — выпускник Восточного факультета СПбГУ, с 2006 по 2016 год проживал в пяти различных регионах Китая. Сотрудник журнала «Русская Азия», русской редакции информационного агентства «Синьхуа», создатель интернет-издания «Южный Китай». Сотрудник Комитета по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга (с 2016 года). Автор научной работы «Российско-цинские отношения (1644–1911)» (2002).

Эта книга — результат трёхлетней аналитической работы коллектива востоковедов. Она посвящена малоизвестным подробностям управленческой действительности Китая: его внутренней политике, лидерам, основным группировкам и властным кланам, хитросплетениям их взаимоотношений, а также главным векторам государственной стратегии.

Восточный сосед всегда вызывал у России некоторые опасения. Поэтому нам важно знать текущий баланс сил в Поднебесной, степень и характер влияния на него Запада, отношение ведущих китайских игроков к нашей стране. Представленная информация уже доказала свою ценность: прогнозы результатов выборов, напечатанные в первом издании книги в 2016 году, полностью подтвердились.

В чём сила и особенности коммунизма по-китайски? Каковы устремления военной элиты и на что опираются красная аристократия и комсомол? Всё ли так хорошо и прочно в российско-китайских отношениях? С чем связана стойкость мифа о «российской угрозе» внутри Китая? Зачем проводятся антироссийские акции на фоне заявлений о союзе с Россией? Что непременно стоит знать о Си Цзиньпине и китайской политической элите?

Концептуал

УДК 329.8,323.22/27 ББК 66.79(5Кит) В121
Вавилов Н.

Некоронованные короли красного Китая. — М.: Концептуал 2019. - 200 с.

ISBN 978-5-907079-47-2

© Николай Вавилов, 2019

© ООО «Концептуал», 2019

Содержание

Биография нового лидера Китая: Си Цзиньпин

«Шэньсийская группа» в КПК — наследники Цинь Шихуана

Дирижёр партийной чистки Ван Цишань

Партия сказала: надо! Комсомол ответил: нет

На вершине власти: «шанхайская группа» в политике Китая

Клан маршала Е — хозяева Южного Китая

Полководец войны Ли Цзочэн: от командира «ударной роты» до главнокомандующего ударных сухопутных сил

Цель — Шэньчжэнь: чем закончится бесконечная война за самый перспективный мегаполис Китая?

notes

Примечания

1

Первое издание книги было сдано в печать в сентябре 2016 года. В марте 2018 года в Конституцию Китая были внесены изменения, позволяющие Председателю КНР занимать свой пост без ограничения количества сроков.

2

С 1 января 2018 года Вооружённая полиция Китая, которая с 1995 года была подчинена Госсовету КНР (правительство Китая), была переподчинена Центральному военному совету, который возглавляет Си Цзиньпин.

3

В марте 2018 года лозунг о великом возрождении китайской нации включён в Конституцию.

4

Народно-освободительная армия Китая.

5

В 2018 году повышен до заместителя Центрального военного совета, в 2017 году проводил переговоры с Президентом РФ В.В. Путиным в ходе визита в Москву.

6

В 2017 году стал членом ПК Политбюро, с 2018 года глава парламента Китая — Всекитайского собрания народных представителей.

7

В 2017 году стал членом ПК Политбюро, с 2018-го — глава Центральной комиссии по проверке дисциплины КНР.

8

Книга была опубликована в сентябре 2016 года. Осенью 2017 года Ли Чжаньшу и Чжао Лэцзи вошли в новый состав ПК Политбюро на 2017–2022 гг.

9

В 2018 году в ходе голосования на Всекитайском собрании народных представителей (ВСНП) с одним голосом против избран заместителем председателя КНР

10

Собрание народных представителей.

11

Народный политический консультативный совет.

12

Народный политический консультативный совет Китая.

13

Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины.

14

По итогам XIX съезда КПК в октябре 2017 года Ли Юаньчао и Лю Юньнань утратили свои позиции.

15

В 2018 году Ху Чуньхуа получил назначение вице-премьера Китая, вошёл в Политбюро КПК, однако не стал членом Постоянного комитета Политбюро.

16

Арестован в июле 2017 года.

17

Подробнее: <https://www.south-insight.com/planxi>.

18

В 2017 году сразу же после объявления о внесении поправок в Конституцию КНР, подразумевающих бессрочное правление Председателя КНР, было принято решение о переподчинении Народной вооружённой полиции КНР из ведения Госсовета (правительства) под непосредственный контроль Центрального военного совета, или Си Цзиньпину. Перед экстренным пленумом ЦК КПК 18 января 2018 года 3–4 января в стране были начаты беспрецедентные по масштабам военные учения всех родов войск.

19

Покинул пост первого секретаря Синьцзяна в августе 2016 года. В октябре 2016 года в качестве заместителя главы малой руководящей группы по партийному строительству ЦК КПК провёл инспекционную поездку в родную провинцию Си Цзиньпина Шэньси. С марта 2018 — один из тринадцати заместителей главы китайского парламента ВСНП.

20

Арестован в июле 2017 года.

21

В 2017 году не вошёл в состав Политбюро. В 2018 году по итогам масштабной реорганизации Госсовета КНР (правительство Китая) стал министром природных ресурсов.

22

Переназначен премьером в 2018 году.

23

Вошёл в состав Постоянного комитета Политбюро в 2017 году, с 2018 года Председатель Народного политического консультативного совета Китая, второй по влиянию после китайского парламента организацией в стране.

24

Не вошёл в состав ПК Политбюро, вошёл в общий состав Политбюро и назначен вице-премьером, курирующим сельское хозяйство. После ареста «партнёра по паре» мэра Чунцина в июле 2017 года Сунь Чжэнцзя публично критиковал его на партсобрании провинции Гуандун.

25

Арестован в июле 2017 года.

26

Арестован в ноябре 2017 года, стал первым крупным чиновником, арестованным сразу же после окончания 19 съезда КПК.

27

Покинул пост в 2018 году.

28

Юань включён в корзину резервных валют МФВ.

29

Е Цзяньмин арестован в Китае в начале 2018 года. В 2017 году ушли из жизни два сына маршала Е Цзяньмина — Е Сюаньцзи, Е Сюаньнин.

30

Назначен главой Генерального штаба КНР в сентябре 2017 года.

31

С октября 2017 года — глава Министерства общественной безопасности КНР (аналог МВД РФ).

32

С марта 2018 года не занимает каких-либо государственных постов.

33

По состоянию на 1 сентября 2018 года У Ихуань продолжала занимать позицию вице-мэра Шэньчжэня, курирующего культуру и туризм.

34

С июля 2017 года Ма Синжуэй назначен губернатором провинции Гуандун.